

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖ-
ДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИР-
СКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XIII межрегиональной научной
конференции молодых ученых*

Новосибирск
2015

ББК 87
УДК 303.01

Сборник издан по решению Ученого совета
Института философии и права СО РАН

Рецензент

доктор филос. наук, профессор В.В. Целищев

Отв. редакторы

канд. юрид. наук А.Б. Дидикин

канд. филос. наук В.В. Петров

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XIII межрегиональной научной конференции молодых ученых. — Новосибирск: Омега Принт, — 2015. — 226 с.

ISBN 978-5-91907-030-6

В сборнике публикуются доклады участников XIII межрегиональной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований. Труды изданы при поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН. Статьи публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-91907-030-6

© ИФПР СО РАН, 2015

© НИУ НГУ, 2015

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧЕНОГО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
ablazhey@philosophy.nsc.ru

Вместо предисловия. Выступая в середине сентября 2014 г. в Санкт-Петербурге на конференции держателей мега-грантов, министр образования и науки Российской Федерации Дмитрий Ливанов поддержал инициативу Минтруда (и, отметим в скобках, Федерального агентства научных организаций - ФАНО) об отмене специальной доплаты за ученую степень научным работникам и подчеркнул, что оплата труда не должна быть главным критерием при выборе науки в качестве профессии. Согласно мнению министра, «что касается карьерных мотивов, то для молодого человека, который приходит в науку и который выбирает научную деятельность в качестве своей будущей работы, вопрос об оплате труда важен, но не является основным и ключевым. Самое важное — это интерес, самое важное себя реализовать. Я знаю это просто по себе». [Ливанов]

В качестве методологического базиса приведем слова Е.З. Мирской, согласно которым: «для успехов в науке человеку необходимо чувствовать себя ученым, обладать самосознанием ученого, т.е. в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной модели и в свое время был воспринят им как эталон. В этом плане можно сказать, что традиционная ориентация играет роль своеобразного охранного механизма: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого... производя с помощью действующих ученых новые знания, наука... производит и новых ученых. Традиционная модель – это образец, на который ориентируется ученый. Трансляция традиционной модели ученого и его деятельности в процессе социального

образования является одним из способов (возможно - основным) приобщения новых поколений, вступающих в науку, к традициям и кодексу научного сообщества». [Мирская, 1995; С. 27] Добавим – и обретения новыми членами сообщества уникальной профессиональной идентичности, которая, наряду с традиционным этосом, описывает основные элементы ученой профессии.

Согласно Э. Мирскому (текст размещен в сетевой «Энциклопедии эпистемологии и философии науки»), «ученый – это человек, получивший специальное образование и профессионально занимающийся научной или научно-педагогической деятельностью и имеющий благодаря этому постоянный легальный источник дохода и соответствующий социальный статус. В последнее время по мере формирования научно-инновационного комплекса в официальных международных документах (ЮНЕСКО, Европейский союз) термин «Ученый» все больше вытесняется термином «исследователь». «Исследователь» определяется как «профессионал, занятый постижением или созданием нового знания, продуктов, процессов, методов и систем, а также в управлении такого рода проектами» [Мирский]. Исходя из такого представления о фигуре ученого, можно предположить усложнение описанной выше традиционной модели, возникновение, наряду с классическим образом ученого, параллельных образцов исследователя.

В 1999 г., начиная на страницах журнала «Pro et Contra» очень плодотворную дискуссию о трансформации методологических и методических основ отечественной социальной мысли под влиянием западных концепций, А. Д. Богатуров так описал фигуру современного гуманитария: по его мнению, «полоса тягот изменила нас социально и профессионально. Из части прежней академической и вузовской интеллигенции вырос диковинный тип "комплексного" профессионала: на треть - научного сотрудника, ещё на треть - преподавателя в университете или колледже, а на остальное (в зависимости от склада ума и ситуации) - аналитика-практика, политического журналиста, мастера по PR-кампаниям или эксперта-консультанта при депутате, вице-губернаторе или благотворительном фонде. Жить стало разнообразнее и тяжелее [Богатуров, 1999; 195] На смену устоявшимся формам идентификации представителя ученой профессии пришло

понимание того, что стандартный портрет много сложнее, чем 20 или даже 10 лет назад.

В 1999 г. в пилотном выпуске нового журнала «Науковедение» была опубликована статья Ю. М. Плюснина ««Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования», в которой автор на материалах массового экспертного опроса научных сотрудников институтов Новосибирского научного центра описал феномен «лишних» людей в науке. Линией разделения стали ближайшие планы респондентов и ответы на вопрос «Почему сохраняете верность науке?»: либо в надежде на лучшее, потому, что нравится профессия ученого («свои») или невозможность найти лучшее место, скорый выход на пенсию и пр. («лишние»). Согласно результатам Ю.Плюснина, представители «лишних» людей в науке имеют несколько родовых черт: такой учёный консервативен, ориентирован на привычные и однозначно определённые структурные (формальные) связи; эти учёные плохо и долго адаптируются к новым условиям, стабильность внешних условий требуется им как важнейшее условие внутренней стабильности; наука для такого учёного – прежде всего работа, но отнюдь не романтическое увлечение; им свойственно ожидание и требование стабильности и неизменности, защищенности и патронажа, учёные этой группы беспокоятся о стабильности своего института и всего Отделения, склонны доверять руководству и поддерживать его, предпочитая искать виноватого скорее на стороне, чем в своей собственной среде. [Плюснин, 1999;17-19]

Молодой иркутский (впоследствии – санкт-петербургский) исследователь Кирилл Титаев в 2005 г. написал статью (она до сих пор не опубликована), посвященную специфике «провинциальной науки» и прежде всего фигуре псевдоученого, ставшей наиболее характерной чертой этой самой «провинциальной науки». Главные черты – имитация научной деятельности, методологическая и методическая автаркия, незнание и, более того, нежелание знать, что происходит в «центральной» науке. Искаженное представление о том, что такое наука и кто имеет право называть себя ученым (себя он считает ученым без всякого в том сомнения). В том же ряду стоит описанный В. Радаевым феномен о местечковой науке, в частности, он писал о местечковом варианте «политэкономии» и

местечковом же типе «ученого», который также не желает знать, что происходит за пределами его тесного мирка.

Проведенные нами в 2000-х гг. исследования ситуации в региональных научно-образовательных центрах Сибири (Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) позволили прийти к выводу об устойчивой кризисной динамике профессиональной идентичности членов научных сообществ в провинции. В частности, полученные результаты говорили о наличии представлений самих ученых об отрицательной динамике отношения к науке и ученым, преподавателям вуза, к образованным людям вообще. Один из участников исследования выразил эту мысль очень четко: «Раньше мы были белая кость, уважаемые люди, особенно для восточного общества. Они уважали учителей, а сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги». Другой наш собеседник, подтверждая, с одной стороны, эту мысль, выразил, тем не менее, уверенность, что это уважение еще сохраняется на уровне сознания сельского жителя, продолжающего оставаться, во многом, носителем традиционного сознания: «Ученые – это была Интеллигенция с большой буквы, к ним здесь (в Туве) относились с большим пиететом, и в общем-то это до сих пор сохранилось, по крайней мере за пределами Кызыла, там кандидат наук, ученый, преподаватель университета - это действительно большой человек, и то, что он скажет, просто последняя инстанция».

Весьма характерны также оценки научной карьеры в качестве канала социальной мобильности: «это один из способов продвижения по карьере, как-то выдвинуться.... в целом в жизни это помогает: и для престижа, и в карьере, ну и во всем; для личного удовлетворения в статусе; если нет больше возможностей как-то подняться, продвинуться – [тогда идут] через науку. Была бы возможность сделать карьеру в других сферах... они бы там нашли свое применение и успешно работали.... люди идут-то из низов в науку, из небогатых семей... приезжают из деревень, заканчивают университет, и им остается-то опять в деревню ехать. Вот они и ищут нишу, если есть какие-то способности и возможности, они в науку идут. У нас все научные сотрудники в основном из деревни». При этом многие «считают, что напишут кандидатскую как диплом и будут большим человеком, со всеми вытекающими

последствиями...что это возможность получения каких-то льгот, хотя ничего такого уже давно нет».

Обращает на себя внимание своеобразная обида на власть в силу невнимания к нуждам людей науки и непонимание возможностей науки с ее стороны на уровне региона. «В сравнении с советским период статус науки был выше - за счет партии [КПСС]. Мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады (!)... я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации тоже не очень активно интересуются нашим мнением... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно».

Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации. По мнению одного из опрошенных нами ученых, связано это с тем, что «просто по пальцам можно перечесать тех, кто понимает, что такое наука, т.е. они сами прошли вот это все, не получили готовое». Очевидно, что люди в регионах, рассматривая науку только как удобную ступеньку в карьере, зачастую не ставят перед собой задачу усвоения традиционных для научного сообщества профессиональных ценностей: «если говорить о настоящей науке, то по сути это бессеребренничество и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот человек ученый». Возможно, здесь есть весомый элемент самооправдания – я настоящий ученый и потому бедный. Такой «синдром Перельмана».

Кризис идентичности характерен не только для старшего поколения ученых. Как показали исследования И. Дежиной [Дежина, 2003], Е. Гвоздевой и Е. Высоцкого [2004], он ярко проявляется в момент одного из пиков профессионального становления, а именно – защиты кандидатской диссертации. Как убедительно доказано, молодого ученого сложнее удержать в науке, чем привлечь в нее. Причина является резкий диссонанс профессионального (кандидат наук) и социального (небольшая зарплата, слабый административный уровень) статусов в возрасте около 30 лет. Для российской науки типичная стала фигура молодого кандидата наук, занимающего временную ставку, не

имеющего собственного жилья и особых перспектив на его приобретение.

Отметим многообразие ролей в современной науке и динамика изменения критериев успеха – на примере аспирантов академических институтов (исследование проводилось в Новосибирском научном центре, включая НГУ, в 2005-2006 г.). Наши исследования показали, что учащиеся академической аспирантуры делятся на три ведущих типа:

1. Аспиранты, выбравшие традиционную научную карьеру в академическом институте (тип – традиционный ученый), 40 % всех респондентов. Для этого типа характерно соединение как привычных критериев профессионального успеха в науке, так и относительно новых. Чаще всего упоминаются факт защиты кандидатской и докторской диссертаций; авторитет среди российских и зарубежных коллег; высокий размер доходов за счет занятий наукой. Продолжает сохранять значение и такой важнейший показатель как свобода научного творчества, возможность заниматься теми проблемами, которые интересны прежде всего самому себе, невзирая на конъюнктуру, финансовые соображения и т.д. (слова Чупахина).

2. Аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в негосударственном научном центре (тип – ученый новой формации), 12 % всех участников опроса. Для респондентов этого типа характерно резкое падение значимости факта защиты диссертации; важный критерий - свобода научного творчества; высокие доходы за счет занятий.

3. Аспиранты, планирующие продолжить свою карьеру в бизнесе в сфере науки и высоких технологий (тип – бизнесмен от науки), 36 % участников опроса. Здесь лидирующие позиции, как и следовало ожидать, занимает такой критерий профессионального успеха как высокие доходы. Следующая по важности позиция: свобода творчества. Гораздо менее значим удельный вес таких факторов как защита диссертации, авторитет среди российских и зарубежных коллег.

Главное – большая часть опрошенных аспирантов по-прежнему отвечает утвердительно на вопрос о том, является ли научная деятельность их призванием. Тот факт, что в качестве будущего места работы человек выбирает не академический

институт или вузовскую кафедру, а научное подразделение коммерческой компании, не дает оснований отказывать ему в праве считать себя профессиональным исследователем.

Экспертный опрос, проведенный весной 2009 г. в ряде институтов ННЦ естественнонаучного профиля, показал – на фоне вынужденной консервации кадровой структуры институтов начинает меняться и образ успешной научной карьеры в глазах молодого поколений ученых. Если еще недавно занятие административной должности (заведующий лабораторией, ученый секретарь, заместитель директора) традиционно считалось весомым карьерным успехом, то сегодня не менее, а зачастую более важным его критерием для молодых становится обеспечение условий, прежде всего финансовых, для реализации собственного научного проекта. И это в очередной раз позволяет утверждать, что для молодежи все более характерной становится более индивидуальный характер научной работы, накопление персонального профессионального капитала, своеобразного исследовательского порт-фолио.

Таким образом, следует сделать вывод, что типичный молодой ученый сегодня - это ярко выраженный промежуточный тип члена сообщества. С одной стороны, он хорошо усвоил правила игры и выстраивания карьерных стратегий, сложившимися в российском академическом сообществе, с другой – гораздо более адекватно реагирует на постоянно изменяющиеся условия существования науки, более активен в различного рода контактах с зарубежными коллегами и бизнес-сообществом, не заикливается на устоявшихся формах успеха и т.д. И такой тип ученого и соответствующая ему профессиональная идентичность – это уже продукт постсоветской науки.

Литература

1. Д. Ливанов напомнил о бескорыстном характере научной деятельности // URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/17/livanov2/> (доступ 17.09.2014)
2. Мирский Э.М. Ученый // URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/847 (доступ 16.09.2014)

3. Е.З. Мирская. Человек в науке // Социальная динамика современной науки. М., 1995.

4. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 1999, Том 5, №1. С.195-201

5. Плюснин Ю.М. «Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования // Науковедение, 1999, № 1 (1). С. 1–19

6. Дежина И.Г. Молодежь в науке // Социологический журнал, 2003, №1

7. Гвоздева Е., Высоцкий Е. Завтрашний день будущего российской науки. Новосибирск, 2004

ТЕОРИЯ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ: ОТ СТРУКТУРНОГО К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ОБЪЯСНЕНИЮ¹

Н.В. Головкин

Институт философии и права СО РАН

golovko@philosophy.nsc.ru

Теория тройной спирали, описывающая взаимодействие университета, государства и бизнеса, была предложена в 1990-х как ответ на трансформацию традиционного для индустриального общества отношения «государство – производственная сфера» в новых условиях, которые диктует развитие общества знаний [1]. Собственно основной тезис теории заключается в том, что потенциал экономического развития общества знаний напрямую зависит от успешности инновационной деятельности университета. Реализация этого потенциала приводит к формированию университета нового типа – предпринимательского университета, который не только сохраняет традиционную роль университета, связанную с нуждами образования и производства знания, но и выступает основанием для возникновения новых гибридных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-475.2014.6 «Исследовательские университеты в регионах: институциональные, политические и внутрисоциальные факторы развития (на примере федеральных и национальных исследовательских университетов Восточной и Западной Сибири)».

институциональных и социальных форм организации инновационной деятельности, объединяющих университет, государство и бизнес, служащих производству, трансферу и применению знания на практике. В данном случае, формирование предпринимательского университета можно описать как процесс «креативного разрушения» сложившихся отношений между университетом, государством и бизнесом, которое по определению сопровождается синтезом новых форм этих самых отношений, отвечающих основным установкам общества знаний. Суть концепции тройной спирали, кроме очевидного синтеза различных элементов, по-своему отражающих новую роль университета, задачи государства и модели развития бизнеса с целью обоснования новых институциональных, а также социальных форм производства, трансфера и приложения знаний, отражают следующие два контекста – неoinституционализм и неоеволюционизм.

Неоинституциональная перспектива подчеркивает роль университета, как подвижника инноваций на национальном и региональном уровне, анализируя аспекты коммерциализации произведенных знаний, включенности в социально-экономическое развитие, технологический трансфер, предпринимательскую деятельность, взаимосвязь с бизнесом и производством, вклад в региональное развитие и т.д. В данном случае, большое значение имеет понятие «третья миссия» университета, которая отражает динамику «включенности» университета в процесс решения актуальных (с точки зрения заданных стейкхолдеров) вопросов. В частности, подчеркиваются три основные формы отношений, связывающие университет, государство и бизнес: (а) «статическая», когда ведущую роль играет государство, тем самым, ограничивая возможности университета и бизнеса осуществлять инновационные преобразования (например, Россия и Китай); (б) «либеральная», когда вмешательство государства в экономику ограничено, бизнесу отводится лидирующая роль, а сами государство и университет становятся вспомогательными структурами, например, как «кузница кадров» и внешний регулятор социальных и экономических отношений соответственно (например, США); (в) «сбалансированная», когда учитывается основная специфика общества знаний – университет (и другие производящие знание

институты) является главным проводником и ключевым элементом в отношениях с бизнесом и государством. Очевидно, в настоящее время эта форма является лишь теоретическим воплощением идеи инновационного развития, отвечающему обществу знаний, тем не менее, ее нужно зафиксировать (как и саму модель общества знаний) чтобы сформировать идеал, который ставит университет в центр отношений триады.

Неоэволюционная перспектива подчеркивает важность теории социальных коммуникаций (Ю. Хабермас, Н. Луман, Л. Лейдесдорф и др.), которая рассматривает университет, государство и бизнес как коэволюционирующие подсистемы общества, которые взаимодействуя изменяют свою институциональную структуру, подчиняясь рефлексивной динамике рынков, технологических инноваций, политических отношений и т.д. В каком-то смысле, эта перспектива также является следствием переноса на модель общества знаний теории коммуникаций и обмена информации (К. Шэннон и др.). Предполагается, что каждая институциональная сфера порождает новые типы связей и структур, приводящие к сетевой интеграции, в рамках которой сама институциональная сфера выполняет роль селективной среды, а взаимодействие между сферами – роль селективного механизма. Так же как и в неоинституциональной перспективе, здесь можно выделить несколько ключевых элементов, описывающих общую динамику системы: (а) «функциональное деление», например, связывающее науку и бизнес; (б) «институциональное деление», например, связывающее частный и общественный уровни контроля за деятельностью университета, бизнеса и государства, что позволяет говорить о сложном селективном механизме взаимодействия этих трех элементов; (в) «внутренняя дифференциация», которая происходит внутри каждой из институциональных сфер и сопровождается тем, что порождает новые структуры и интеграционные механизмы, такие как отделения технологического трансфера в университетах, бизнес-инкубаторы и т.д.; (г) «селективная среда», которая организует пространство коммуникации между механизмами и выступает, по-видимому, главным основанием для гибкого ответа на изменившиеся внешние условия и т.д. В каком-то смысле, взаимодействие агентов внутри модели тройной спирали должно подчиняться вероятностной

механики, которая будет оценивать общую энтропию системы и уровни самоорганизации, которые могут быть временно стабилизированы актуализацией определенных связей и механизмов. Причем состояние системы, в данном случае, можно оценить внешним образом – по различным «библиометрическим» показателям (количество патентов и т.д.) и тем самым зафиксировать динамику, тренды, устойчивые паттерны, географические центры и т.д. (Л. Лейдесдорф, Р. Тиссен, С. Хаген и др.).

Естественно, одна из наиболее фундаментальных ролей в теории тройной спирали принадлежит исследовательскому университету [2]. Именно университет создает знание и инициирует его (знания) практическое применение, и, в данном случае, под «применением» понимается формирование определенной интерактивной (а не линейной) модели предпринимательской деятельности, отвечающей за качество инноваций. Производство становится все более высокотехнологическим, и бизнес ищет новые пути привлечения науки на производство и обучения специалистов. Государство выступает в роли венчурного капиталиста, пытаясь расширить свою традиционную роль главного регулятора за счет акцента на необходимости инновационной деятельности. Как следствие в инновационный процесс вовлекаются даже те организации и уровни общества, которые ранее не входили в эту сферу, – тот же университет, в свое время, выступал скорее консерватором. Акцент на третьей миссии, коллаборация с другими участниками предпринимательской деятельности, направленная диверсификация форм производства и передачи знания, – все это именно те важные составляющие современного понимания инновационного процесса, которые способен осуществить только предпринимательский университет. Студенты сейчас, это не только новое поколение профессионалов в отдельных областях знания, но и будущее поколение предпринимателей, вовлеченных в общий процесс экономического развития, создания новых рабочих мест и т.д. Предпринимательский университет изменил привычную картину всей системы образования и экономического развития – университет становится основным центром не только производства знания, но и трансфера технологий, университет становится главным центром регионального развития, поддерживая инновационную деятельность и предпринимательскую активность.

В одной из последних работ Г. Ицковиц и М. Ранга отмечают, что теория тройной спирали давно перестала быть удобным теоретическим инструментом, и что пришло время принять эту теорию как функциональную модель новой инновационной системы [3, р. 238]. На наш взгляд, теория тройной спирали действительно обладает большим потенциалом, продиктованным, в том числе, тем, что она уже впитала в себя не только основные идеи общества знаний и сопутствующие теоретические представления, но и множество элементов современной экономической теории и целый ряд практических установок: акцент на нелинейности взаимодействия различных агентов, участвующих в инновационной деятельности; деление сферы R&D на несколько основных секторов инноваций (трансфер технологий, конфликтный менеджмент, коллаборативное управление, аутсорсинг и т.д.) и, как следствие, постулирование новых форм реализации актуальных запросов общества, и т.д. – все это делает теорию тройной спирали как минимум интересной с точки зрения практического применения.

Литература

1. Etzkowitz H. The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation In Action. London: Routledge, 2008.
2. Clark B. Creating entrepreneurial universities: Organizational pathways of transformation. Oxford: Pergamon, 1998.
3. Etzkowitz H., Ranga M. Triple Helix Systems: An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Society. Industry and Higher Education. 2013. 27 (4): 237–262.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ ИСТОКИ

А.А. Гордиенко

Институт философии и права СО РАН
gordienko.22@mail.ru

Формирование капитализма размывает общинный способ регуляции поведения индивидов, начинается переход от традиционного общества к гражданскому обществу с его

основополагающей доминантой – свободой и независимостью отдельно взятой личности не только от властелина, но и от общины. Это означает, что на смену неподвижному в своем статусе, политически, социально и местно ограниченному в своих связях индивиду, действия которого опутаны бесчисленными не писанными регламентациями (и поддержкой) обычаев и традиций, приходит индивид «всемирно-исторический», «эмпирически-универсальный» (К. Маркс). Процесс такой смены восходит к зародившейся в христианстве идеи духовной целостной индивидуализации личности, которая долгие столетия так и оставалась лишь идеей. Эта историческая «задержка» связана, в первую очередь, с состоянием самого общества. В частности, в средние века в странах западноевропейского ареала личность не могла быть индивидуализированной потому, что «разделение (или соединение) общего и частного было представлено в общественной иерархии, а не в каждом отдельном индивиде. И в этом смысле действительной личностью являлось, скорее, все общество в целом. При этом в каждом отдельном индивиде личностное начало было выражено в той мере, в какой он был причастен к иерархическому общественному целому» [1. С. 50]. На верхних ступенях все проявления человеческой жизни имели общественное значение, те же, кто находился внизу социальной иерархии, имели частную функцию – поддержание собственной жизни на основе натурального хозяйства.

Преодоление натурального хозяйства и новый (после античности) выход на уровень рыночного товарного производства (когда вновь был поставлен вопрос о реабилитации индивидуальности, отдельности) связаны в Западной Европе с развитием средневековых городов. В эпоху Ренессанса, возникает мануфактура, цеховая структура, растет специализация, в том числе и в сфере производства средств производства. Были вновь открыты, усвоены и развиты сложившиеся в античности отношения собственности.

Так возникают условия для актуализации и дифференциации христианской индивидуализации. Эта дифференциация связана с двумя видами труда, лежащими в основе человеческой деятельности: нетворческим и творческим трудом, сообразно которым выделяют два типа индивидуации: материальную и интеллектуальную. При

этом интеллектуальная индивидуация, есть, по сути дела, духовная, целостная индивидуация. Что же касается материальной, то в контексте духовно-целостной индивидуации более логично говорить о партикулярной – разделяющей индивидов – индивидуации. Так характеризуя материально-партикулярную индивидуацию, А. Г. Глинчикова пишет: «Это индивидуация через присвоение. Она имеет опосредованную товарно-денежную форму. И она, действительно, разделяет людей. Ты становишься богаче, отнимая у другого, присваивая. Чем меньше ты отдаешь, тем больше сберегаешь, - тем богаче становишься ты индивидуально в рамках этого типа индивидуации. Здесь «индивидуальное» неразрывно связано с частным, это индивидуация-приватизация» [1. С. 47-48].

В основе индивидуально-творческой индивидуации лежит не отчуждение, а соединение, путь людей друг к другу. Это творчество и сотворчество людей. «Она не структурна, не формальна. Это не индивидуация одного за счет другого, но напротив, включение, приобщение к своим идеям, к своему миру как можно большего количества людей. Вы становитесь тем богаче и тем индивидуальнее, чем большее количество людей способно разделить с вами ваш мир и сделать его значимым для себя. Это индивидуация через обобществление. Она непосредственна по своей форме, поскольку осуществляется в ходе непосредственного общения и взаимодействия. [1. С. 48].

Сама по себе христианская индивидуализация в этом контексте дифференцируется на нисходящую и восходящую, что обуславливается дуальностью христианства, «то есть возможностью преобладания либо его «посюсторонней» земной, стороны, либо же сверх-природной» [2. С. 20]. Очевидно, что в процессе материально-партикулярной индивидуации будет разворачиваться посюсторонняя земная сторона христианства. Доминирование партикулярной индивидуации складывалось (прежде всего, у католиков и протестантов) в эпоху Реформации и Просвещения, когда произошло перемещение центра тяжести человекостояния из области абсолютного, трансцендентного, из области Высшего идеала в координаты земной жизни. Это четко видно на основе предложенной В. С. Непомнящим типологии христианских культур, в которой анализируется внутренний строй наций христианского Запада и христианского Востока. На западе у католиков и

протестантов главный церковный праздник – Рождество, а в православии – Пасха. В этом заложено глубокое ментальное различие. «Нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества» – это немецкая пословица. Почему «нет выше»? Да потому, что Рождество Христово есть Боговоплощение: Бог вочеловечился – говорится в Символе веры. То есть, Бог так любит меня, что уподобился мне! Значит... значит, я этого достоин (вспомним рекламные слоганы). Это лестно мне, а главное: стало быть, я имею право осознать себя, человека, точкой отсчета и мерилom всего» [3. С. 144]. Таким образом, сущность нисходящей индивидуализации личности, вторичного соединения Бога и человека заключалась в том, что Бог как бы «спускался» с небес в человека»[1. С. 51].

Характерной чертой нисходящей индивидуации является то, что «личное» здесь соединилось не просто с индивидуальным, а с «частным» – отдельным. «Именно с этим (и только с этим) конкретным западным типом индивидуации связано отождествление «частного», «личного» и «индивидуального», которое впоследствии получило название индивидуализма»[1. С. 51]. «При этом исторически «частное» в рамках западной цивилизационной парадигмы отождествляется, с одной стороны, с индивидуальным, а с другой стороны – с семейным (это берет начало в античности) и связано с владением определенной собственностью (что развивается уже в период зарождения капитализма в эпоху Возрождения). Так, – резюмирует А. Г. Глинчикова, – в рамках западной парадигмы (и только в ней!) складывается то понимание индивидуально-личного, которое позднее было представлено, как „индивидуальное вообще“. Это понимание отождествляло „индивидуальное – частное – владение собственностью“»[1. С. 53]. Здесь владение частной собственностью «соответствует природе человека», а лишение собственности выступает как деиндивидуация.

Реформация привела к религиозным войнам за свободу совести, которые, по сути дела, открыли этап формирования новых способов интеграции общества и его отношений с властью. На фоне Реформации церкви, позднеэократический патерналистский тип власти утрачивает свою легитимность в глазах общества. Начинается эпоха революций XVI–XIX вв., в ходе которых открываются перспективы посредством жесткого противостояния сменить тип власти с патерналистского на гражданский. Первоначально эти

революции связаны со становлением капитализма. Капитализм начинает торжествовать тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством. В этой связи Ф. Бродель утверждает, что «подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий»[4. С. 71]. Игра началась с того, что бескровные накопители объявили яростную войну против каких бы то ни было родовых наследственных привилегий власть имущей аристократии. Именно вышедшие из других земель, в результате преследований церкви, (В. Зомбард указывает, в первую очередь, на разгул испанской инквизиции, вызвавшей поток беженцев в Англию из Испании, Франции, Португалии) и освободившиеся от всяческих «предрассудков», «новые люди» становятся самыми горячими поборниками принципа ничем не стесненной частной собственности, частной инициативы и ничем не ограниченных товарных отношений. Особенно жестокой эта борьба была в Англии, где новые богачи состояли в основном из беженцев, образовавших кальвинистские секты, которые имели «парадигмальную по своему значению роль» (М. Вебер) и задавали тон.

По мере того, как нувориши утверждались в своих требованиях, они стали самоорганизовываться. Такая самоорганизация, в соответствии с новым пониманием природы человека, исходит из идеи индивидуальной автономии и вдохновляется представлением о том, что общество есть продукт индивидуальных волей. В этой связи, - замечает, Ю. Хабермас в своей книге «Структурная трансформация публичной сферы» , - «буржуазная публичная сфера может рассматриваться как сфера, в которой частные люди сходятся в качестве публики»[1. С. 53]. Однако, несмотря на противостояние с феодальной властью, «правление на основании передачи господских полномочий» представителям буржуазии оказалось невозможным. «Буржуазия, – пишет Хабермас, – состояла из частных людей, и в этом качестве они не могли «управлять»[1. С. 53]. Для них было важно сохранение собственности как частного интереса, защищая этот интерес перед государством, они действовали совместно, образуя буржуазную публичную сферу. В результате «их сила (власть) проявилась как противостоящая публичным властям. Принцип контроля, который буржуазное общество противопоставило предыдущему, а именно: публичность, был

направлен на изменение самого типа господства. Утверждение нового типа власти, осуществляемой в ходе рационально-критических дебатов, привело к отказу от прежнего типа правления и повлекло за собой нечто большее, чем просто изменение основания легитимности, сохраняя при этом прежний тип господства» [1. С. 53].

«Очень важно, – пишет в этой связи А. Г. Глинчикова, – что именно из этого противостояния старого типа публичности, заключенного в патерналистском государстве, и нового типа гражданской публичности, заключенного в ассоциированном и внутренне консолидированном гражданском обществе, и выросла западная модель общественного суверенитета, предполагающая компромисс и институционализацию общественно-государственного конфликта» [1. С. 53-54]. Из конфликта-сосуществования этих двух типов публичности (добуржуазного и буржуазного) родилась западная модель представительной гражданской активности, с характерным для нее типом конфликтной гармонизации» [1. С. 54]. Здесь следует подчеркнуть, что представительная гражданская активность исходно возникает в противоречивом взаимодействии двух институтов патерналистского государства и гражданского общества. И надо понимать, что с тех пор государство и гражданское общество существуют во взаимодействии.

Литература

1. Глинчикова А.Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 38-56.
2. Киселев Г.С. Религиозные смыслы мира человека // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 18-29.
3. Архангельская Н., Краснова В. Царь, поэт и мы // Эксперт: лучшие материалы. Академически беседы: от кварка до человека. – М., 2008. – С. 142-149.
4. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: «Полиграмма», 1993. – 121с.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: РЕЙТИНГИ, КРИТЕРИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. Петров

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
v.v.p@ngs.ru

Изменения, произошедшие в российском социуме на рубеже веков под влиянием глобализационных процессов, не могли не затронуть отечественную сферу науки и образования. Многочисленные реформы, вызванные самыми разными причинами, направлены на достижение одной цели: повышение качества и конкурентоспособности российского образования. Как оценивать и по каким критериям – вопроса даже не возникает: казалось бы, есть различные международные рейтинги, присутствие в верхних строчках которых отражает весьма высокий статус вуза. Соответственно, задача, которую ставят реформаторы – попасть в верхние строчки международных рейтингов. Давайте обратимся к хорошо известной программе «5–100–2020»: подразумевается, что если 5 российских высших учебных заведений смогут войти в сотню лучших университетов мира (по международным критериям), то модернизация отечественной системы высшего образования проводится успешно. Обращаю внимание, происходит некоторая подмена понятий: то есть задача ставится как «войти», а отнюдь не «повысить» конкурентоспособность российских вузов. Допустим, я «цепляюсь» к формулировкам, но на сегодняшний день существует вполне конкретная проблема: с одной стороны требуется обозначить присутствие российских университетов в верхних строчках мировых рейтингов, с другой стороны, эффективность российских университетов в современных социокультурных условиях для этого недостаточна. Давайте разберем, что представляет собой «эффективный» университет, почему он таким является и как он таким стал.

Как правило, в качестве модели эффективного университета приводят классические университеты США, апеллируя при этом как раз к международным университетским рейтингам: больше половины первой сотни университетов оказываются американскими

[1]. В основе такой модели успешного университета лежит еще более старая модель средневековых университетов Европы, которые представляли собой не просто научно-образовательные центры, а по своему устройству напоминали некие политические образования с основными организационными принципами классических европейских республик.

Конечно, в последние десятилетия университетская система в англо-американских странах подверглась некоторым изменениям. Если в 50-е – 70-е годы XX века около 80% студентов учились, чтобы освоить философию жизни, то сейчас до 70% студентов учатся, чтобы быть востребованными на рынке труда и получать достойную заработную плату. Они считают, что знание должно приносить прибыль, его можно разложить по карманам, чтобы приступить к практической деятельности. Тем не менее, какая бы прикладная направленность получения нового знания не присутствовала, в классическом западном понимании университеты должны заниматься производством фундаментального знания. Университеты могут задавать вопросы, не ограничивая свободу обсуждения возможных ответов. Университет – это институция, которая поддерживает свободную дискуссию и находит точку зрения, которую можно публично защитить [2]. Следующей обязательной чертой классического эффективного университета с самого основания является наличие академических свобод, то есть права преподавателей и ученых «... вести исследования, преподавать и публиковаться без ограничений со стороны учреждений, где они работают» [3]. Это значит, что оценивать значимость произведенного знания и определять дальнейшее направление научных исследований могут только коллеги по профессии – в данном случае – научное сообщество, а не чиновники из различных министерств и ведомств. Далее, для того, чтобы подобные свободы существовали, университет должен быть финансово независимым, то есть иметь диверсифицированное финансирование, которое позволяет соблюдать баланс между бизнесом, государством, и различными благотворительными фондами, то есть не зависеть финансового или политического влияния.

Не менее важным аспектом является управление «университетской республикой». Как известно, любое управление в самом широком смысле оно может быть определено как действия

группы людей, соединяющих свои усилия для достижения общих целей. Спецификой этих действий является междисциплинарный характер, наличие теоретических концепций и моделей, и в то же время – ориентация на решение практических задач [4, с. 35]. Управлять процессом производства научного знания могут только люди, сами непосредственно занимающиеся наукой и понимающие, чем она отличается от добычи нефти или создания новых финансовых структур. Система управления университетской республикой носит смешанный характер, объединяя демократический, монархический и аристократический элементы. Деканы и ректоры наделены достаточно широкими полномочиями, отдаленно напоминая монархическую власть. Эта власть не превращается в абсолютистскую монархию, поскольку ее ограничивает «власть лучших» – аристократия – в виде коллегиальных органов, которые состоят (должны состоять) не только из лучших ученых, но и студентов: ученые советы, комитеты, комиссии, студенческие советы и т.д. Таким образом многочисленные органы самоуправления университетской республикой позволяют препятствовать принятию негативных решений.

Итак, классический эффективный университет характеризуется четырьмя основными принципами: во-первых, производством фундаментального научного знания; во-вторых, наличием академических свобод; в-третьих, финансовой независимостью, и, в-четвертых, автономным управлением.

Теперь обратимся к отечественной специфике развития региональных университетов. Прежде всего, в России, в отличие от запада, принципиально иная схема развития науки и образования – для продуцирования научного знания университетам необходимо интенсивное взаимодействие с научно-исследовательскими организациями [5, с. 68]. А это значит, что если университет территориально удален от научного центра, либо не имеет своей серьезной научно-технической базы, позволяющей вести фундаментальные научные исследования, то шанс стать эффективным по критериям международных рейтингов для него минимален.

Кроме того, верхний предел учебной нагрузки в вузе составляет порядка 900 ч. из 1536 ч. годового рабочего времени [6]. Нагрузка преподавателя практически приравнивается к учебной нагрузке школьного учителя. Вместе с тем, преподаватель вуза

аттестуется с учетом научной работы, времени на которую он фактически не имеет, потому что весь рабочий день уходит на организацию учебного процесса, подготовку к занятиям, работу с неуспевающими студентами, а также на другие мероприятия. Соответственно, ввиду перегруженности среднестатистического преподавателя вуза и отсутствия у него времени на занятие научной деятельностью, сегодня развитие фундаментальной науки на базе высших учебных заведений представляется весьма проблематичным. Помимо этого, быстрое обновление научных знаний и стремительное изменение социально-экономических и политических условий требует регулярного повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Положение о повышении квалификации раз в пять лет сохранено в законе об образовании, но, поскольку это должно осуществляться за счет средств работодателя [7], на практике часто превращается в фикцию. В прошлом повышение квалификации преподаватели вузов проходили раз в пять лет, в течение нескольких месяцев в лучших университетах страны. За это время можно было не только познакомиться с новыми достижениями науки, но и существенно обновить читаемый (или подготовить новый) курс, написать статьи, сдать кандидатские экзамены тем, кто не имеет возможности учиться в очной аспирантуре, и т. д. Но уже в течение двух десятков лет при средней нагрузке по кафедрам в вузах в 890 ч., не представляется возможным ни её перераспределение между другими преподавателями, ни отработка в течение одного семестра. У работодателя отсутствует заинтересованность в оплате командировочных расходов и обучения для всего преподавательского коллектива. Кроме того, для многих (особенно молодых) преподавателей значимым остается тот факт, что время аспирантуры и докторантуры не засчитывается в трудовой стаж. При защите диссертации в заключении диссертационного совета отмечается глубина и важность работы, проделанной соискателем, указывается, что он внес весомый вклад в развитие науки, за что ему присуждается ученая степень, а по законодательству выходит, что он все это время не работал. С другой стороны, против развития научной деятельности в вузе выступает исключение заочной аспирантуры и докторантуры [7]. Большинство очных аспирантов и так вынуждено работать, так как прожить на стипендию аспиранта

невозможно, но официально работать и учиться одновременно они не имеют права.

Немаловажным является и то, что в российском обществе, как и во всем мире, наблюдается тенденция усиления практической направленности образования. При этом гуманитарная общенаучная составляющая отходит на задний план. Основными потребителями образования по-прежнему являются бизнес, общество в лице социальных институтов некоммерческой направленности и государство. Но они начинают оценивать назначение образования с точки зрения производительного потребления, преследуя разные цели в качестве потребителей. Для структур бизнеса образование является средством потребления, обеспечивающим обращение капитала и заключающимся в минимально необходимом наборе профессиональных качеств работника. Компоненты образования, выходящие за рамки узкопрофессионального спектра (в частности, общекультурная подготовка), рассматриваются бизнесом как необязательное дополнение к профессиональной образовательной программе, неоправданно увеличивающее стоимость выпускника вуза на рынке профессионалов. Оценка же научных достижений и направление дальнейших научных исследований производится не коллегами по профессии, а аппаратом управления, к которому научное сообщество практически не имеет доступа (особенно после нашумевшей реформы РАН). Нацеленность идет, прежде всего, на развитие прикладных исследований, от которых в кратчайшие сроки можно получить отдачу и извлечь прибыль. Такая ситуация во многом обусловлена тем, что, во-первых, отсутствуют диверсифицированные источники финансирования науки и образования, а во-вторых, ученые оказались отстранены от управления наукой.

Соответственно, по всем четырем критериям, а именно: фундаментальности исследований, наличию академических свобод, диверсифицированного финансирования и автономного управления в подавляющем большинстве региональных университетов наблюдаются серьезные проблемы. Если ставится условие, чему должен соответствовать университет, но при этом нет возможности пользоваться необходимыми инструментами (либо потому, что их нет, либо потому, что нельзя), то вхождение (хотя бы вхождение!) в рейтинги по обозначенным критериям оказывается невозможным.

С другой стороны, если сделать акцент не на «вхождение в рейтинги», а на «соблюдение основных принципов классического университета» (с проработкой всей необходимой документально-нормативной базы и т.д.), то это сможет способствовать дальнейшему эффективному взаимодействию и развитию науки и образования на базе российских университетов и научных центров.

Литература

1. Академический рейтинг университетов мира 2013 (Шанхайский рейтинг) [Электронный ресурс] // URL: http://www.educationindex.ru/article_ranking-shanghai-2013.aspx, (дата обращения 09.01.2014).
2. Хархордин О.В. 50 грамм честности [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cogita.ru/analitka/mneniya-i-kommentarii/50-gramm-chestnosti>, (дата обращения 24.11.2013).
3. GLOBAL: How to create a world-class university <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20111007185423473>, (дата обращения 20.12.2013).
4. Диев В. С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии, № 8, 2010 С. 35-41
5. Петров В.В. Интеграция науки и образования в условиях модернизации российского общества // Философия образования. – 2012. – № 1 (40). С. 64–70.
6. Средние нормы времени для расчета объема учебной работы и учета основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других видов работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом вузов [Электронный ресурс] // URL: http://www.isuct.ru/edu/srednie_normi_vremeni.html (дата обращения 23.09.2013).
7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // URL: минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения 13.10.2014).

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Философия, логика и методология научного знания

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Баранов

Новосибирский государственный технический университет
egor732@inbox.ru

Едва ли кто-то станет оспаривать, что вопрос о проблемах в тех или иных сферах научных исследований может быть поставлен исходя из того, с каких позиций мы будем подходить к обнаруженным проблемам и какие выводы из их наличия мы собираемся сделать. Философское осмысление проблемы предполагает вопрошание о ее сущности и попытку раскрытия сущности проблемы через «вслушивание» в эту сущность, т.е. в то, что обращается к нам в этой проблеме, требуя внимания к своему наличию. Внимание к проблеме исследования означает также и вопрошание о том, что обращается к нам в этой проблеме. В чем сущность исследования как такового? Что значит – «исследовать»?

Любое исследование, исходя из содержания понятия, есть интенция познающего в отношении предмета познания, руководствующаяся необходимостью и важностью наличия познаваемого как такового. Стержнем исследования является захваченность познающего познаваемым, отчетливое понимание необходимости вопрошания о сущности предмета познания. Исследование есть вопрошание о сущности познаваемого и движение в сторону постижения этой сущности, т.е. обретения знания о нем. Знание же есть отчетливое и жесткое очерчивание границ существа исследуемого через раскрытие его сущности. Знание знаемого подразумевает возможность отличить это знаемое от всего прочего, поскольку его сущность была некоторым образом раскрыта в своей непосредственной ясности. Но понимает ли современное исследование такое знание? Стремится ли к нему? Догадывается о его существовании? Едва ли кто-то захотел бы в этом сомневаться. Однако современная наука в самом широком

смысле этого слова, с присущим этому ремеслу упрямством, демонстрирует нежелание иметь ничего общего с таким знанием.

О чем же, в сущности, здесь идет речь? Современная наука в самом широком смысле этого слова сегодня объединяется в нечто целостное лишь самым способом организации деятельности институтов и факультетов, а относительный смысл ее существованию придают материальные, практические цели конкретных специальностей, направленные на удовлетворение различных потребностей и достижение успеха, выражающегося в количестве приносимой «пользы», понимаемой сугубо утилитарно. Потенциальная важность исследования определяется экономическим эквивалентом от вероятных положительных результатов, прогнозируемых заведомо. Это значит: знание, в его наимогущественнейших и важнейших аспектах более не входит в область научного интереса, поскольку сущностное знание ни имеет ничего общего с «удовлетворением» и «прибылью», и никогда не руководствуется в своем постижении жадностью наживы.

То, что сегодня понимается под «научным знанием», яснее всего определяется как «осведомляющееся знание», т.е. такой способ познания, который стремится овладеть известным и господствовать над ним. Это знание предпринимает технически оснащенную атаку на известное, осуществляет грубое вторжение в него ради достижения деятельного, действительного управления известным и делового «ориентирования» в нем, а также горделивого самодовольного возвышения над известным. Такое знание предполагает определенное мировоззрение и определенный тип мышления, желающий познавать именно так и никак иначе. Кроме того, такое мышление по своему существу должно иметь дело с тем, что непосредственно дано как предлежащее, как выставленное перед ним изначально, как то, что есть. Другими словами, такое мышление - научное мышление - мыслит сущее. Это значит, что во всех науках, если следуют их положениям, имеют дело с самым сущим и ничем другим.

В чем же сущностная особенность научного мышления? Научное мышление есть ориентация в сущем, знание которого помогает так или иначе им овладеть. Отличие науки от других типов мыслительной деятельности в том, что она как бы дает возможность говорить самому сущему. Поскольку научное

мышление есть мышление сущего, не перестающее сообразовываться с именно таким образом постигаемым сущим, то оно само с необходимостью становится тождественным тому, что пытается помыслить. Это значит, что в познании, предпринимаемом таким мышлением, происходит «овеществление», «объективация» вопрошания, аргументов и обоснований мысли. Подобный подход, если продумать его до конца, так или иначе ведет к ограниченности мышления и закупоривания мысли «принятыми нормами ведения исследований», короче говоря – к подчинению сущему.

Такой статус научного знания, находящегося в услужении у сущего, дает возможность науке претендовать на ведущую роль и главенствующее положение в человеческом обществе. Иначе говоря, непогрешимость научного знания оправдывается именно тем, что оно по своей природе подчинено сущему, и, тем самым, способно раскрыть его сущность во всей полноте, и далее, следуя своей наивной уверенности, тем самым подчинить сущее. Именно это слепое упрямство привело к тому, что желание научного мышления обладать сущим на сегодняшний день только подтвердило древнюю истину, согласно которой обладание делает зависимым и, в конце концов, подчиняет обладающего. В этом статусе предстает современная наука - в покойном комфорте безопасного занятия для способствования голому прогрессу «знаний».

Вернемся к тому, как научное познание обращается с сущим - как исследует сущее. Исследователь – как сущее среди прочего сущего – «занимается наукой». Человек исследует: попробуем вслушаться в смысл этого слова и внять его призыву и указанию на свою истину. Во-первых, при исследовании он исследует, т.е. занимает определенную позицию, из которой исходит, которую покидает и оставляет, из которой начинает свое движение. То есть место, откуда он удаляется, ведомый осознанием необходимости познания истины существа познаваемого сущего. Во-вторых, он исследует, т.е. двигается, вторгается в сущее. При этом «занятии» происходит вторжение одного сущего под названием «человек» во всю полноту сущего и благодаря этому вторжению сущее раскрывает себя: что оно есть и как оно есть. Это вторжение прежде всего помогает сущему вернуться к самому себе.

Научное познание полагается только на сущее, передавая предмету исследования инициативу по раскрытию своей сущности.

Речь о том, что наука, со всем пестрым разнообразием методологий и подходов, бесчисленным множеством критериев оценки и экспертизы подходит к сущему так, словно раскрытие его сущности зависит от него самого. Должны ли мы соглашаться с таким статусом исследователя в отношении сущего? Является ли такой подход к сущему должным по отношению к его существу? Действительно ли раскрытое в таком исследовании что-либо раскрывает, про-ясняет, короче, говорит нам что-то о сущности вечно ускользающего сущего и его истине?

СОЗНАНИЕ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

А.Р. Бровкина

Сибирский федеральный университет, Красноярск
brovkina_ann@mail.ru

Вопрос о природе сознания не давал покоя человечеству на протяжении всей его истории. Проблема целенаправленного регулирования отношений человека к окружающему миру, возникнув вместе с первыми формами деятельности, не могла не волновать умы даже самых далеких наших предков, поскольку та или иная степень решения этой проблемы, по сути, определяла мировоззрение человека, а значит, и характер его деятельного отношения к миру, которое, как того требовали непростые условия существования, нуждалось в постоянном совершенствовании. Между тем научно-философское познание явлений сознания появилось сравнительно поздно. На протяжении столетий люди, как известно, рассуждали отнюдь не о психике и сознании, а о душе, духе и теле.

В центре вековых размышлений о душе и духе лежал вопрос о взаимодействии души и живого материального тела. Уже французский философ Р. Декарт остро прочувствовал эту проблему, придя в итоге к выводу, что душа (сознание) и протяженные вещи никак не связаны между собой. Эта позиция получила в дальнейшем название психофизического параллелизма.

Сегодня связь сознания и мозга более чем очевидна, что стало почвой для новой волны исследований. Вопрос о сознании давно перестал интересовать одних только философов и получил широкую огласку в различных областях знания. Взять хотя бы нобелевского

лауреата Дж. Уотсон, который приравнивает человеческий мозг к самой сложной структуре, с которой, по его мнению, столкнулось человечество во Вселенной [цит. по: 9, р. 153]. В период с 1995 по 2005 гг. на Западе было опубликовано свыше 30 тысяч работ, так или иначе связанных с темой сознания [1, с. 227]. Ученые разных направлений бьются над разгадкой природы сознания.

В решении проблемы сознания до сих пор остается немало «белых пятен». Существует расхожая точка зрения, что сознание есть не что иное, как отражение на социальном уровне движения материи. И, подобно любому отражению, сознание требует для своего существования взаимодействия. Все в мире отражает и отражается. Иначе говоря, все вещи, вступая в отношения с иными вещами, обнаруживают свои свойства [6, с. 236].

Этот абстрактно-общий тезис удобно интерпретировать на всякий лад. Он несколько не противоречит не только положениям физикализма, нейрофизиологии и нейробиологии, но даже некоторым формам субъективного идеализма. Именно поэтому целесообразно начать рассмотрение предложенного тезиса с его «оборотной» стороны, т. е. с того, чем сознание в действительности не является.

Так, П. Йордан, опираясь на идеи квантовой теории, выдвинул идею о создании так называемой квантовой биологии. Это направление стало популярным, и основные идеи квантовой биологии переключались в теорию сознания. У известного когнитивиста В. Л. Миранкера мы находим такие строки: «До сих пор сознание нельзя ни обозреть, ни измерить объективно. Все это по той причине, по какой мы называем его внутренним свойством материи» [11; см. также: 7]. Основной посыл здесь кажется верным, однако следует уточнить, что речь в данном случае идет о физикалистском понимании сознания. Оставляя без прояснения ряд моментов, физикалисты приходят к тому, что вся материя, по сути, обладает свойством сознания, а это, по мнению автора настоящей статьи, ошибочно. Материя, надо полагать, обладает не свойством сознания, а свойством отражения, но самосознание в то же время есть отражение на социальном уровне движения материи.

Другой приверженец физикализма Х. Ромин указывает, что квантово-механические определения виртуальных фотонов являются основополагающей составляющей самоорганизации нейронной

системы, поэтому можно признать, что именно фотоны кодируют информацию на уровне сознания. При этом Х. Ромин наделяет фотоны субъективностью (правда, в элементарной форме), а так как Вселенная есть множество фотонов, то вся она должна быть, по сути, проникнута субъективностью [12]. Данное утверждение, опирающееся на современные достижения науки, оправдывает субъективный идеализм как нечто необходимое (ведь субъективность есть якобы свойство всей природы), распространяя, таким образом, влияние субъективного идеализма не только на гносеологию, но и на онтологию. В этом рассуждении есть доля истины, но откровенный физикализм не дает возможности Х. Ромину верно выявить ее.

Американский психолог Дж. С. Джордан утверждает, что сознание направленно и предшествует действию, а именно: «Направленность может быть рассмотрена как врожденный аспект сознания» [8, р. 2]. Выходит, что сознание дано человеку фактически с рождения. Подобная логическая ошибка возникает в силу того, что генезис сознания рассматривается в западных концепциях зачастую односторонне, что и приводит к «порочному кругу» воспроизводящихся и неразрешимых проблем. При этом сама идея интенциональности, не возведенная в абсолют, проясняет некоторые моменты в рамках проблемы сознания.

К. фон дер Мальсбург, профессор Рурского университета, пишет: «Вещь, которая реальна, еще не существует там. Поэтому, чтобы быть реальной, мы настаиваем, что она должна быть связанной с другими вещами» [10, р. 54]. Следовательно, сознание (как вещь) невозможно вне взаимосвязи с другими вещами. Но данное утверждение можно интерпретировать как угодно. В целом же К. фон дер Мальсбург стремится выяснить, в каком отношении находятся сигналы нервной системы друг с другом и с внешней средой и каким образом эти сигналы приобретают значение.

Рассмотренные нами примеры лишь вершина айсберга, но даже они говорят о явно выраженной неоднородности решения проблемы сознания. Более того, некоторые авторы прямо утверждают, что решить проблему сознания невозможно. Видимая безнадежность положения в этом случае говорит о том, что научное сообщество столкнулось с трудностями, обусловленными рядом факторов, которые породили несколько односторонний подход к проблеме сознания.

Изложенное выше подводит нас к рассмотрению столь важной эпистемологической концепции, как радикальный конструктивизм. Это направление с междисциплинарным статусом так или иначе вбирает в себя большинство приведенных выше идей. Радикальный конструктивизм, зародившийся в конце XX столетия, в начале XXI в. становится весьма популярным течением и, по мнению некоторых авторов, претендует на статус научной парадигмы [см., напр., 5, с. 718].

С точки зрения радикального конструктивизма сознание возникает не иначе как на основании взаимодействия индивида с окружающей средой, первичное же взаимодействие представляет собой акт спонтанной двигательной активности, из которого ребенок извлекает «неудачный» опыт. Все это является фундаментом сознания, и, следовательно, сознание есть продукт адаптации организма к условиям окружающей среды. Но так как сам индивид есть, по мнению радикальных конструктивистов, аутопоэтическая система, то, следовательно, все представления о внешней действительности всегда выводятся из внутренних состояний системы. Окружающая среда, воздействуя на наши органы чувств, не несет в себе никакого объективного смысла. Мозг генерирует значение сигналов. В итоге, согласно логике радикального конструктивизма, можно и вовсе прийти к тому, что сознание — это потенциально присущий мозгу феномен, пробуждающийся под влиянием на органы чувств воздействий внешней среды. Надо сказать, что рассматриваемое на поверхности явлений данное утверждение не противоречит, во-первых, отстаиваемому нами тезису о том, что сознание суть именно отражение, а во-вторых, тому, что сознание есть функция мозга.

Выходит, что понимание сознания как отражения наполняется как примитивными, так и глубокими «конструкциями». Повторимся, что любое отражение — результат взаимодействия. Взаимодействие — всеобщий способ бытия вещей, воплощение принципа всеобщей связи. Любая система есть система взаимодействующая. Каждый отдельный ее элемент находится в отношении с множеством других элементов и частей как внутри системы, так и вне ее. В этом процессе происходит отражение вещей, и выявляются, следовательно, их свойства.

Логика многих исследователей поверхностно верна, ведь, хотя бы они того или нет, рассматривая мир, они всегда так или иначе апеллируют к взаимодействию вещей. Но, может быть, вся сложность заключается в ответе на вопрос: результатом каких именно взаимодействий является сознание? От этого, собственно говоря, и зависит, какими будут решения указанной проблемы: абстрактными, абстрактно-общими или же конкретными, конкретно-всеобщими.

Сознание суть именно такое свойство, которое обнаруживается в переплетении связей и отношений социальной системы (общества). Именно это открывает К. Маркс, исследуя такие системы (а именно, социально-экономические системы), «которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента», — другими словами, «включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия» [4]. Опираясь на К. Маркса, Э. В. Ильенков неоднократно подчеркивал, что сознание суть способность «одновременно действовать в пространстве и следить за собственными действиями как бы извне, как бы глазами другого человека» [3, с. 109], способность «созмерять свои индивидуальные действия с действиями другого человека, то есть только в рамках совместно осуществляемой жизнедеятельности» [2, с. 209].

Таким образом, генезис сознания нельзя рассматривать как результат отображения объекта или суммы объектов в восприятии субъекта. Хотя здесь, несомненно, мы обнаружим взаимодействие, однако это взаимодействие на деле будет лишь абстрактной его констатацией. А значит, популярные сегодня эпистемологические концепции, будь то радикальный конструктивизм или физикализм, решая проблему сознания, сталкиваются с серьезными трудностями, преодолеть которые, избежав при этом элементарной логической непоследовательности, они не в состоянии.

Литература

1. Бэттлер А. Диалектика силы: онтобля. М.: Едиториал УРСС, 2005. 320 с.
2. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

3. Ильенков Э. В. Фихте и «свобода воли» // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
4. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14–25.
5. Неретина С. С., Огурцов А. П. Реабилитация вещи. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2010. 800 с.
6. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во Томского университета, 1977. 244 с.
7. Hunt Н. Т. Some Perils of Quantum Consciousness. Epistemological Pan-experientialism and the Emergence-Submergence of Consciousness // Journal of Consciousness Studies 9. 2001. № 7. P. 35–45.
8. Jordan J. S. Consciousness on the edge. The intentional nature of experience // Science & Consciousness Review. 2003. № 1. P. 1–7.
9. Lewin R. Complexity: Life at the Edge of Chaos. London: J. M. Dent Ltd, 1993.
10. Malsburg C. von der. How Are Neural Signals Related to Each Other and to the World? // Journal of Consciousness Studies 9. 2002. № 1. P. 47–60.
11. Miranker W. L. A Quantum State Model of Consciousness // Journal of Consciousness Studies 9. 2002. № 3. P. 3–14.
12. Romijn H. Are Virtual Photons the Elementary Carriers of Consciousness? // Journal of Consciousness Studies. 2002. № 3. P. 61–81.

ПРИОРИТЕТЫ НЕЙРОФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.В. Глебов

Новый сибирский институт

Новосибирский государственный медицинский университет

glebov99@ngs.ru

Понятие «нейрофилософия» следует определить как метамировоззренческую рефлексивную теорию нейронных сетей. Нейрофилософия это междисциплинарная исследовательская программа, исходящая из того факта, что основные философские интенции укоренены в динамической структуре человеческого мозга. Цель нейрофилософских исследований трояка – экспликация философских возможностей человека в реальность, выявление

проблем и трудностей предъявления миру «человека философствующего», и перспектив трансформации современного общества в общество, комфортное для философской реализации способностей человека.

Поставленная в серии публикаций задача создания нейрофилософии как исследовательской программы, с участием множества профессионалов разных специальностей, не может быть решена, если не прояснить базовые философские основания этой программы. Как правило, в истории науки всё делалось наоборот: учёные развивают новое направление, совершая положенные ошибки и выползая из самосотворённых тупиков, а потом, возможно через сотни лет, приходили философы науки, и вкладывали персты и перья в язвы, как бы в назидание следующим поколениям учёных. Возможно, всё-таки следует попытаться сделать не исторически сложившуюся, а рациональную программу исследований?

Как было показано ранее (Глебов 2013а, Илюхина 2013), существует непосредственная связь структуры мозга, его электробиохимической активности, и мировоззрения человека. Традиционно мировоззрение делят на три уровня: мировосприятие, миропонимание и собственно мировоззрение. Данные нейрофизиологии и томографических наблюдений, полученные к настоящему времени, позволяют конкретизировать схему применительно к реальной структуре мозговой активности. Первый уровень, мировосприятие, функционирует преимущественно на субстрате гипоталамуса и системы зеркальных нейронов. Второй уровень, мироощущение, интегрирует сигналы мировосприятия, в основном базируясь в правом полушарии, и обеспечивает эмоциональную специфику поведения личности. Третий уровень, миропонимание, активизирует соответствующие структуры левого полушария, и ответственен за рациональные паттерны личности. И наконец, собственно мировоззрение, отвечает за континуальность сознания, являясь, по сути, пространственно-временным непрерывным интегратором всех сигналов, поступающих в мозг, и всех управляющих сигналов, исходящих из мозга. Континуальность сознания, со времени доказавшего её П. К. Анохина (Анохин, 1970), в настоящее время уже используется даже в лечебной практике. При этом существуют основания полагать, что даже каллотомия не разрушает мировоззрение, а формирует субличности, имеющие

общую стратегию поведения. Важнейшей характеристикой человеческого сознания является опережающее отражение, которое так же реализовано и на уровне взаимодействующих ансамблей нейронов, и на уровне сознания как идеального. Эта схема, изложенная в данном случае весьма кратко, соответствует современному, и в какой-то мере перспективному, направлению исследований нейрофизиологов и когнитивных психологов. К сожалению, крупным недостатком этих исследований является почти полное отсутствие работ по анализу структуры и функционирования астро- и олиоглии. Их роль в мозговой активности не ясна, и практически не исследуется, никаких серьёзных поисков в области их функциональной связи с нейронными структурами тоже не ведётся. Так же незаметны исследования «третьего полушария» - нейронных структур в области желудка, которые обладают численностью, плотностью и активностью, практически равной любому из полушарий головного мозга. Такие исследования совершенно необходимы для дальнейшего развития нейрофилософской программы. В развитии нейрофизиологии произошёл переко́с в сторону представления о подавляющей роли в нашем мышлении гормональных, нейрофизиологических, кинестетических и тому подобных факторов, вплоть до генетических. Не в последнюю очередь это стало возможным потому, что значительную долю в аппаратурных исследованиях занимало и занимает изучение личностей с патологическими, девиантными изменениями либо в структуре мозга, либо в его функционировании. Следует увеличить количество исследований людей психически здоровых, критически пересмотреть материал, полученный ранее при обследовании пациентов с дисфункциями. Особого внимания требует изучение телерадиоаддикции, с прицелом на разработку методов реабилитации и восстановление нормального хода работы систем зеркальных нейронов (Глебов 2014). В этой области возможно взаимодействие исследователей со структурами гражданского общества, и хотелось бы надеяться, ответственной (или хотя бы циничной, достаточно озабоченной уровнем социального доверия к ним) части госструктур. Важным направлением могло бы стать исследование субличностных взаимодействий, в тех случаях, когда это не носит патологического характера.

Тем не менее, накоплено достаточно данных практических наук, чтобы иметь основания для анализа главной на данный момент задачи: как динамическое функционирование нейронных систем реализуется в феноменах сознания и его творческой активности (Глебов 2013б). Однако предварительно необходимо хотя бы поставить, а в перспективе и предложить решение следующей проблемы, требующей анализа с точки зрения философии науки. Дело в том, что предыдущее позитивное знание, реализованное в исследовательских программах, было не защищено от использования в неблагоприятных целях. Даже не ставился вопрос, возможно ли встроить в философские и научные программы защиту от манипуляций и подлых антигуманных использований. В настоящее время в среде исследователей сформировался и преобладает пессимизм, апеллирующий к уже сложившейся традиции полагать, что всякое знание может, а то и обязательно будет использовано во вред. Однако ничем, кроме неполной индукции, такой пессимизм не обоснован.

По необходимости краткий историко-философский экскурс лишь подчёркивает незащищённость философского знания перед манипуляторами. Древнегреческая философия не ставила этот вопрос потому, что сама обстановка демократических полисов требовала развития манипулятивных социальных практик. Недаром софистам платили столько же и даже больше, чем врачам. Для тех, кто отвергал манипулятивный уровень философствования, единственным предложенным выходом было ментальное или физическое отстранение от общества. Впрочем, софистические манипуляции не были нацелены на подмену ценностных установок личности, а были скорее логической игрой. Теологический дискурс осуждал использование знаний для войны и обмана, однако и в Библии, и в творениях святых отцов достаточно большое количество милитарных примеров, метафор и аллюзий. Тем более что осуждение манипуляций и войны было не деятельным, успокаивая себя максимой «всё в руце Божией». А начиная с периода схоластики и по настоящее время, теологи и сами не чураются манипуляций сознанием, успешно перенимая и новейшие разработки в этой области. Возрождение и Новое время отдавало безусловный приоритет приросту знаний, что логично. К тому же это была «целая эпоха войн и революций», а жить в обществе и

быть свободным от него нельзя, и философы с учёными зачастую вполне искренне совершенствовали средства и техники для войны и манипуляции сознанием. Проблема долга философов и учёных перед обществом была впервые в Новое время поставлена Лейбницем и Кантом, однако не стала императивом ни для учёного сообщества, ни для более широких кругов хотя бы образованного общества. Вершиной антигуманизма науки стал эпизод с первым испытанием атомной бомбы в Аламогордо. При виде взрыва «ярче тысячи солнц» впечатлился даже начальник Манхэттенского проекта генерал Гровс, выбранный правительством США не в последнюю очередь за цинизм и бесчувствие. В отношении к Гровсу также проявилось неумеренное почтение учёных к военному угару и званию генерала. Вот типичный текст одного из участников Манхэттенского проекта. Эмилио Сегре, лауреат Нобелевской премии за открытие антипротона, с умилением вспоминает: «Генерал Гровс не был интеллигентом, но он был умным, энергичным, решительным и преданным своему делу человеком. Он не имел опыта общения с учёными (*expensive crackpots* – дорогаватыми чокнутыми котелками, как выразился он в своей добродушной речи в Лос-Аламосе, с которой выступил через несколько месяцев после назначения), но вскоре научился, как надо обращаться с ними, кому доверять и как добиваться от них сотрудничества» (Segre, 1970, p 107). Тем не менее, при первом в мире взрыве атомной бомбы Гровс удивил присутствующих цитированием Махабхараты о безжалостном оружии богов, а вот Ферми реагировал фразой: «Господа, что вы суетитесь? Это хорошая физика!». К середине XX века исследования стали «хорошей физикой» (химией, биологией, психологией, фармакологией и т.п.), и учёные стали бестрепетно принимать участие в экспериментах по воздействию на людей радиации, боевых отравляющих веществ, бактерий, вирусов, нейротоксинов, галлюциногенов и т.д. Не остались в стороне и гуманитарии, казалось бы, самым названием предметной области обязанные думать о благе людей. Переписывалась история, отрабатывались манипулятивные теории и практики, создавались заведомо ложные концепции в самых разных отраслях знания. Приспосабливались к массовым технологиям манипуляции даже результаты исследований, однозначно направленных на благо человека или

абсолютно нейтральных, например НЛП или таргетирование. Может быть, следует начать снабжать исследовательские программы встроенной «защитой от подлеца»? Индугенция «от Фейрабенда», право на методологический анархизм, не должно трактоваться как разрешение на безэтические, а тем более антиэтические исследовательские программы. Вот нейрофилософия может стать таким позитивным пилотным проектом.

Однако есть важное препятствие, носящее не столько социальный характер, хотя, несомненно, связанное с потребительским обществом, сколько характер приоритета публикаций, в том числе научных. Действует принцип: все «новости и пакости» достойны первоочередного публикации, причем, чем незачнее сообщение, тем выше рейтинг. Данная схема, может быть даже в большей степени, относится именно к научным публикациям, а уж к научно-популярным всемерно. Тем более что укоренившийся и торжествующий прагматизм ближнего прицела не способен оценить стратегическую эффективность исследовательской программы нейрофилософии со встроенной этикой. Любая проблема является кардинальным разрывом между сущим и должным, и проблема нейрофилософии в том, что современное общество не готово накладывать на себя ограничения, особенно этического порядка. Эта проблема должна быть поставлена и решена предварительно, на философском уровне рассмотрения перед широким развёртыванием нейрофилософских исследований в конкретных областях. В настоящий момент она только сформулирована как проблема, порождающая цепочку задач, которая в свою очередь, должна быть обсуждена философским сообществом и представителями конкретных наук.

Достигнутые на данный момент результаты нейрофилософских исследований показывают, что нейрофилософия имеет 3 базовых преимущества перед манипулятивными технологиями: опережающее отражение как неотъемлемое свойство сознания; континуальность сознания как условие гносеологической адекватности универсуму; сочувствие, укоренённое в структуре мозга. Однако у исследовательской программы нейрофилософии как социального института ещё не выстроена защита на этическом уровне, тем более что необходимо не искусственное встраивание, которое будет размыто в современных условиях, а выявление

имманентно присущих этических компонент сознания и их экспликация в широкую исследовательскую практику.

Предварительно можно сделать набросок текущих задач, стоящих перед исследователями в области нейрофилософии. Во-первых, в области биомедицинских и психологических исследований необходимо получить данные о роли астроглии и олигоглии, их динамическом взаимодействии с нейронной сетью. Следует увеличить количество томографических исследований людей психически здоровых в реальном времени, критически пересмотреть материал, полученный ранее при обследовании пациентов с дисфункциями. Особого внимания требует изучение телерадиоаддикции (Kubey and Csikszentmihalyi 2004), с прицелом на разработку методов реабилитации и восстановление нормального хода работы систем зеркальных нейронов. Технологии, вызывающие телерадиоаддикции, должны быть не только морально осуждены, но и законодательно запрещены, с принятием мер как общественного, так и государственного контроля над попытками их использовать. Таким образом, в этом кластере есть поле деятельности для юристов и волонтерских структур. Во-вторых, в области историко-философского и гуманитарного знания необходима разработка этических аспектов нейрофилософии и соответствующих нейрофилософских разделов, в первую очередь, для биомедицинского кластера знаний. В-третьих, в кластере философии науки, социальных наук и организационных технологий необходимо выявить и доконструировать социальные технологии защиты как собственно нейрофилософии, так и смежных отраслей знания, от манипулятора, по аналогии с инженерной «защитой от дурака», названной «защитой от подлеца». Таким образом, в ближайшей перспективе станет возможным переход от нормативно заявленной нейрофилософии к проработке этико-технического задания исследовательской программы нейрофилософии.

Литература

1. Анохин П.К. Теория функциональной системы // Успехи физиол. наук. 1970. Т. 1. № 1. С. 19 – 54.

2. Глебов Е.В. Проблемное поле современной нейрофилософии. // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XI Региональной научной конференции молодых учёных Сибири в области гуманитарных и социальных наук. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. С. 172 – 176

2. Илюхина Е. О. Философские основания проблем психологического консультирования // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XI Региональной научной конференции молодых учёных Сибири в области гуманитарных и социальных наук. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. С. 143 – 145

3. Глебов Е.В. Современная нейрогносеология: проблемы и перспективы. // Материалы Четырнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Наука. Университет. 2013». Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2013. С. 15 – 19

4. Глебов Е.В. Основания нейрофилософии: связь структуры мозга и его активности с мировоззрением. // Материалы Пятнадцатой международной ежегодной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Наука. Университет. 2014». Новосибирск: Изд-во Сибпринт, 2014. С. 150 – 157

5. Segre, E. Enrico Fermi Physicist. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1970

6. Kubey and Csikszentmihalyi, Television Addiction Is No Mere Metaphor. // Scientific American Mind, January 2004

РОЛЬ ВНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ, ЕГО СВОЙСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.А. Грехова

Новосибирский государственный университет

lilitt@ngs.ru

Восприятие как психический процесс, напрямую связанный с познанием, давно находится в сфере пристального внимания философов. Собственно, с началом нововременной эпохи, когда в связи с эмансипацией науки в полный рост встали

гносеологические проблемы, проблема природы восприятия стала камнем преткновения среди философов. Вспомним методологию рационалистов и их навязчивую подозрительность к собственным непосредственным ощущениям – с одной стороны, и полное доверие своим органам чувств наивных эмпиристов – с другой. Проблема то и дело поднимается исследователями от разных наук на протяжении четырех веков, и тем не менее остается нерешенной до сих пор.

В настоящее время в философии ставятся вопросы о зависимости восприятия от социального научения и жизненного опыта субъекта, от его деятельности и мотивации, от языка, но эти исследования в своей совокупности, пусть они опираются на факты и результаты экспериментов, не имеют общего знаменателя. В данном докладе мы хотим предложить альтернативный подход, учитывающий это обстоятельство. Очевидно, что перечисленные факторы необъективности восприятия имеют высокий когнитивный статус, поэтому основания предлагаемого подхода мы видим в том, что, возможно, в сфере более низкого статуса восприятие имеет установки и закономерности, более прозрачные и проще поддающиеся изучению. Определим такую сферу, рассмотрев сначала процесс восприятия в целом.

Современные психологи сходятся во мнении, что восприятие – это не простое «отражение» некой внешней данности, адекватность отражения которой зависит только от работы органов чувств. Признается, что оно включает активное участие интеллектуальных процессов в осмыслении воспринимаемого. Стадии восприятия выглядят приблизительно так:

1. Сначала происходит подготовка первичных образов через обработку головным мозгом ощущений – нервных импульсов, передающихся ему от органов чувств. Они имеют органическую природу, и данного этапа мы касаться не будем.

2. Далее происходит узнавание и осмысление воспринимаемых образов, что, по наблюдениям психологов, – процесс комплексный и осуществляется с участием памяти, мышления и воображения.

Но как проходит этот процесс и каким образом «на выходе» мы получаем не множество опознанных и неопознанных объектов, а единую осмысленную картину реальности, тем более что в

ситуации не преемственного, а первичного восприятия (при смене ситуации: переход из одного помещения в другое, из несознательного состояния в сознательное) она проявляется для нас не фрагментарно, а вся сразу? Логичным ответом было бы наличие в восприятии некоего единого координирующего процесса. Таковым, на наш взгляд, является внимание.

В психологической литературе проблема единства процесса восприятия исследователями явно не ставится, что продиктовано их опорой на нейрофизиологическую модель восприятия. Но некоторые авторы, опираясь на результаты экспериментов, всё же признают важность внимания даже на ранних этапах (Андерсон). Опять же следует отметить, что термин «внимание» у разных когнитивных психологов определяется неоднозначно, нередко ими упоминается только роль произвольного внимания.

Итак, рассматриваемая нами психическая функция лежит между физиологией ощущений и высшими когнитивными способностями и является подходящей под наш запрос фактором, влияющим на восприятие. По научным сведениям и нашим собственным наблюдениям, внимание обладает следующими характеристиками и задает соответственные установки восприятию:

1. Линейно упорядочивает элементы воспринимаемой картины – от ощущений до образов.
2. Объектно-ориентированно (Андерсон).
3. Парциально – имеет предел заполняемости. Единицами измерения тут будут объекты либо ассоциации объектов, подпадающие под имеющиеся схемы внимания («определенности»). Если объекты внимания не имеют известного рода связей между собой, они будут занимать больший объем внимания («неопределенности»).
4. Проявляет слабость к ритму в разной форме, притом не только акцентирует ритмичное, когда оно присутствует, но и пытается воссоздать ритм там, где он не предполагался (например, отдельные гештальты).
5. Расставляет акценты в картине мира в соответствии с рефлексам и мотивацией (Ланге) субъекта, вплоть до фильтрации неактуальной информации.
6. Имеет колебания интенсивности.

7. Неким образом обеспечивает целостность и непрерывность воспринимаемой картины, вероятно, на основе учета контекста и следования схемам восприятия (Леонтьев, гештальтпсихология), задействуя таким образом воображение.

Поскольку многие из этих характеристик неотслеживаемы и принимаются нами как данность, не будет преувеличением сказать, что представленный список (впрочем, требующий еще доработки) есть выражение законов, формирующих наш, человеческий, образ мира и актуализирующих его для нас.

Что интересно, полученный на материале восприятия перечень свойств мы можем использовать в качестве инструментария в других областях жизни человека как субъекта и обратиться к философским проблемам напрямую.

Например, восприятие и понимание текста может быть рассмотрено в свете тех же закономерностей. Мы осмысливаем его содержание, шаг за шагом уточняя картину реальности текста, и эта картина так же многомерна и сложна, как и составляемая нами картина реальности. Восприятие текста и восприятие внешнего мира очень похожи, хоть и в чем-то противоположны друг другу – в первом случае из напечатанных слов, не имеющих перцептивных достоинств, мы воссоздаем в своем сознании целый мир, во втором, напротив, мы упрощаем перцептивное разнообразие реальности для того, чтобы просто быть в состоянии ее постичь, – поэтому мы находим перспективным исследование, основанное на сопоставлении обеих точек зрения для решения проблем одной из них. Кроме того, сложившиеся правила письменной речи – это воплощенные в букве свойства внимания, однородный материал, на котором можно уточнять последние и проследивать историю изменений схем внимания.

С помощью нашего инструментария мы можем обратиться к феномену культуры, исследованию общности форм культур при их различном содержании. Например, обратимся к науке как к части культуры. Математические знания являются результатом попытки человека сконструировать неопределенности и управлять ими. Понятие числа – первая из таких попыток: из антропологических и онтогенетических сведений можно сделать вывод, что до начала использования человеком чисел после трех нельзя говорить о наличии понятия числа, а три – это ограничение внимания по

свойству парциальности. Далее, во всех культурах имеется тенденция преодолевать неопределенности путем придания им непосредственно воспринимаемого смысла (пифагореизм, традиционная медицина, фэн-шуй и т.д.), и уникальность европейской науки можно определить как то, что начиная с Нового времени она полностью порывает с этой традицией. Некоторые методологические проблемы современной науки – это проблемы работы с неопределенностями, например, проблема искажения (субъективации) экспериментальных данных.

Закключение. С помощью исследования процесса восприятия, мы выделили примечательные свойства внимания, и эти свойства можно назвать формообразующими для субъективного опыта. Они единообразны для всех людей и могут служить отправной точкой для изучения предпосылок и ограничений восприятия в свете самых разнообразных проблем. Руководствуясь ими как своего рода инструментарием, свободным от субъективных содержаний, мы обнаружили согласованность с ним других областей человеческого сознания: как неотъемлемая часть сознания, внимание оставляет след в мышлении и понимании, внешней деятельности человека, а значит, и в культуре в целом, что позволяет по-новому взглянуть на связанные с этими темами проблемы.

ТЕМА СВОБОДЫ В АСПЕКТЕ НЕЙРОФИЛОСОФИИ

Е.О. Илюхина
Новый сибирский институт
ilyukhina95@mail.ru

Свобода - одна из основных философских категорий, характеризующих сущность человека и его существование, состоящие в возможности личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения. Сейчас свобода в массовом сознании утверждается как аксиома, что в свою очередь ведет к превратному ее пониманию и акцентированию на ее эгоцентрическом потенциале, высвобождению хаотического начала и эрозии ответственного отношения к ней. Преодоление современных кризисных проявлений понимания свободы как

релятивизма, обусловило фактически сложившийся тупик в аксиологии.

Онтологизация ценностного сознания в русской религиозно-философской мысли выступает альтернативой европейской секулярной гуманистической традиции, толкующей свободу исключительно в практическом ключе в контексте свободы совести и вероисповедания, прав меньшинств и маргинальных групп [Петров, 2011]. Позиция современных религиозных философов апеллирует даже к аналитическим методам. Древнерусское слово *свободъ* явным образом соотносится с древнеиндийским *svapatī* (сам себе господин: «*svo*» — свой и «*patī*» — господин). Широко популяризуется мнение инспектора народных училищ Орловской губернии Г.А. Миловидова (Миловидов, 1906), что данное слово происходит «...от старинного и малоизвестного существительного *своба*, что служило, по чешским толкователям (глоссаторамъ) 1202 года, наименованием одной из языческих богинь», в связи с чем Миловидов делал вывод: «Таким образом в основе понятия „свобода“ лежит не конкретное какое-либо впечатление или ощущение, а высшее, мистическое начало, преимущественное право, свойственное божеству».

Европейская секулярная традиция опирается на формулы Просвещения. Свобода трактуется как возможность «делать всё, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» («Декларация прав человека и гражданина» (1789, Франция)); человек свободен, если он должен подчиняться не другому человеку, а закону, обязательному для всех (И. Кант). В пределе современное понимание свободы выражено Фридрихом фон Хайеком Экономическая свобода — это свобода любой деятельности, включающая право выбора и сопряжённые с этим риск и ответственность (Хайек, 2012).

Нейрофилософия нуждается в специальной разработке понятия свободы. Согласно нейрофилософии у человека присутствует опережающее отражение, то есть наш мозг заранее знает, предполагает, что будет в дальнейшем будущем, на основе знаний и прошлого опыта (Глебов, 2014). И можно сделать вывод,

что все в нашей жизни предопределено, все наши действия зависят от того, что мы уже спрогнозировали в нашей голове. Даже если человек предполагает, что свободен, есть ряд ограничений, причем многие из них не оправданы ни биологически, ни социально. Первый аспект так называемой несвободы является индоктринация, что является с точки зрения нейрофилософии одним из способов манипуляции сознанием.

Как известно, философы Просвещения исходили из того, что там, где начинается свобода одного человека, заканчивается свобода другого. Поскольку человек меняется, от молекулярно-клеточного уровня до личностного и социального, практически непрерывно, получается, что этот самый один человек, может стать другим, в любой следующий момент, и его свобода тоже закончится, что доказывает, что человек никогда не свободен. Такие умозаключения выглядят софизмами, однако у них есть серьёзное основание.

Важный аспект современной несвободы это слежение. Камерослежение, геопозиционирование, просматривание личных данных в социальных сетях, прослушивание телефонных разговоров, переписки, даже охраняемых в цивилизованных странах законом личных данных человека. При этом не только со стороны спецслужб, у которых всё же есть оправдание в виде борьбы с терроризмом, и хоть какие-то средства парламентского и конституционного контроля, а со стороны корпораций, которым такая деятельность вполне законно запрещена. О какой свободе можно говорить в таких условиях жизни? Будет совсем не удивительно, если камеры будут ставить в кабинки переодевания, в туалетах, и даже в унитазах и раковинах не в качестве постмодернистского перформанса, а для таргетирования. А все ведь делается для безопасности и удобства гражданина и потребителя, только менее опасным и удобным этот мир не стал, люди стали еще более изворотливей обходить все эти меры «предосторожности».

С другой стороны человек все же свободен, так как способен конструировать в разуме, да и в жизни то, чего нет, и может отклоняться от детерминированного мира в поведении, в мысли, в волевом импульсе и при определённых интеллектуальных навыках – в поступке. Так же человек все-таки может совершать то, что

придумал так, как он этого хочет и так, как может, даже если не прошёл тренинг рефлексии.

У человека есть свобода выбора. Раньше люди могли себе позволить намного меньше, чем, например, сейчас. Сейчас человек может работать, где хочет, опираясь на свои возможности, которые задаются ему неявным образом системой образования и социально-экономической обстановкой. Раньше людям в большинстве своём не было возможности не работать, а тем, кто не работал – предписывалось не работать ни в коем случае. Купить человек может из доступного списка товаров, есть из доставленных по его средствам продуктов, спать, где хочет, и когда захочет (в пределах разумного, хотя в значительной мере грань разумности определяет не он). В более ранние времена люди могли пойти куда ходят, вне зависимости от материальных и, реже, моральных, долгов другим людям. Впрочем, эти другие люди имели полное право их догнать и наказать. Тогда есть вопрос: кто же был более свободным? Мы или наши предки? А может, каждое поколение свободно в чем-то одном и это одно разное настолько, насколько позволяет предписанные уровни социальной стратификации. Но это поведенческая и потребительская свобода, а если говорить о духовной? Мы, конечно же, можем мыслить, что хотим, но сказать об этом, требуется много смелости, тем более, таких мыслителей большинство осуждает и считает ненормальными. И в этой стезе надо быть осторожным, чтобы большинство не «сожрало» отличающейся от них особи, то есть и здесь есть ограничения свободы. Формально, люди свободны, они могут выбирать, чем заниматься в этой жизни, что носить и что есть, но здесь есть нюансы, некоторые люди все-таки не могут делать то, что хотят, потому что окружение не позволит, отличающегося истребит если не физически, то морально. И выбор деятельности так же условен. За нас раньше уже сделали выбор различных занятий, а мы только вторично выбираем из выбранного. Тогда свобода вторичное свойство?

Люди свободны, но делают одно и то же, совершают однотипное поведение, что может быть связано со страхом что-то изменить в своей жизни, сделать рывок, страх, который выращен политическими действиями, не устраивать, например, революцию. Например, новости, там постоянно говорят о страшных событиях в мире, что дает установку на то, что у нас все хорошо, мол, в мире

явно хуже, чем у нас. Страх смерти при этом провоцируется всеми доступными средствами через СМИ, литературу, зрелища (Илюхина, 2014).

Свобода от установок родителей (внутреннее) и стереотипов (внешнее). Когда, несмотря на то, что это все есть, у тебя хватает сил чтобы поступить по-другому, по адекватному, не боясь предвзятых мнений. Слушая других, но это не есть беспрекословное следование. Когда можешь сказать нет (когда это действительно нужно), и не чувствовать вину, и даже своим физиологическим потребностям, но это уже все же подкреплено психологическими факторами, маркетингом, таргетированием. Свобода это сила. А в наше время люди очень слабые. Получается, что человек не свободен, если рассматривать уровни не только социальной организации, но и ступени личностного роста. С одной стороны внешние факторы – законы природы и общественные законы, другие люди, нормирующие наше поведение, с другой - внешние, ставшие внутренними - воспитание, суггестия, опыт, знание, физиологические процессы, зависящие от предыдущих перечисленных компонентов. Если смотреть не так глубоко, то это не значит, что совсем свободы нет, но и полной свободы тоже нет. Есть рамки, в которых мы можем поступить своевольно. Можно понять это так: где же свобода, если посмотреть на несвободу, поскольку мы ранее что-то делали и это нам запретили, мы ощущаем дискомфорт, т.е. несвободу, значит, раньше была свобода. Таким образом, там, где есть несвобода, значит, и была, следовательно потенциально и есть свобода. Которую как данность мы сами сконструировали в заданных либо обществом, либо индивидуальным развитием, рамках. И именно эти рамки мы стараемся преодолеть в своём бунте против несвободы. Чтобы этот бунт не оказался обывательским, и значит, кому-то из манипуляторов выгодным, необходимо осознание нейрофилософских оснований свободы.

Литература

1. Глебов Е.В. Нейрофилософия: факторы трансформации антропологической парадигмы. // Омский научный вестник. Серия Ресурсы Земли. Человек. 2014. № 2 (126). С. 29 – 31.

2. Илюхина Е. О. Нейрофилософский подход к анализу перспективных проблем гуманитарного сообщества / Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сборник тезисов докладов Межвузовской научной студенческой конференции. Секция "Философия"; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. - Новосибирск: НГУЭУ, 2014. - с. 20-21.

3. Миловидов Г. А. О свободе и власти // Филологические записки. — Воронеж, 1906.

4. Петров А. В. "Аксиологический смысл метафизики свободы". Омск, 2011; автореф. канд. дисс.- С. 183.

5. Хайек, Фридрих Август фон. Дорога к рабству. — М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. — 317 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ А.И.УЁМОВА

А.С. Кравчик

Одесский филиал Европейского университета
Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины
askravchik@ukr.net

Логическим основанием Параметрической общей теории систем (ПарОТС) А.И. Уёмова (1928-2012) является тройка категорий «вещь», «свойство» и «отношение» [1]. Системный подход принимает их за базовые кирпичики «системы» атомарно, некритично, не подвергая их дальнейшему анализу. По сути дела первое предложение данного абзаца является не подвергаемой сомнению, непререкаемой, непогрешимой *ex cathedra*-аксиомой Системного подхода Одесской школы системологии [2]. Однако, несмотря на это, они могут быть подвергнуты логико-феноменологическому анализу на предмет их основания. Впервые такую попытку предпринял, не рефлексировав свой методологический подход, А.Я. Райбекас [3]. Это становится возможным при использовании феноменологического метода описания категорий «вещь», «свойство» и «отношение», которые могут быть сведены к категории «ГРАНИЦА», «ПРЕДЕЛ», т.е. не являются фундаментальными и далее нередуцируемыми. Пионером применения

феноменологического метода в логике был А.Т. Ишмуратов [4]. Вопрос феноменологического метода таков: «Что мы на самом деле понимаем, т.е. имеем ввиду, когда произносим слова «вещь», «свойство» и «отношение»? Какими интенциональными актами сознания, говорения, смыслообразования, смыслополагания, конституируются, порождаются такие категории»? Иными словами здесь речь идет о процедуре речевых актов означивания или репрезентации «ВЕЩЕЙ», «СВОЙСТВ» и «ОТНОШЕНИЙ».

(а) Вещь = (Representation) Вещь (1)

«ВЕЩАМИ», «СВОЙСТВАМИ» и «ОТНОШЕНИЯМИ»

является то, что мы считаем таковыми, т.е. их репрезентации. Всё, на что мы можем указать или описать, является вещью. Самим актом указания и описывания сознание творит вещи, порождает их для нас. Вещь (res — лат. «вещь»: реальность — пространство вещей) — это локализованная в пределах конкретных ганиц, о-пределенная, о-ограниченный фрагмент целостной реальности, нечто, субстанция, внутри которой мы помещаем сущность. Обозначая это нечто «вещью», мы конституируем ее речевыми актами своего означивания, процедуры которых могут быть описаны как ноэзо-ноэматическое проецирование наших репрезентаций, т.е. представлений о том, что есть вещь и чем она должна быть (можно назвать это «порождающий номинализм»).

(а) Вещь = (Субстанция/Сущность) Вещь (2)

Субстанция определена, ограничена, тогда как сущность — безгранична, беспредельна. Вещь как собранность внутри границ, по эту сторону предела, о-предмеченное, оберегающее свою о-пределенность, от-ограниченность, о-веществлённость, за-вершенность внутри. Наш взгляд собирает субстанцию внутри границ, делает законченным, целостным, стянутым в одно. Мы конституируем мир своим способом видения, структурой самого взгляда. Структура взгляда — это структура самого мира, каким он является для нас.

Свойство (a-tributus — лат.«при-писывание», «на-деление», «при-дание»), качество — это такая вещь, которая приписывается другой вещи в качестве характеристики, которая не изменяет ее. Говоря о свойстве, мы не выводим своё внимание за ПРЕДЕЛЫ вещи. Свойства остаются внутри ГРАНИЦ вещи.

Отношение (re-latio — лат.«отнесенный к...», «соотносительный», «взаимодействие», «взаимодействие одной вещи с другой») — это такая вещь, которая приписывается другой вещи в качестве характеристики, которая на этот раз изменяет ее. Говоря об отношении, мы выводим своё внимание за ПРЕДЕЛЫ вещи к другим вещам. Отношения позволяют создавать новые вещи.

«Вещи», «свойства» и «отношения» как логические основания ПОТС являются результатом последующих дифференциаций, различений того, что вначале было синтезировано в целое речевым актом означивания, т.е. является вторичной реальностью. Они суть ментальные конструкции, являющиеся порождением наложения на целостную реальность сетки дифференцирующих понятий, категорий, но сутью системного подхода всегда была изначальная априорная интуиция «системности», т.е. целостности, монадности, завершённости. Необходимо изменить определение «системы» в [2, с.37], т.к. оно только вещи называет системой, но ею являются также и свойства с отношениями. Тогда надо записать:

$$(1A) \text{ Система} = df \text{ } \iota \{ ([a (*A)]) t \} \quad (3)$$

Здесь системное означивание (то, что стоит до знака равенства) является процедурой приписывания свойства значения, в данном случае, «быть системой». Видеть мир системно значит видеть его в его взаимопереплетённости, взаимозависимости и взаимосвязи. Иными словами, всё это вместе (то, что стоит после знака равенства) называется системой: вещи А в их «стянутости в целое» структурой а, обладающей свойством, выраженным концептом t, а не вещи сами по себе вне действия этого речевого акта порождения этой «стянутости». «Системы» системного подхода Одесской школы системологии не существуют тупо-объективно! Они являются результатом деятельности синтезирующей способности означивания чего-либо как системы. Эту ситуацию можно уподобить той, которую описал в своей книге «Экология разума» Г.Бейтсон [5]. Того, что мы видим вокруг себя в таком виде, как мы его видим, не существует! Это результат синтезирующей деятельности мозга, который сводит в единую картинку информацию от сотен тысяч в секунду возбуждений наших сенсорных окончаний и рецепторов. Сам наш взгляд стягивает в ЦЕЛОЕ «это» в плавильном тигле мозга и выдаёт это за

непосредственно данное, т.е. наличное «эмпирическое» бытие, т.е. за что-то, что существует объективно вне нас без всякого нашего участия. Но это всего лишь наивная, естественная установка сознания, как сказал бы Э.Гуссерль. Задача логико-феноменологического подхода – радикальное недоверие к миру 5 чувств, трансцендирование и поиск «того, что НА САМОМ ДЕЛЕ», т.е. по ту сторону этого мира, внутри нашего сознания.

Литература

1. Уёмов А.И. Вещи, свойства, отношения : [монография] / Авенир Иванович Уёмов. – М: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 183 с.
2. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем : [монография] / Авенир Иванович Уёмов. – М : Мысль, 1978. – 272с.
3. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории [монография] / Альберт Янович Райбекас. - Томск: Издательство Томского университета, 1977. - 243 с.
- 4.Ишмуратов А.Т. К построению феноменологической логики // Феноменологія: рецепція у Східній Європі // - Київ : Тандем, 2001. - С. 111-122.
5. Бейтсон Г. Экология разума: [монография] / Грегори Бейтсон. – М: Смысл, 2000. - 435 с.

ЛОГИКО-ВЕРБАЛЬНАЯ И ОБРАЗНО- ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

С.Н. Оводова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
sn_ovodova@rambler.ru

Произошедший в начале XX века лингвистический поворот позволил осмыслить неявленную структуру текста, установить роль текста в культуре, принципы создания и функционирования дискурсов. Проблема текста была признана центральной почти во всех науках, однако понимание условности порождаемой текстом

реальности, зависимости человека от языка, невозможности говорить о мире как таковом и неизбежности осмысления лишь мира данного в слове, в тексте не могло не породить внутри текстологического дискурса сомнения в его действительной ценности, осознания того, что текст может не соотноситься с действительностью о которой, как казалось, он должен повествовать. Напротив, текст создает свою реальность, а порой и множество реальностей, которые больше не репрезентируют действительность во всем ее многообразии. Распространение теории текстуальности за пределы наук о тексте привело к ее девальвации. Если реальность конструируема, а текст выступает одним из возможных инструментов ее формирования (до XX века письмо есть единственный универсальный способ передачи информации), то текст теряет свою онтологическую функцию. Осознание условности текста лишает доверия к нему. Текст более не свидетельствует о действительности, культуре. Причиной такого отторжения текста является не только повсеместное распространение текстологического дискурса, но и совершенствование технических средств.

Потеря доверия к тексту связывается нами с неопозитивизмом, постструктурализмом, но отказ от текста как репрезентанта культурных смыслов и адекватного способа описания действительности стал возможен благодаря визуальному повороту, произошедшему в гуманитарных науках XX века, который был вызван вниманием к новому альтернативному способу создания реальности и репрезентации действительности – к изображению.

Сегодня многое указывает на то, что память культуры имеет и визуальную фиксацию помимо текстуальной. Отличительной особенностью современных визуальных изображений является относительно легкое их распространение. Визуальный поворот в культуре связан с переходом от накопления визуальных образов к их трансляции, чего ранее сделать было нельзя, так как для того, чтобы нечто увидеть необходимо было переместиться в то место, где был расположен этот визуальный образ либо прибегнуть к услугам художника, обладающего способностью фиксировать и воспроизводить визуальные образы.

Визуальное не просто присутствует в культуре, оно все больше начинает доминировать в ней. И даже, несмотря на то, что текст видоизменился, стал носить перформативный характер, несмотря на появление деконструктивистской и интерактивной литературы, которая важна в своем осуществлении, несмотря на то, что текст начинает приобретать характеристики процессуальности, хотя фиксированность формы текста была его базовой характеристикой, позволяющей сохранять идентичность и отвечать присвоенной ему атрибуции, несмотря на все это, визуальный образ в большей степени, отвечает тенденциям современной культуры начала XXI века.

Визуально-образная фиксация культуры, вследствие отсутствия связи с языком (словами, вербальным выражением смысла) осуществляет моментальный снимок культуры в ее непосредственности. Конечно, если речь идет о фотографии или фильме присутствие автора неоспоримо, даже в том случае, если фильм или фотография являются не художественными, а документальными или любительскими. Тем не менее, интерес к визуальной антропологии и визуальной социологии вызван неудовлетворением в текстуальном описании мира и верой в адекватность визуально-образной фиксации культуры.

Рассмотрим различие изображения и текста, а также точки их пересечения. Мы не можем в полной мере разграничить текст и изображение, так как эти два способа коммуникации порой сосуществовали в пределах одной культуры, функционировали по одним правилам, что привело к заимствованию друг у друга принципов выражения, способов объективации смысла. Мы постараемся обрисовать основные различия в восприятии текста и изображения.

Текст иллюстрирует поэтапное разворачивание мира перед нами, через сцепление букв в слова, а слов в предложения. Текст обладает характеристикой линейности, чтение текста задано нам посредством установленных в культуре правил. Изменение направления чтения неприемлемо, так как смысл текста доступен только при определенной комбинации слов. Классические текстологические дискурсивные практики контролируемы, не каждый обладает правом вступать в дискурс. В дискурсе происходит разделение на своих и чужих (вступлению в дискурс

предшествует особый ритуал, который позволяет идентифицировать пишущего, позволяет определить, владеет ли субъект правилами этого дискурса), а производство дискурса доступно лишь для избранных, так как создание дискурса сопровождается установлением власти над ним посредством конструирования способов функционирования дискурса. Текст соотносим с логико-вербальным постижением мира. Печатное слово представляет собой систематическое постижение мира, в культуре заданы как правила создания текста, функционирования текста, так и способы его чтения.

Визуальный образ, наоборот, явлен сразу в своей целостности. Тексту в процессе чтения динамику задаем мы сами, визуальное задает динамику нам. Конструируя смысл текста, мы двигаемся от частей к целому, при восприятии изображения мы, наоборот, идем от целого к деталям. Производство визуальных образов в современной культуре внедискурсивно и внеиерархично, любой может создать образ и заставить его функционировать. Визуальный образ представляет собой образно-пространственное осмысление реальности.

Значимой для нашего исследования является проблема интерпретации визуального образа и текста. Текст имеет код для своей дешифровки, в качестве данного кода выступает язык. Принципы функционирования текста осмыслены и отрефлексированы, чего нельзя сказать о визуальных образах. В ходе интерпретации визуального мы сталкиваемся с отсутствием адекватного языка, позволяющего анализировать визуальные образы. Зачастую визуальное постигается посредством тех же принципов, что и текст. Используются семиотические модели интерпретации, визуальное изображение начинает пониматься как текст, написанный на «другом языке». Информация считывается с предметов и превращается в сообщение. Это во многом сокращает тот смысловой пласт, который содержится в визуальном. Визуальное претендует на непосредственное транслирование смысла, без облачения смысла в слова.

Процесс видения, взгляд во многом детерминирован языком, мы в первую очередь видим то, что имеет свой эквивалент в языке, то, что названо. А видим ли мы то, что не названо, те явления, которые не запечатлены в слове, в тексте? Или глаз лишь

распознает известные концепты, осмысленные и зафиксированные в культуре? Ведь то, что не названо, не записано, это не имеет традиции осмысления, оно (видимое, но нераспознаваемое и неназываемое) словно и не существует для культуры, отложено для осмысления, находится в ожидании своего слова. Выбор определенного слова, перевод визуального образа в текстуальный нарратив сопряжен с тем, что это есть одновременно выбор картины мира и, следовательно, назначение визуальному образу интерпретационной модели, легитимной в пределах выбранной картины мира.

Желание изображение «прочитать» во многом связано с инерцией культурных практик, доминированием логоцентризма, желанием найти внятный артикулируемый смысл. Отказ от логоцентризма, фаллоцентризма влечет за собой актуализацию интереса к иным внедискурсивным и маргинальным практикам.

Текстуальный способ концептуализации действительности отличает стремление объяснять мир, структурировать его, находить в нем смысл, задавать схемы, т.е. искать логику. Представления о линейности, историчности, протяженности и последовательности текста противостоят вневременности визуального образа, который не приучает к удерживанию в голове уже случившегося, к последовательному нанизыванию смыслов и событий. В том числе, поэтому доминирование визуального способа коммуникации в современной культуре вкупе с мифологическими приемами рекламы приводят к девальвации исторического мышления.

Логико-вербальный (текст) и образно-пространственный (визуальный образ) – это два разных принципа концептуализации действительности, два разных способа создания реальности, которые предопределены телесностью человека. Межполушарная функциональная асимметрия головного мозга детерминирует наличие у человека двух разных когнитивных типов мышления: логико-вербальное мышление левого полушария, образно-пространственное мышление правого полушария. Наличие у человека двух несводимых друг к другу стратегий познания действительности, связанных с особенностями его тела, позволяет нам сделать вывод о том, что эти два типа мышления имеют и свои несводимые друг к другу типы выражения, типы явленности, которыми являются текст и визуальный образ. Каждый тип

мышления отличают свои особенности восприятия, свои способы осмысления явлений действительности. Характеристики образно-пространственного мышления: целостность восприятия и при этом контекстуальность, множественность связей, их непоследовательная детерминированность, ассоциативный характер обнаружения взаимосвязей соотносимы с принципами восприятия визуальных образов. Характеристики логико-вербального мышления: последовательность, рациональность, абстрактность, сосредоточенность на существенных признаках, что представляет собой иллюстрацию принципа экономии мышления, работа с готовыми схемами, использование классификаций, соотносимы с принципами создания и функционирования текста в культуре.

Следовательно, мы можем утверждать, что текст и визуальный образ – это два разных способа создания культурных форм, обусловленных физиологией человека, поэтому применение по отношению к визуальному образу тех же методологических установок, что и по отношению к тексту является невозможным.

КОНЦЕПЦИЯ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ

Д.И. Орлянская
Новосибирский государственный университет
dashu93@mail.ru

Знания – важнейший ресурс человечества. Овладение знанием о знании является необходимым с целью его расширения и успешного применения. Наши знания носят как явный, так и неявный характер. Появилось множество теорий, которые говорят о том, что явное знание, которое нам доступно, так как оно выражено словами, цифрами и символами, может быть легко изложено и распространено, это только часть нашего потенциала. Кроме явного мы обладаем еще и неявным знанием, которое скрыто, трудно поддается осознанию и описанию. Понимание того, что такое неявное знание и какую роль оно играет в деятельности человека, даст более полную картину того, что есть знание.

Майкл Полани стал первым, кто обратился к вопросу о неявном знании. На основе его теории разработаны мощные концепции «организационного обучения» И. Нонака – Х. Такэучи и

«корпоративного знания» И. Туоми. Кроме М. Полани определением сущности неявного знания занимались Т. Дэвенпорт и Л. Прусак. Попытки классификации неявного знания были сделаны и нашими учеными. Среди них: Г. Старикова, А.О. Карпов. Учеными, работающими в этой же проблематике и предложившими свои теории, были: Фридрих фон Хайек, Людвиг Мизес, Майкл Оукшот. Им принадлежит разделение знания на рассеянное и централизованное, об уникальных событиях и о классах событий, практическое (традиционное) и научное (техническое) соответственно.

Проблема рационального и нерационального знания существует очень давно. Зачастую, роль подлинного объективного правильного знания отводилась первому, но не второму. Но нельзя игнорировать тот факт, что мы обладаем некоторым нерациональным знанием, которое оказывает непосредственное влияние на нашу познавательную деятельность. Вместо того чтобы отбрасывать как ненужный этот элемент в нашем познании, необходимо разобраться что это такое. Ведь нерациональное знание, наряду с рациональным, способно сыграть важную роль в процессе познания. Не исключено, что ориентируясь только на рациональное, можно упустить какую-то важную суть предмета, которая будучи ускользающей и непонятной (нерациональной) может быть отброшена как ненужная и, таким образом, мы потеряем целостность картины и наше знание будет неполным.

«В гносеологическом плане рациональное - это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное универсальное знание предмета, нечто «в масштабе разграничивания» (Хайдеггер). В онтологическом - предмет, явление, действие, в основании которых лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность» [Майданский А.Д., с.16]. «Иррациональное имеет два смысла. В первом смысле иррациональное таково, что вполне может быть рационализировано. Практически это есть объект познания, который поначалу предстает как искомое, неизвестное, непознанное. В процессе познания субъект превращает его в понятное, логически выраженное, всеобщее знание» [там же]. «Второй смысл иррационального состоит в том, что это иррациональное признается в его абсолютном значении —

иррациональное-само-по-себе: то, что в принципе не познаваемо никем и никогда» [там же].

Важнейшую роль в разработке проблемы иррационального знания сыграл Майкл Полани. Он вводит разделение на явное и неявное знание. Любая деятельность, будь то научная, внимание на которой сосредотачивает М. Полани, или любая другая, совершается человеком. Соответственно, результат этой деятельности, а также, процесс его получения нельзя назвать деперсонифицированными. М. Полани строит свою концепцию в противовес точке зрения, что подлинное знание является объективным, всеобщим, свободным от личного. По М. Полани, подлинное знание и процесс его получения – это «сплав личного и объективного» [М. Полани, с. 18]. Тесное взаимодействие этих двух аспектов М. Полани называет личностным знанием. Личностное знание – это не только артикулированное явное знание, но и неявное знание, которое не выражено в языке.

Неявное знание – это скрытое, вербально не выражаемое, периферийное знание о мире. Оно не осознаваемо, сложно поддается вербализации. Но мы можем его передавать. Это происходит во время практической деятельности, как правило, в процессе обучения. Поэтому М. Полани отводит важную роль образованию в деятельности ученого.

Теория М. Полани дала возможность для дальнейшего развития вопроса о неявном знании.

Выделение и использование неявного знания позволяет решить множество очень важных задач. Мы знаем больше, чем можем сказать. Неявное знание дает возможность увидеть процесс познания не как автоматизированную систему по обработке информации, но как творческий и живой процесс. Таким, какой он есть на самом деле.

Литература

1. М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
2. Абдикеев Н.М. Как управлять знаниями? – URL: <http://www.fa.ru/science/iscience/Pages/Kak-upravlyat-znaniyami.aspx> (дата обращения: 2.11.2015)

3. Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное – философская проблема. Читая А. Шопенгауэра. // Вопросы философии.- 1994.- №9. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000371/> (дата обращения: 3.11.2015)
4. Майданский А.Д. Лекция в структуре «неявного знания». // Alma Mater, 5 (2009), с. 16-19.
5. Губанова Е.О. Неявное знание: сущность и виды. // Научный потенциал: работы молодых ученых, 2010 - №4, с 253-256.
6. Никитина Е.А. Познание. Сознание. Бессознательное. М., 2011.

ТРАНСГУМАНИЗМ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ЧЕЛОВЕКА?

Д.А. Петров

Сибирский федеральный университет, Красноярск
petrovdmtr@mail.ru

В результате эволюции Вселенной на одной из планет Солнечной системы, неизвестным для науки способом образовалась органическая материя, которая в течение 2,7 млрд. лет в процессе приспособления посредством мутаций и адаптаций трансформировалась в сознательный вид *homo sapiens*, на котором естественный биологический прогресс перешел в лоно культурной: психосоциальной, интеллектуальной эволюции.

В XXI веке человечество вследствие научно-технического прогресса обрело более эффективные (в сравнение с прошлым) средства коммуникации, медицины, транспорта, развило технологии производства продуктов питания, энергии, строительства, образования и т.д. Таким образом, оставаясь «почеловечески» биологическими, мы перестали быть «почеловечески» функциональными. Функциональные возможности современного человека шире, чем у наших предков. А стремительное развитие новых технологий в обозримом будущем открывает перспективы современному рядовому человеку сравняться своими новоприобретенными качествами и возможностями с героями мифов Древней Греции.

Развитие науки и техники дает основание ожидать, что в недалеком будущем ученые смогут синхронизировать человеческий мозг с компьютером, вследствие этого в значительной степени увеличится производительность интеллекта, человек сможет «в уме» самостоятельно осуществлять сложные математические расчеты, проектировать здания, создавать «музыку мыслями» и многое другое. Люди научатся мысленно, управлять техникой, передавать информацию в любую точку мира – телепатия станет реальностью.

Усовершенствуется медицина, замена человеческих органов искусственными станет нормой, увеличится продолжительность жизни. “Уже к настоящему моменту создан протез рук, управляемый мысленными приказами, созданы прототипы искусственных глаз. В 2006-м году искусственное сердце Abioco официально разрешено к применению. Сто тысяч американцев имеют кохлеарные имплантаты (подсоединенные непосредственно к нерву слуховые аппараты)”. [2, с. 19] То есть, человек уже пытается изменять не только “внетелесное” пространство и среду обитания, но и планирует в дальнейшем подвергнуть модификации свое тело. Достижения науки в исследованиях ДНК, в изучении нервной системы, в развитии нанотехнологий позволят человеку изменять свои физические параметры.

Изменениям подвергнутся и общественные институты. Эволюция социальных технологий создаст благоприятные условия для эффективного управления обществом, рационального распределения экономических ресурсов. Более того, новые технологии позволят решить ряд экологических, демографических и других глобальных проблем. “Изучая развитие цивилизации, рассматривая сложнейший клубок глобальных проблем, ученые, как правило, недостаточно учитывают в своих прогнозах то влияние, которое могут оказать на этот процесс бурно развивающиеся новейшие технологии, в том числе — и так называемые технологии глобального воздействия”. [4, с. 108]

Большинство ожидаемых в близком будущем достижений связано с процессом слияния пяти научно-технологических направлений. Так называемые технологии NBICS-конвергенции (N-нано, B-био, I-инфо, C-когно, S-социо), которые ознаменовывают частичное объединение различных дисциплин в единую научно-

технологическую область знания. “Каждая из этих областей способна принести (и уже приносит) множество важных теоретических и практических новых результатов. При этом полученные результаты оказывают заметное влияние не только на развитие своей отрасли, но и ускоряют развитие иных технологий и областей знания”. [5, с. 41]

В процессе развития науки и техники, глобальной конвергенции, человечество устремляется к новой социальной реальности. В едином информационном пространстве формируется новое коллективное сознание (глобальный интеллект). “Мы на пороге принципиально нового периода эволюции человечества, когда выросший интеллект способен — и уже это делает — используя возвращенную им мощь цивилизации, преобразовать свою же биологическую основу в нечто иное. Человек с помощью интеллекта переходит к состоянию так называемой искусственной, направляемой эволюции”. [2, с. 22]

Идею “управляемой и прогнозируемой эволюции” развивал английский биолог-эволюционист Джулиан Хаксли, он же в 1957 году впервые употребил термин “трансгуманизм” в статье, входящей в книгу “Новые бутылки для нового вина”. «При желании человеческий вид может выходить за свои пределы — не только спорадически, как отдельный индивид, но в своей целостности, как человечество. Нам необходимо название для этого нового верования. Возможно, термин трансгуманизм будет подходящим: человек остается человеком, но трансцендирует себя, реализуя все новые возможности своей природы, в том числе для нее самой”. [1, с. 17] Близкие к Дж. Хаксли взгляды в это же время развивал генетик Дж. Б. С. Холдейн. Схожие идеи встречаются в трудах русских космистов (Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский и др.).

К настоящему моменту идеи трансгуманизма значительно трансформировались. Помимо целесообразного вмешательства в биологическую эволюцию человека и биосферы (что описывал Хаксли), значительное внимание современные последователи трансгуманизма уделяют перспективам эволюции посредством небιологических технологий. А также поднимают темы, которые подвергаются критики общества: клонирование человека, достижение кибернетического бессмертия, “модернизация”

физического тела, переход к новому виду. “Трансгуманисты считают, что человеческий вид не является завершением эволюции, что человечество находится на пороге нового этапа эволюции, когда человек продолжит эволюционировать уже не в силу биологических законов или законов социальной эволюции, а благодаря научному знанию, превратив эволюцию в управляемый процесс”. [2, с. 18]

Главенствующий фактор развития мировой цивилизации, по мнению трансгуманистов – научно-технологический прогресс. В своей современной форме основные идеи трансгуманизма были сформулированы, в основном, в лекциях и публикациях мыслителя, работавшего под псевдонимом FutureMan 2030, он же, Ф. М. Эсфандиари, назвал трансгуманистами людей, имевших особое мировоззрение и стиль жизни, направленный на самосовершенствование, на использование современных достижений науки и техники для перехода к «пост/трансчеловеку» — существу, обладающему принципиально новыми способностями.

Критики трансгуманизма предостерегают нас об опасностях и рисках, порождаемых этим мировоззрением. Наиболее явные из них:

1) риск вымирания человека как вида и замена его новой формой жизни;

“Его суть (трансгуманизма) – отказ от идентичности существующего *Homo sapiens* в пользу постчеловека - «люденгов, нелюдей, трансхьюманов» как «более совершенных существ». Причиной вырождения человека является экспансия познавательно-информационных, био и нанотехнологических подходов к миру, перерастающая в универсализацию технологического конструктивизма. Идеи и деятельность по конструированию постчеловека являются выражением движения людей по пути *Mortido* (потери способности к любви и влечение к смерти)”. [3, с. 2]

2) гибель человечества в результате вышедшего из-под контроля развития технологий или злоупотребления последними.

“...есть некоторые основания предполагать, что через какое-то, не слишком долгое время, изменения, накапливаемые в мире, будут столь сильны, что мы сейчас принципиально не способны спрогнозировать дальнейшее развитие мира, то есть, произойдет так называемая технологическая сингулярность — момент, после

которого характеристики цивилизации невозможно предсказать”. [2, с. 23]

Стоит заметить, подобные опасности связаны с самим процессом стремительного развития технологий, а не с философией трансгуманизма как таковой. Трансгуманисты, напротив, ищут решения данных проблем. “Одной из основных социальных задач трансгуманизма является именно предотвращение гибели человечества — в результате ли непродуманного или злонамеренного использования технологий, социально-экологических ли катастроф или катастроф природного характера”. [2, с. 32]

На сайте Российского трансгуманистического движения (РТД) дано определение, согласно которому «трансгуманизм — это гуманистическая, основанная на осмыслении новейших достижений науки и техники доктрина, провозглашающая возможность и желательность фундаментальных изменений (улучшений) природы человека, прежде всего, с использованием новых технологий». Трансгуманисты считают, что современные технологии позволят со временем ликвидировать старение, страдания и смерть и помогут значительно расширить физические и интеллектуальные возможности человека. Однако, “гуманистической” эту доктрину находят не все ученые: “Это (трансгуманизм) главная, организационно оформившаяся, но все-таки только одна ветвь антиантропологического и антигуманистического мировоззрения, порождаемого состоянием различных сфер современной жизни”. [3, с. 8]

Таким образом, под трансгуманизмом мы будем понимать мировоззрение, согласно которому человечество вступает в стадию перехода к процессу управляемой, осознанной эволюции посредством научно-технического прогресса. В процессе этого перехода происходит трансформация биологической природы человека и его духовного мира, общественного сознания, его системы ценностей и морали. Этот процесс порождает новые мировоззренческие и этические проблемы. Трансгуманисты осветили определенную позицию, сформулировали систему взглядов на процесс эволюции, который представляет собой одну из фундаментальных научных ценностей и требует более детального изучения и осмысления в дальнейшем.

Литература

1. Huxley J. Transhumanism // New Bottles for New Wine, essays by Julian Huxley. – London: Chatto & Windus, 1957a. – Pp. 13-17.
2. Прайд В. Интеллект как фактор эволюционного развития // Новые технологии и продолжение эволюции человека: Материалы обсуждения, состоявшегося в Институте Африки РАН / Ответственные редакторы Прайд В., Коротаев А. В. – М.: 2007. – С. 13-26.
3. Кутырев В.А. ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85
4. Косарев В. В., Прайд В. Влияние высоких технологий на ход глобализации: надежды и опасения // Новые технологии и продолжение эволюции человека: Материалы обсуждения, состоявшегося в Институте Африки РАН / Ответственные редакторы Прайд В., Коротаев А. В. – М.: 2007. – С. 108-130.
5. Медведев Д.А. Конвергенция технологий — новая детерминанта развития общества // Новые технологии и продолжение эволюции человека: Материалы обсуждения, состоявшегося в Институте Африки РАН / Ответственные редакторы Прайд В., Коротаев А. В. – М.: 2007. – С. 40-74.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.С. Попова

Институт лазерной физики СО РАН,
Новосибирский государственный университет
svetlanas_popova@mail.ru

Общепринятым стандартом научного объяснения является объяснение в терминах действующей причины. И если в учении Аристотеля телеология занимает почётное, если не привелигерованное, место среди других типов причинности, то с формированием науки современного типа подобный тип объяснений обретает статус «сомнительно-научных». Тем не менее, даже в физике нередко бывает удобнее и корректнее использовать подобный тип

объяснений, а в других естественных науках объяснение в терминах цели может являться необходимым компонентом.

Неотъемлемой частью науки о живых организмах считал телеологию Кант [1]. По его представлениям нет надежды, что когда-либо человеческое познание будет способно объяснить жизнь в терминах физических законов, поскольку представление о цели предшествует нашему размышлению о жизни [2].

Однако однозначного соотнесения объяснений в терминах цели с биологией и объяснений в терминах действующей причины с физикой провести невозможно. Существует два типа телеологических утверждений, отвечающих на вопрос «зачем», «с какой целью»: функциональные и финальные. Функциональные утверждения формулируются в терминах функции части по отношению к целому. Стандартным примером функционального утверждения является: «сердце предназначено для того, чтобы обеспечивать циркуляцию крови в организме». Функциональные утверждения не обязательно связаны с живыми объектами, они могут относиться к механизмам, к составным системам. Финальные объяснения формулируются в терминах конечной точки, итога, к которому должен привести процесс. Если в функциональное объяснение включены объекты разного уровня (часть и целое), то в финальное объяснение включены объекты одного уровня или один и тот же на разных этапах своего существования. Примеры финальных объяснений нередко связаны с объяснением свойств развивающегося организма необходимостью достичь стадии зрелости. В физике также существуют рассуждения вида: «чтобы достичь к некоторому моменту определенных параметров, объект должен обладать следующими характеристиками». Ярким выраженным телеологическим характером обладает в механике принцип наименьшего действия.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев в физике телеологическое по форме объяснение сравнительно легко переводится в объяснение в терминах действующей причины. Функциональные объяснения для составных механизмов из формулировки «эта часть выполняет такие-то функции, поэтому должна обладать такими-то характеристиками» могут быть переведены в формулировки «эта часть обладает такими-то характеристиками, что дает возможность использовать для таких-то целей». Обратимость во времени большинства физических законов обеспечивает обратимость финальных

объяснений. И хотя в физике можно найти примеры, требующие более тонкого анализа вопросов причинности, общая тенденция связывать причинные объяснения с физикой, а телеологические с биологией сохраняет свою актуальность. Возможно ли достичь единства физики и биологии в способах объяснения – это тема, которая нередко становилась популярной в философско-научных обсуждениях.

Большие надежды на то, что будет найдена возможность элиминировать телеологические объяснения из биологии, были связаны с дарвиновской теорией естественного отбора. Для многих исследователей представляется, что с принятием эволюционной теории любые утверждения в терминах «цели» могут быть без потери значения переформулированы в терминах действующей причины [3]. Однако, обозначив общую схему возможного согласования биологической целесообразности с физическими принципами причинности, теория естественного отбора оставляет множество нерешенных вопросов, как философских, так и конкретно-научных. По сути, часто фраза: «эта особенность сформировалась в процессе эволюции», является закамуфлированным объяснением посредством целевой причины. Некоторые из современников Дарвина считали заслугой его концепции именно то, что она способствовала легализации телеологического объяснения, возвращению его в естественные науки [4]. Подобная оценка эволюционной теории встречает как резкую критику [5], так и поддержку, включая развитие и уточнение [6].

С развитием генетики многие философские вопросы, связанные с биологией, получили новую интерпретацию. В частности, Э. Майр полагал, что по аналогии с квази-целенаправленным поведением запрограммированных машин можно объяснить целенаправленное поведение биологических организмов, реализующих генетическую программу. Для того чтобы отличать такое запрограммированное стремление к цели от традиционной телеологической концепции он ввел термин «телеономия» [7]. Критиками отмечается, что без механизма, раскрывающего способы формирования и реализации генетической программы, эта концепция выглядит как упражнение в переобозначении новыми словами известных фактов [8].

Объяснения через конечную цель явным или неявным образом присутствуют во многих биологических исследованиях. Например, П.М. Бородин, объясняя правило интерференции для генетической рекомбинации (отметив прежде, что не существует доста-

точно обоснованной гипотезы, описывающей молекулярные механизмы этого явления), в качестве объяснения приводит гипотезу «о том, зачем нужна интерференция» [9]. Подобное обращение к объяснениям в терминах, получаемых преимуществ для выживания, нередко встречается в работах по генетике.

Даже в том случае, если объяснение целевого поведения организмов посредством действующей причины принципиально возможно, на современном этапе для многих исследований нельзя обойтись без объяснений в терминах цели. Известно меткое высказывание, что «Телеология для биолога все равно что любовница для респектабельного господина: он не может обойтись без нее и в то же время стесняется показываться с ней на публике» [10].

Ещё одной философской проблемой, связанной с проблемой телеологии, является вопрос о том, что такое разум и возможно ли создание искусственного разума. Одна из философских позиций рассматривает разум как нечто алгоритмизуемое и на вопрос об искусственном интеллекте даёт однозначно положительный ответ. В то же время при некоторых подходах в качестве основного критерия разумности выступает способность достигать цели в изменяющихся условиях, а при таком подходе становится важен телеологический аспект и вопрос о возможности создания искусственного разума переходит в вопрос о сводимости телеологических объяснений к телеономическим или телеоматическим.

Литература

1. Roll-Hansen N. Critical Teleology: Immanuel Kant and Claude Bernard on the Limitations of Experimental Biology // *Journal of the History of Biology*. – 1976. – V. 9. – P. 59-91.

2. Idalovichi I. Life and Teleology. Kant's Critical-Teleological Philosophy and Contemporary Biology // *Journal of General Philosophy of Science*. – 1992. – V. 23. – P. 85-103.

3. Agutter P.S., Wheatley D.N. Foundations of Biology: on the Problem of “Purpose” in Biology in Relation to our Acceptance of the Darwinian Theory of Natural Selection // *Foundation of Science*. – 1999. – V. 4. – P. 3-23.

4. Lennox J.G. Darwin was a Teleologist // *Biology and Philosophy*. – 1993. – V. 8. – P. 409-421.

5. Chiselin M.T. Darwin's Language may Seem Teleological, but his Thinking is Another Matter // *Biology and Philosophy*. – 1994. – V. 9. – P. 489-492.

6. Short T.L. Darwin's concept of final cause: neither new nor trivial // *Biology and Philosophy*. – 2002. – V. 17. – P. 323-340.

7. Junker T. Ernst Mayr (1904-2005) and the new philosophy of biology // *Journal for General Philosophy of Science*. – 2007. – V. 38. – P. 1-17.

8. Christensen W. A complex Systems Theory of Teleology // *Biology and Philosophy*. – 1996. – V. 11. – P. 301-320.

9. Бородин П.М. Генетическая рекомбинация в свете эволюции // *Природа*. – 2007. - № 1. – С. 14-22.

10. Мамчур Е.А. Причинность и рационализм / Причинность и рационализм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука. 2002. С. 22.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДВУХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ²

А.Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН

Новосибирский государственный университет

С 2000-х годов по сегодняшний день мир переживает третью революцию в космологии. На пороге этой революции космология распалась на две во многом противоречивые тенденции. Первая тенденция связана с интенсивным развитием наблюдательной космологии, вторая – с теоретической разработкой накопившихся фундаментальных проблем. С созданием теории космологии по преимуществу была связана первая революция, имевшая место в 1920-е годы, когда создавалась общая теория относительности, разрабатывались модели Фридмана.

Вторая революция в космологии произошла в 1960-е гг., когда наблюдение неба стало всеволновым. Исследования в радиодиапазоне позволили выявить, помимо всего прочего, мощные источники рентгеновского излучения в двойных звездных системах,

² При поддержке проекта РГНФ № 13-23-01015

позже истолкованные как черные дыры, ранее предсказанные общей теорией относительности. Другим подтвержденным наблюдением в радиодиапазоне предсказанием ОТО являются нейтронные звезды. Выявленные в радиодиапазоне периодические источники излучения были поначалу интерпретированы как свидетельство разумной жизни. В числе важных открытий наблюдательной астрономии того времени следует отметить открытие Хабблом красного смещения, подтверждающего разлет галактик. Наконец, открытие Пензиасом и Вильсоном в 1962 году открытие реликтового излучения: вездесущего фона низкотемпературных фотонов, испущенных на очень раннем этапе эволюции вселенной, когда плазма электронов и протонов рекомбинировала с образованием атомов водорода и вещество стало прозрачным для излучения.

Дальнейшее повышение точности измерений и развитие экспериментальной техники привели к фундаментальным открытиям, следствием которых стала третья революция в космологии, начавшаяся в 2000-е годы и продолжающаяся по сегодняшний день. К числу эпохальных открытий относятся ускоренное расширение Вселенной, интерпретированное как наличие космологической постоянной, некой темной энергии составляющей более 70% всего вещества во вселенной. Далее анализ кривых вращения галактик, а также результаты гравитационного линзирования дали оценку массы, значительно превосходящую массу видимого светящегося вещества. Результаты измерений заставили физиков выдвинуть гипотезу о существовании некой темной материи, масса которой составляет около 25% от всего состава Вселенной, в то время как обычное известное нам барионное вещество составляет по массе не более 4%. Были открыты флуктуации реликтового излучения, имеющие порядок величины всего в пятом знаке после запятой.

Эти фундаментальные экспериментальные открытия совпали по времени появления с выявленными концептуальными трудностями. В числе последних наибольшие философские следствия имеет проблема свободных параметров, состоящая в необъяснимости тонкой подстройки фундаментальных постоянных. В качестве одного из объяснений тонкой подстройки Уиллером был выдвинут антропный принцип, носящий метафизический характер. Большинство концепций теоретической физики последовали в решении этой проблемы другим путем, казущимся еще более фантастичным.

Речь идет о концепциях множественных вселенных, к которым различные теории приходят своими путями. Учитывая принципиальную непроверяемость большинства из этих гипотез, их статус достаточно близок к области философии.

В итоге, если первая революция в космологии была связана с развитием теории, а вторая – наблюдений, то происходящая сейчас третья революция характеризуется мощным развитием двух противоположных тенденций – теоретизирования, выходящего за рамки возможных проверок, с одной стороны, и высокоточного наблюдения с другой. Чтобы охарактеризовать точность наблюдений, приведем, к примеру фразу, что «сейчас общепризнано, что наиболее точным прибором для измерения массы нейтрино является телескоп» [1]. Речь идет об оценке, данной на основе астрономических наблюдений, проведенных спутником Planck, размывания крупномасштабных структур вселенной, которое имело место на ранних стадиях развития вселенной, когда она обладала высокими температурой и плотностью. В современных условиях нейтрино практически не взаимодействует с веществом, но при условиях в ранней вселенной это взаимодействие было более существенным, что позволило дать оценку на массу нейтрино $m\nu < 0,4$ эВ. Эта оценка превосходит все, данные физическими методами, лучшим из которых является прямая оценка, данная в эксперименте в Троицке составляющая $m\nu < 2,1$ эВ.

Отметим, что космология, благодаря росту точности измерений поставила несколько важных проблем перед физикой, в том числе экспериментальной, получение частиц темной материи является одним из пунктов программы исследований, проводимых на большом адронном коллайдере.

Философскими следствиями являются пересмотр современной космомикрофизикой и космологией содержания основных философских категорий: понимания материи, пространства-времени. Последнее связано с пониманием симметрии, имевшей место на ранних стадиях развития вселенной и последующим образованием структур. «Существование времени связано с отсутствием определенной симметрии: вещи во Вселенной должны изменяться от момента к моменту, для того чтобы мы вообще могли определить понятие от момента к моменту, которое как-то представляет наше интуитивное представление времени. Если имеется полная симметрия между существующим положением вещей, и тем, что было, и изме-

нения от момента к моменту имеют не больше последствий, чем изменения при повороте бильярдного шара, время, в нашем обычном представлении, не могло бы существовать» [2]. Изменяется, по видимому, и представления о происхождении и механизмах развития вселенной. Попытки допустить наличие асимметрии в ранней вселенной наталкиваются на математические трудности и противоречат наблюдениям, так как фон реликтового излучения показывает высокую однородность ранней вселенной, а отклонения в пятом знаке после запятой могут быть вызваны одним из трех эффектов: инфляционным расширением квантовых флуктуаций, наличием динамики плазмы, преимущественно выраженной звуковыми волнами и, наконец, гравитационным линзированием, возникшим в более позднюю эпоху после формирования галактик. Кроме того, симметричное состояние является более простым для объяснения, а принцип простоты – один из методологических принципов, выдвигаемый для формирования критерия выбора теории. «В общем случае можно сказать, что более простая теория имеет более высокую степень инвариантности, т.е. более высокую симметрию. Как утверждал Эйнштейн, теория тем совершенней, «чем проще положенная в ее основу «структура» поля и чем шире та группа, относительно которой уравнения поля инвариантны» [3].

В целом наблюдается направленность на расширение наших представлений о мире в том же смысле, в каком это произошло в ходе коперниканской революции. Подобно тому, как из центра мира человечество было перенесено на одну из планет, так сегодня наша Вселенная мыслится одним из бесконечного множества вариантов устройства мироздания, каждый из которых обладает своим уникальным набором фундаментальных постоянных. Неединственность в пространстве подчеркивается и ее преходящестью во времени: многие современные модели считают большой взрыв не актом творения мира, а всего лишь одной из ступеней длительной эволюции ранее существующего.

Литература

1. Долгов А. Д. Космология: от Померанчука до наших дней // УФН. – 2014. – Т. 184. – С. 211–221.

2. Грин Б. Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 236.

3. Симанов А.Л. Принцип простоты в физике: методология, общее и особенное // Философия науки. – 2014. – № 2 (61). – С. 54.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАЦИОНАЛЬНО- ЛОГИЧЕСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

О.М. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,

г. Абакан

chistanovaolga@gmail.com

Сегодня разработка проблем, связанных с особенностями использования языка в разных сферах общения, занимает одно из центральных мест в современной лингвистике. Антропоцентрический подход к языку позволяет получить системное представление о процессах порождения и восприятия текста, исходя из главенствующей роли субъекта (автора текста и его читателя) и учета всех экстралингвистических данных. Большое значение придается изучению текстовых категорий, отражающих специфику диалога между автором и читателем.

В научном стиле находит отражение понятийно-логическое теоретическое мышление. Необходимо добавить, что научный стиль характерен для коммуникативной сферы, которая, в свою очередь, связана с реализацией науки как формы общественного сознания. Исконная форма существования научной речи – письменная, так как именно она надолго фиксирует информацию, что отвечает требованиям науки. Диалогичность, как и другие категориальные признаки текста, приобретает в научном тексте свою специфику, которая касается его концептуально-тематической и формально-языковой сторон.

При написании текста ученый всегда ориентируется на его восприятие и понимание читателем. Диалог автора с читателем, являясь органичной составляющей стратегического плана построения научного текста, находит отражение в категории адресованности, для реализации которой служат лингвистические средства и приемы рецептивного управления. В своей совокупности они формируют в

тексте программу его интерпретации (рецептивную программу). Первостепенную роль играют в ней языковые средства рационально-логической акцентуации, которые представляют собой субъектно отмеченные компоненты научной речи, эксплицирующие сознательную рефлексию автора над излагаемым содержанием и создающие стереотипность научного изложения [1: 38].

К лексико-грамматическим средствам акцентуации относятся:

- модусные конструкции: es ist offensichtlich, dass ...; es mag sein, dass ...; es ist von Bedeutung, dass...; wichtig ist, dass ...; interessant ist, dass ...;

- стереотипные «активизаторы» внимания с глаголами betonen, hervorheben, unterstreichen, erwähnen, hinweisen: Ich möchte betonen, dass ...; Zunächst sei darauf hingewiesen, dass ...;

- модальные слова и лексемы со значением уверенности и сомнения: tatsächlich, natürlich, sicher, vermutlich, wahrscheinlich, möglicherweise, zweifellos, strittig, mehr als fraglich;

- побудительные комплексы: es ist erforderlich, ...; zu beachten ist auch, ...; man beachte...; man vergleiche...;

- метатекстовые средства ввода перефразированного высказывания: das heißt, anders gesagt, anders ausgedrückt, das bedeutet, mit anderen Worten, besser noch, genauer.

На фоне доминирования в научном тексте абстрактного настоящего времени, которое подчеркивает объективность при определении научных понятий, констатации фактов, формулировании выводов, акцентирующее значение приобретают языковые средства реализации внутритекстовых и внетекстовых ретро- и проспективных связей. Кроме лексических средств с темпоральной семантикой к ним относятся глагольные формы будущего и прошедшего времени: In dieser Untersuchung werden wir mehr Methoden miteinander verknüpfen; Wenn hier von den sprachkultivierenden Möglichkeiten durch Werbsprache gesprochen wurde, waren damit nicht alle Werbetexte schlechthin gemeint.

В целях акцентуации автор использует в научном тексте также синтаксические средства: вопросно-ответные единства (Muss man daraus schließen, dass falsch kritisiert wurde? Sicherlich nicht.); повелительные предложения (Wenden wir uns also der Reihe nach diesen beiden Thesen zu.); выдвижение на первое место в предложении личной формы глагола, инфинитива или причастия (Bleibt als

letzte Möglichkeit ...; Zu zeigen ist schließlich noch ...; Und geworden ist sie es dadurch, dass ...).

Следует отметить и роль графических, изобразительных средств в управлении восприятием реципиента. Для активизации внимания используются такие графические способы акцентуации, как разрядка, курсив, жирный шрифт, подчёркивающая линейка, цифровые и иные знаки рубрикации научного текста. Кроме того, авторы используют графики, диаграммы и изображения для более наглядного представления информации в тексте.

Таким образом, для рационально-логической акцентуации автор научного текста использует лексико-грамматические, синтаксические и графические средства, позволяющие ему подчеркнуть концептуально значимые фрагменты содержания, свою позицию в дискуссионных вопросах и вовлечь реципиента в процесс формирования нового знания.

Литература

1. Пелевина, Н. Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / РГПУ им. А.И. Герцена [Текст] / Н. Н. Пелевина. – СПб., 2009. – 47 с.

История философии в новом интеллектуальном контексте

«КЛЕПСИДРА»: ДОСОКРАТИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В «ФЕДОНЕ» ПЛАТОНА³

М.Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН

Новосибирский государственный университет

Упоминание о том, что Платон является последним досократиком, нередко вызывает недоумение, поскольку чаще нам прихо-

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00097а «Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа: метод, концепции, аргументы»).

дится говорить о нем как о создателе значительного самостоятельного направления. Вместе с тем термин «досократический», примененный к платоновской системе, в первую очередь подразумевает ее оценку с позиций установления природы вещей, и Платон в данном случае замыкает череду тех, кто так или иначе включался в элеатовскую полемику о критериях существования и мышления, и с такой оценкой определения «последний досократик» почти никто не станет спорить. Но если говорить о Платоне как о «последнем досократике» в наиболее привычном контексте выбора вещественного (субстанциального) первоначала, то нерешительность в признании такой оценки оправдана. Нам хотелось бы обыграть эту дефиницию именно в контексте возможных реминисценций субстанциальной модели у Платона, но речь при этом пойдет не о выборе первоначала, а об адаптации механизмов, происходящих при взаимодействии элементов, в иную, чем та, в которой изначально функционировала субстанциальная модель, систему, а также привлечение в эту систему объяснительных и аргументационных элементов такой модели, в частности теории пор Эмпедокла.

Под субстанциальной моделью взаимодействия элементов, или досократической субстанциальной теорией, мы будем понимать такие учения, в которых фигурирует чередование элементов, также понимаемых как качества или их генерализации, эти элементы (или какой-либо один из них) служат началом или вещественной причиной мира и происходящих в нем процессов возникновения и уничтожения либо благодаря внутреннему трансформирующему принципу, присущему такому вещественному началу, либо посредством неких внешних трансформирующих агентов.

Под «теорией пор (или каналов) Эмпедокла» мы будем понимать не только учение самого Акрагантца, но такие античные сенсуалистско-ориентированные теории познания в целом, в основании которых лежит субстанциальная модель соотношения элементов, оформившаяся у ранних ионийцев, и закреплённая в плюралистических системах итальянских философов. Эмпедокл не был ее изобретателем, но именно он наиболее строго приспособил (во всяком случае, у нас есть достаточное количество свидетельств и фрагментов, позволяющих судить об этом) субстанциальную модель описания рекомбинаций исходных первоэлементов в природных процессах и явлениях вообще к теории познания таким образом, что она

наконец стала играть роль единственного, универсального объяснения не только для трансформации вещества в космосе, включая смену суток, сезонов (или даже эонов—космических циклов), но и в понимании того, каким образом устроено человеческое познание посредством органов чувств, а шире — процессов сознания (мышления) и функций речи. В качестве исходных для объяснения принципов Эмпедокл на основе двух базовых альтернативных вариантов построения рассуждения, активно используемых в досократической практике — аналогии и полярности — формулирует два принципа, это принцип подобия («подобное к подобному», *homoion pros homoion*) и принцип противоположности («клепсидра», *klepsydra*), которые мы будем считать своеобразными маркерами теории пор Эмпедокла (см. 31 В 100 DK). Многие современники Эмпедокла, как и представители более поздних философских эпох, разделяли (хотя бы отчасти) эту точку зрения, о чем, в частности, свидетельствует Стобей: «Парменид, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит, Эпикур, Гераклид полагают, что отдельные ощущения обусловлены соразмерностью пор [с воспринимаемыми объектами], причем к каждому органу чувств подходит [собств. «подогнан, прилажен»] соответствующий род чувственно воспринимаемых объектов» (28 А 47 DK). Эмпедокл также сводит способность соображения и понимания (А 86 DK) к аналогичным механизмам, которые работают при взаимодействии элементов в рамках «теории пор».

Прежде чем перейти к решению вопроса о том, в какой мере Платон следует сенсуалистским установкам Эмпедокла и его сторонников, следует отметить, что рассмотрение теории ощущений может быть сделано, исходя из двух различных оснований. В качестве первого примем то, которое обозначил Платон в указанном выше пассаже, и с которым согласен и на которое ориентируется Теофраст — объяснение ощущений принципом подобия или принципом противоположности. При этом базовой моделью в такой схеме будет модель взаимодействия ощущения и ощущаемого, и как результат их взаимодействия выступает возникновение вещи и ее качеств. И Платон, и Теофраст классифицируют теорию ощущений в отношении этой модели как представляющую процесс возникновения вещей и знания о них, а исходной платформой для такого подхода будет служить уже упомянутое условие использования аналогии и полярности. Например, в первом случае глаз, на-

полненный огнем (или служащий каналом связи с телом, полным огня) видит благодаря огню вовне себя (при свете дня) и не видит ночью (в отсутствие дневного огня) (Эмпедокл, Платон), во втором случае глаз также сам содержит огонь, но видит благодаря водянистому блестящему и прозрачному телу внутри себя (Алкмеон).

Вместе с тем, с помощью этих же условий аналогии и полярности может быть описан и тот механизм, который происходит внутри всей системы, и прежде всего, в ощущающем органе. То есть, в качестве другого основания для рассмотрения теории ощущений можно принять такое, при котором рассматривается и уточняется внутренний механизм, обеспечивающий взаимодействие ощущения и ощущаемого. Иными словами, в этом контексте для Теофраста и Платона оказывается важным, что объект ощущения и само ощущение либо подобны, либо неподобны, и тогда каждый из философов придерживается только одного из указанных условий. Если же рассматривать различные учения с позиций рассмотрения тех процессов, которые происходят внутри органов познания, то здесь мы находим совместное использование обоих механизмов. В частности, у Эмпедокла зрение функционирует по принципу «подобное к подобному», а например, обоняние (связанное с дыханием) или слух — по принципу неподобного, или клепсидры. Таким же образом определяются соображение и непонимание: первое происходит через подобие, другое — через неподобие. В такой модели зрение уже объясняется присутствием в устройстве глаза противоположных элементов (огня и воды), каждый из которых формирует поры для восприятия «своего» цвета (белого или черного), но при этом механизм ночного и дневного зрения определяется наличием противоположных элементов в одном органе и функционированием механизма восполнения недостающего. Комбинация противоположных элементов в структуре глаза (размещение различных элементов в центре и на периферии) обеспечивает ночное и дневное зрение (у разных видов животных) и функционирует по принципу противопоставления. В частности, вкус и осязание определяется соразмерностью элементов, отвечающих за тот или иной вкус или свойство ощущаемого объекта, с размерами пор в соответствующем органе. В то же самое время, удовольствие определяется как восприятие подобного элемента подобным же, а страдание — воспри-

ятие противоположного (31 A 95 DK). Такова, в самом общем виде, теория пор или каналов, Эмпедокла.

В своей попытке разрешить вышеуказанное затруднение мы будем исходить не из первого условия классификации учений об ощущениях, а из второго, описывающего внутренний механизм взаимодействия элементов в ощущаемом органе, обеспечивающий познание, и подразумевающего в качестве объяснения происходящего оба принципа — «подобное к подобному» и «клепсидра». Эти элементы рассуждения в досократической философии, насколько позволяют судить как сохранившиеся фрагменты, так и свидетельства и развернутая критика Теофрастом в *De sensibus*, были хорошо известны и настолько широко использовались досократиками в рамках субстанциальной модели объяснения, привлекающей различные варианты взаимодействия четырех элементов, что уже не требовали дополнительного обоснования. Вероятно, по этой же причине у Платона они используются как удобный инструмент для построения различных положений его собственной доктрины, в том числе тех, которые далеко выходят за пределы античной физической теории. При этом Платон вынужден «лабиринтовать» между разными позициями: с одной стороны, он использует успешный, работающий и популярный материал, а с другой стороны, он не нуждается в нем «буквально», а потому вынужден адаптировать и изменять его для своих нужд.

С досократической теорией ощущений Платон знаком хорошо, и наиболее показательны в этом отношении диалоги «Теэтет», «Федон» и «Тимей», причем последний в наибольшей степени: если в первых двух диалогах она представлена на уровне общего обсуждения и критики, то у читателя «Тимея» уже велико искушение свести присутствующую в нем теорию ощущений к наиболее привычному физическому и субстанциальному контексту таким образом, как он фигурирует у досократиков. Что касается самих двух исходных принципов, то «по имени» Платон упоминает только «подобное к подобному» (например, в *Tim.* 45c «*homoion pros homoion*»), а принцип его действия применительно к физической теории ощущений, как мы сказали, подробно описывается в «Тимее» (*Tim.* 45 с—е), общие принципы обозначены в *Theaet.* 156a—с и *Phaed.* 96a—97a, где Сократ говорит о своей прежней приверженности физической теории объяснения через подобное к подобному, и поясняет, поче-

му физическая модель объяснения его не устраивает. Второй принцип, клепсидру, Платон не называет (Платон единственный раз упоминает в своих текстах об использовании «водяных часов» в выражении «их торопит текущая вода» в Theaet. 172e, описывая происходящее в афинских судах, то есть в совершенно отличном от интересующего нас контексте, но тем не менее, нам кажется, что он хорошо реконструируется из текста «Федона», и именно на этом принципе «неподобного» строится не только критика «ощущения с ощущаемым» (Phaed. 96a–e), но и дается объяснение взаимодействия души и тела.

Из всей теории ощущений чаще всего Платон упоминает зрение. Ключом к пониманию той задачи, которую решает Платон в рамках частого обращения к аналогии зрения, является включение им души в общую систему восприятия. В Tim. 47a–d Платон поясняет, что значимость органов чувств определяется не их способностью к внешнему восприятию, а само восприятие внешних предметов, вовлеченных в процессы взаимодействия в разумно устроенной Вселенной, дает нам понятие о высшем и разумном, и является инструментом «тонкой подстройки» души: «...чтобы мы, наблюдая круговращения ума в небе, извлекли пользу для круговращения нашего мышления... мы должны... упорядочить непостоянное круговращение внутри нас. О голосе и слухе должно сказать то же самое — они дарованы богами по тем же причинам и с такой же целью. ... как средство против разлада в круговращении души...». Так, если в теории пор Эмпедокла все процессы, связанные с ощущением и познанием, проходили преимущественно в пределах каналов, пронизывающих кожу и органы, и носили сугубо механицистский характер, то у Платона обязательным посредником для формирования ощущения выступает душа, при этом она функционирует и тогда, когда канал, ведущий вовне, по каким-то причинам заперт, и когда нет непосредственного вхождения информации от органов чувств, например отсутствие зрительных ощущений в темноте. Именно это, на наш взгляд, является специфической и отличительной чертой платоновского варианта оформления познания в рамках теории ощущений. При этом такой модифицированный вариант теории ощущений сохраняет свои характерные досократические принципы взаимодействия включенных в единую систему агентов и два базовых принципа их взаимодействия, но ключевую роль в ней играют

уже не исходные вещественные субстанции, а непосредственное взаимодействие таких нехарактерных для досократических моделей компонентов, как душа и тело, причем результат их взаимодействия производит не только ощущение, но и припоминание. Наиболее интересным диалогом для иллюстрации такой позиции является «Федон», поскольку он содержит с одной стороны указания на несостоятельность досократического субстанциального подхода в отношении процессов ощущения и познания, а с другой — демонстрирует, каким образом ключевые позиции такого подхода могут быть успешно адаптированы для иных задач с общим сохранением основных принципов. При этом, разворачивая свою аргументацию, Платон явно отдает предпочтение принципу «клепсидры».

Структурно в «Федоне» как исходный тезис о необходимости совместного существования противоположных друг другу смертного тела и души, так и все четыре доказательства бессмертия души держатся на принципе взаимодействия противоположностей. Исходный для всего рассуждения тезис строится вокруг идеи о том, что душе познание истины удавалось бы лучше, если бы она делала это вне зависимости от тела, но такая ситуация возможна либо после смерти тела (но при этом неизвестно, останется ли жить душа), либо при полном, или хотя бы максимальном, отстранении от тела (которое при этом требует заботы о себе и является главным инструментом взаимодействия с внешним миром, что порождает еще один вопрос — необходимо ли это для познания истины). Этот тезис, на первый взгляд представляющийся слушателям корректным, основан на парадигмальном принципе «подобное к подобному» — душа стремится к подобному себе подлинному бытию, и презирая тело, бежит от него, как от противоположного. При этом, в «Тимее» прямо говорится о необходимости телесной стороны, данной богами в помощь божественной части человеческой сущности, пребывающей в голове (Tim. 44d–45a), тогда как в исходном тезисе «Федона» читается прямо противоположная мысль. Другое дело, что здесь положение о необходимости телесной природы также имеется, и пусть неявно, но оно вводится постепенно, в процессе доказательства, обосновывается с помощью принципа «клепсидры», а исходный тезис опровергается посредством опровержения принципа подобия. Обратимся теперь к функционированию и использованию

досократических объяснительных принципов в структуре всего доказательства.

В первом аргументе о взаимопереходе противоположностей сразу фиксируется (пока еще без развернутой критики «подобного к подобному») принцип «клепсидры»: «все возникает таким образом — противоположное из противоположного» (Phaed. 70e, 71a), который тут же встраивается в структуру взаимодействия в рамках обычной двухчастной субстанциальной модели ($A \square B$), сравнимой, например, с взаимодействием воздуха и жидкости в процессе дыхания в теории пор Эмпедокла (Phaed. 71b: «возможны два перехода — от одной противоположности к другой или, наоборот, от второй к первой»). Далее в рассуждении о том, что при любом взаимном переходе и для создания равновесной системы обязательно требуется противоположный переход, появляется первый критический пассаж о принципе «подобное к подобному» (Phaed. 72b): если бы возникновение шло не по принципу противоположностей, а только сложением тождественного, то «все в конце концов приняло бы один и тот же образ, приобрело бы одни и те же свойства, и возникновение прекратилось бы». Этот ход крайне важен Платону для обоснования бессмертия души: следуя представленной логике, если бы хоть что-то умерло, то в конце концов все стало бы мертвым, даже если бы и возникало из иного. Иными словами, он не допускает использования принципа «тождественное к тождественному» даже наряду с «клепсидрой», и в четвертом аргументе снова вернется к его критике.

Второй аргумент возвращает нас к проблематике, поднятой в «Меноне» — проблеме предзнания, предшествующего познанию и делающего его невозможным, и припоминанию. Здесь Платон снова, но уже на других примерах, отрабатывает еще не столько взаимодействие элементов системы, сколько механизм, обеспечивающий происходящее внутри нее, и предлагает дополнительные аргументы в пользу использования принципа «клепсидры». Исходный его тезис здесь таков: если мы допускаем припоминание, то как оно осуществляется — по сходству или по несходству? В отношении сходства, подобия — первого и очевидного принципа познания, основанного на аналогии, — сразу же демонстрируется критическая позиция. Даже если равны (или тождественны) какие-либо две вещи, они отличны от самого равенства (или тождества) и полностью

с равенством самим по себе никогда не достигают тождества, оставаясь отличными от него, причем понимание этого возникает исключительно в процессе чувственного познания (Phaed. 74c–75a): «чувства приводят нас к мысли, что все воспринимаемое чувствами стремится к доподлинно равному, не достигая, однако, своей цели», иначе говоря, подлинного подобия между вещами в таком случае существовать не может. Чувства фиксируют, что ничто не достигает равенства самого по себе, но они способны сделать это, только если соотносят осязаемое с самим равенством, которое уже должно быть им каким-то образом сообщено. Так делается вывод, что некоторыми знаниями мы обладали прежде, чем началось чувственное познание. Тогда, если что-то мы вспоминаем по сходству, а что-то по несходству, полагаясь на чувства, и среди них оказываются знания о таких вещах как равенство, величина, добро, священное и проч., то очевидно, что это знание уже содержится в душе как забытое, но восстанавливаем мы его с помощью чувств, а не средствами самой души (Phaed. 75e).

Из этого вывода можно получить два следствия: первое важно для развития сюжета о бессмертии души — душа знала что-то в момент рождения или прежде, а значит и существовала до рождения, второе важно в контексте рецепции досократических принципов обоснования.

Ключом к пониманию того, в какой мере эта рецепция реализована, может служить фраза «чувства приводят нас к мысли». Важно обратить внимание на такой момент. Выше мы говорили, что в начале *De sensibus* Теофраст классифицирует все теории ощущений как объясняющие ощущение либо принципом подобия, либо принципом противоположности. Платон попадал в первый класс (на основании содержания «Тимея»), а Алкмеон, к слову, во второй. Если мы обратимся к тому, что говорит Теофраст об Алкмеоне, мы увидим любопытные пересечения с тем, как понимает Платон взаимодействие мысли и чувств: «К числу тех, кто не объясняет ощущение подобием [органа и объекта], принадлежит Алкмеон. Сначала он определяет отличие [человека] от животных: человек, говорит он, отличается от других [животных] тем, что «только он понимает, а другие ощущают, но не понимают»; тем самым он различает мышление и ощущение, а не отождествляет их, как Эмпедокл» (24 A 5 DK). Итак, Платон, как и Алкмеон, различает мышление и

ощущение, но при этом в «Федоне» подчеркивается не столько противоположная природа агентов, участвующих в формировании ощущений, сколько то, что сами ощущения и мышление формируются под действием противоположной силы, или взаимодействием друг с другом.

До сих пор мы говорили о том, как функционирует принцип «клепсидры», или как нечто одно противоположное взаимодействует с другим, и во втором аргументе все рассуждение уже привязано к тому, что именно может выступать в данном случае такими противоположностями. Мы помним исходный тезис, в котором фигурировали душа и тело, но в данном случае описано взаимодействие между другими агентами — чувствами и мыслью. Например, с учетом Phaed. 76a, эти взаимодействия можно представить в виде нескольких последовательных итераций в системе (А (чувства) В (мысль)):

(А) [увидели округлые предметы] → (В) [по сходству помыслили шар]

(В) [помыслили шар] → А [увидели, что округлые предметы как-то равны]

(А) [увидели, округлые предметы как-то равны] → (В) [припомнили и соотнесли их с идеей равенства]

(В) [соотнесли их с идеей равенства] → А [увидели, что предметы не достигнут равенства самого по себе]

Видно, что эта система работает в соответствии с принципом «клепсидры» (или можно выразиться иначе — песочных часов, насоса), и реализована сходным образом с тем механизмом, которой уже был задействован у Эмпедокла в описании процесса дыхания.

Третий аргумент позволяет нам несколько усложнить описанную систему. Здесь мы снова возвращается к взаимодействию души и тела, но уже в более подробной форме. Итак, прежде всего, душа и тело соотносятся в рамках принципа «подобное к подобному»: «...когда душа пользуется телом, исследуя что-либо с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства (ведь исследовать с помощью тела и с помощью чувства (αἰσθησις) — это одно и то же!), тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие, точно пьяная? Когда же она ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все

чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собою и не встречает препятствий... в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем разумением (φρῶνσις)» (Phaed. 79c–d).

И хотя душа без тела познавала бы наилучшим образом, тем не менее душа и тело вынуждены взаимодействовать (в четвертом аргументе представлен довольно развернутый пассаж следствий для души такого взаимодействия, связанный с рассмотрением метемпсихоза), и это взаимодействие, поскольку они противоположны, с необходимостью реализуется по принципу «клепсидры» (принцип «подобное к подобному» реализуется только при взаимодействии души с бытием, а тела — с вещами).

При этом, как было сказано выше, можно описать всю систему в рамках модели простой двухчастной субстанциальной теории, тогда как приведенный выше пассаж допускает наряду с взаимодействием чувств и мыслей взаимодействие души и тела, и хотя эти пары отождествляются («исследовать с помощью тела и с помощью чувства — одно и то же»), мы получаем две субстанциальные модели взаимодействия:

А (чувства) □□ < – > В (мысль)

А (тело) □□ < – > В (душа)

Если обратиться к содержанию досократической субстанциальной модели, можно объединить эти две пары взаимодействий в одну, и оформить некий единый процесс, в котором наряду с действующими агентами функционируют трансформационные принципы (как, например, в космологическую модель Эмпедокла помимо элементов включены два трансформирующих принципа, Любовь и Вражда). Сложность в использовании трансформирующего принципа состоит в том, как мы отвечаем на вопрос о сущности этого принципа: либо сама субстанция обладает самодвижущим принципом (с чем принципиально не согласен, например, Аристотель), либо он всегда внешний (как движущая причина Аристотеля). Если говорить о двойной субстанциальной системе «душа — тело», то тогда в отношении оценки их взаимодействия с позиций трансформирующего принципа эти субстанции должны в самих себе содержать некий изменяющий принцип. Так функционирует, например,

воздух у Анаксимандра, по природе способный самоуплотняться и саморазрезаться, и в таком случае у нас нет нужды во втором (третьем или четвертом) агенте взаимодействия: субстанция всегда одна, только присутствует в системе в разных агрегатных и количественных состояниях. Наличие в субстанциальной системе второго агента будет оправдано только в том случае, если к агентам взаимодействия будут прилагаться какие-либо внешние изменяющие причины. Такими причинами по отношению к душе и телу могут служить разум и чувства соответственно.

Таким образом, если мы примем за исходные взаимодействующие элементы душу и тело, каждому из которых соответствует их определенное состояние (или свойство), то есть, душе — разумение (или мышление), а телу — чувства, то тогда взаимодействие между ними может быть представлено в следующем виде. Пассивное («забытое») знание в душе активируется воздействием полученной посредством чувств информации, которая, в свою очередь, заставляют элементы в нашей клепсидре возобновить процесс взаимодействия в другую сторону: знание, полученное посредством припоминания, активированного чувствами, в свою очередь воздействует на тело, поведение которого должно измениться в соответствии в этими знаниями. Именно к контексте этой модели становится понятна такая зависимость души и тела в третьем аргументе, когда первая выступает властителем, «госпожою», которой второе готово подчиняться и быть рабом, а также пассаж о добрых и дурных людях и их душах: если не установилось равновесное взаимодействие внутри системы, чувства не находят отклик в разуме, а душа не общается уже имеющееся в ней знание телу, тогда душа очаровывается телесной жизнью и теряет себя, не будучи способной после смерти тела возродиться к высшей, божественной жизни.

Четвертый аргумент о бессмертии души начинается с обсуждения вопроса об исследовании причин рождения и уничтожения в целом. Именно здесь Платон подходит к планомерной критике принципа подобия в познании. Сократ (Phaed. 96a–e) рассказывает о том, что в молодости он был сторонником субстанциальной теории в «познании природы» (на что указывают такие маркеры в его повествовании, как взаимодействие теплого и холодного или природа мышления посредством крови, воздуха или огня (ср. 31 A 86 DK (10))), но в конце концов посчитал себя непригодным к такому вари-

анту исследования. Здесь следует обратить внимание на такую деталь: критикуя субстанциальный, свойственный досократикам подход к исследованию причин, Сократ говорит о несостоятельности, на его взгляд, только принципа «подобное к подобному», который выражается, например, в концепции роста: «Человек растет, потому что ест и пьет. Мясо прибавляется к мясу, кости — к костям», и ... по тому же правилу, всякая часть прибавляется к родственной ей...» (Phaed. 96d). Свою критику Сократ иллюстрирует на примере прибавления двух единиц и получения в результате не только количественного (что еще можно как-то объяснить), а качественного изменения (Phaed. 96e–97e). В результате прибавления одной единицы к другой: а) либо первая единица (с прибавлением подобного) становится двумя, т. е. претерпевает качественные изменения, но тогда непонятно, как нечто подобное другому может функционировать как трансформирующий принцип внутри системы подобных компонентов; б) либо в результате сложения подобных возникает нечто третье, неподобное им, и снова неясно, что могло выступить таким трансформирующим агентом, внесшим рассогласование в систему подобных. Элементы этой критики уже можно встретить в самой теории пор Эмпедокла, где чрезмерное количество подобных элементов забивало канал восприятия и на некоторое время, пока он не освобождался, ощущение притуплялось (31 А 86 DK (8)). Оба возражения на использование принципа «подобное к подобному» в субстанциальной теории, как видим, уже постепенно подводят нас к мысли о необходимости включения в рассуждение принципа взаимодействия неподобных, который является стержневым для всего четвертый аргумента.

Именно в этом аргументе Платон собирает в единое целое все затруднения и ходы рассуждения, которых он касался ранее, и подчиняет их единственной задаче: доказательству бессмертия души. Здесь мы встречаем в качестве последовательных шагов доказательства проблематику душевного зрения (Phaed. 99e), использование принципа соразмерности пор элементам познаваемых вещей, включенного в обоснование познания большого и малого и любых других противоположностей исключительно через принцип «клепсидры», согласно которому действующие и противоположные агенты в такой системе взаимодействия никогда не смешиваются и не принимают в себя противоположность, но работая как насос за счет

вытеснения друг друга, обеспечивают совокупное движение всей системы. Это принципиально важный и ключевой для всего доказательства принцип, и Платон уделяет ему довольно много внимания, не устая по несколько раз проговаривать основную идею (Phaed. 102e, 103B–c, 104b, 105 a–d).

Еще одним существенным элементом этого диалога является тот момент, что Платон на основании принципа клепсидры формирует основные положения «истинной» космологии, буквально подчиняя ей движение рек по «истинной Земле», и вплетая в эту систему некоторые моральные принципы, в частности очищения и кару за преступления, которые также подчинены этому же принципу.

Таким образом, становится ясно, что Платон стремится последовательно применить принцип «клепсидры», не слишком популярный в доэмпедокловых досократических моделях, но у самого Платона получивший серьезное обоснование и основание для фактического применения его как принципа единственного объяснения как для важных в контексте диалога вопросов о взаимодействии души и тела, а также чувственного и рационального познания, так и для других разделов знания о мире. В таком свете вопрос, который мы ставили в самом начале этой статьи, — можно ли назвать Платона «последним досократиком», — на наш взгляд, не может не получить положительный ответ. Платон заслуживает этого эпитета даже в том случае, если не брать во внимание наследие Парменида. Отметив два принципиальных для досократических дискуссий направления — субстанциальную теорию и в ее рамках вопрос о взаимодействии противоположных элементов и теорию ощущений как приложение субстанциальной теории к вопросу о механизмах возникновения и функционирования ощущения и мышления — мы можем сказать, что интерес Платона к этим вопросам настолько же живой, насколько он был таковым в теориях Милетцев или Итальянцев. Важно при этом, что Платон отнюдь не копирует основные аргументирующие или обосновывающие ходы досократических рассуждений: у Платона они получают вторую жизнь, и хотя оказываются встроенными в новые модели взаимодействия с привлечением новых агентов, сам исходный принцип объяснения, актуальный в рамках досократического дискурса, продолжает сохранять свою актуальность в приложении к новым моделям знания.

КРИТИКА ЛОГОЦЕНТРИЗМА Ж. ДЕРРИДА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЯВЛЕНИЯ ВИРТУАЛИ- ЗАЦИИ МИРА

О.А. Глушенкова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
netzumi@mail.ru

В своей концепции деконструкции Деррида выступает с критикой логоцентризма. «Логоцентризм – это европейское, западное мыслительное образование, связанное с философией, метафизикой, наукой, языком и зависящее от логоса, не только способ помещения логоса и его переводов (разума, дискурса и т.д.) в центре всего, но и способ определения самого логоса в качестве центрирующей, собирающей силы».

Логоцентризм предполагает наличие центра, в данном случае – в логосе. Деррида критикует понятие центра, указывая на его противоречивость: центр, организуя структуру, представляет собой то, что не может мыслиться в рамках структуры. Ведь центр – единственный, по определению, образует в структуре то, что, управляя структурой, ускользает от структурности. Если центр задает правилоограничения на свободную игру элементов, то сам он этому правилу не подвластен. Таким образом, центр располагается как в структуре, так и вне структуры, знаменуя собой противоречие структуры. Получается, что иерархически-структурное видение содержит в себе свое отрицание.

Деррида критикует не существующие централизованные структуры, а наше представление о том, что они существуют – ведь получается, что это представление не более чем противоречивая метафора. Поэтому необходимо не менять существующие структуры, а увидеть их как не-структуры. В таком случае, если нет центра, который можно было бы помыслить в виде присутствующего сущего, занимающего определенное место в структуре, то отсутствует трансцендентальное означаемое. Ведь именно конечный смысл ограничивает игру означающих, знаков. Поэтому Деррида приходит к выводу, что «отсутствие трансцендентального означаемого раздвигает поле и возможности игры значений до бесконечности». Всякое означаемое есть также нечто стоящее в положении означающего и

тогда различие между означаемым и означающим — самый знак — становится проблематичным в его корне.

Критика Деррида логоцентризма приводит к преобразованию взаимоотношений с текстовым пространством. В своей работе «Голос и феномен» он пишет: «Речь репрезентирует себя, она есть репрезентация самой себя. И даже больше, речь есть сама репрезентация самой себя». Таким образом, идеальное значение во всякой речи создаётся возможностью бесконечного повторения, то есть новых и новых репрезентаций, так как структура знаков «изначально репетитивна». Знак — не единичное событие, а возможность своего повторения, репрезентации этого же знака. Знак оказывается бесконечным повторением самого себя, рядом репрезентаций, в конце концов оказывающихся репрезентацией неприсутствия. Неприсутствие противопоставляется традиционному взгляду на метафизику в качестве науки о бытии как присутствию. Таким образом, Деррида мыслит в принципиально другой традиции, определяя репрезентацию не как присутствие, а как репродукцию присутствия.

Речь по существу принадлежит уровню репрезентации, различие между «действительной» речью и репрезентацией речи становится подозрительным, независимо от того, является ли речь чисто «выразительной» или вовлеченной в «коммуникацию». Из-за изначально репетитивной структуры знаков всегда есть вероятность, что «действующий» язык точно такой же воображаемый, как воображаемая речь, а воображаемая речь точно такая же действительная, как действительная речь. И в выражении, и в указательной коммуникации, различие между реальностью и репрезентацией стирается — это связано с традицией фоноцентризма в западной философии: неразрывности голоса, как репрезентанта естественного языка и стоящего за голосом значения. На основе принципа фоноцентризма объективная реальность представляет собой «трансцендентальное означаемое», следовательно, в традиции классики текст подразумевает прочтение, а прочтение есть понимание его имманентной семантики, заложенного автором исходного смысла текста. Письмо может приобретать в этом контексте множество значений и мыслится как языковой симулякр.

Деррида настаивает именно на примате графического оформления языка, свое неприятие усной речи он обосновывает следующим образом: «phone на самом деле является означающей субстан-

цией, которая дается сознанию как наиболее интимно связанная с представлением об обозначаемом понятии. Голос с этой точки зрения репрезентирует самосознание». Таким образом, у человека возникает ложное впечатление о связи означающего – устного воспроизведения слова и означаемого – собственно, предмета, о котором идет речь. «Говорящий субъект», по мнению Деррида, во время говорения якобы предается иллюзии о независимости, автономности и суверенности своего сознания, самоценности своего «я». Именно это «сogito» и расшифровывается ученым как «трансцендентальное означаемое», как тот «классический центр», который, пользуясь привилегией управления структурой или навязывания ее, например, тексту в виде его формы, сам в то же время остается вне постулированного им структурного поля, не подчиняясь никаким законам.

Таким образом, мир текстуальности Деррида можно считать теоретическим основанием для явления виртуализации жизни. Знак является основным средством для восприятия субъектом мира. В основе симуляции-виртуализации, о чем пойдет речь во второй главе, в данном случае, лежит идея постоянства факта разрыва означаемого и означающего, самовольного существования образов и знаков, оторванных от реальности и бесконечно продуцирующих ее замещение – гиперреальность. Гиперреальность предстает как особый мир моделей и симулякров, никак не соотносящихся с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность. Мир, который основан только на самом себе: в частности, это выражается в категории киберпространства – продукте гиперреальности. Именно в киберпространстве происходит смешивание и замена различий между реальным и воображаемым.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

К.Н. Евдокимова

Новосибирский государственный университет
namnamki@mail.ru

Экзистенциальный аспект является одним из наиболее важных аспектов в рассмотрении проблемы свободы в философии Ж.-П. Сартра. Рассмотрение этого аспекта необходимо для того,

чтобы оценить его отношение к этической позиции философии. Свобода – одно из основных определений человеческого бытия, и, конечно же фундаментальная ценность. По Ж.-П. Сартру, целью свободы может быть только сама свобода. Сартр считал, что человек открыт для любых возможностей, он не равен себе, и существование всегда будет зависеть от выбора самого человека.

Основа этической позиции Ж.-П. Сартра – убежденность в том, что человек творец моральных ценностей, которая связана с отказом от идеального, изначального, добра, т.е. предзаданного для человека, а также любых задаваемых извне норм нравственности. Ж.-П. Сартр обращается к морали и подробно разбирает содержание этого понятия. В труде «Экзистенциализм – это гуманизм», Ж.-П. Сартр пишет о гуманистическом характере экзистенциализма, о морали. И данный труд является репрезентативным изложением его варианта экзистенциализма и этики. Общефилософские этические позиции Ж.-П. Сартра определили два фактора: его собственный вариант экзистенциальной философии и хайдеггеровское понимание гуманизма.

Таким образом, ядро всей этики Ж.-П. Сартра составляет концепция свободы, в центре которой стоит свободная воля человека. По Сартру, мораль – это не следование каким-то заданным, устоявшимся правилам, а осуществление конкретного действия, которое необходимо в данной ситуации. По Ж.-П. Сартру, нет и не может быть никаких универсальных норм поведения, а любые попытки свести человека к этим нормам – не имеют смысла. Мораль в обычном её положении, как её понимает Сартр, не отдает должного ни человеку, ни его ситуации. Такова отвергаемая Ж.-П. Сартром мораль долга, ограничивающая и посягающая на автономию человека.

Чтобы оценить значимость названных аспектов, которые повлияли на философию Ж.-П. Сартра, я обратилась к процессу становления их составляющих. Между ними существует взаимосвязь и четкой грани разделения этих двух аспектов практически нет. Особое внимание, я уделила этическому аспекту, так как данный аспект приводит к подробному изучению и рассмотрению этики Ж.-П. Сартра. Это делает задачу моего исследования и сложной, и интересной. Её решение и составит содержание моей последующей работы.

Литература

1. Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / М.: Изд-во Политиздат, 1990. – стр. 398.
2. Jones W.T., Robert S. Fogelin A History of Western Philosophy, Vol. V: The Twentieth Century to Quine and Derrida / 10 Sartre / Third Edition. Harcourt Brace College Publishers, 1997. – p. 581.
3. Sartre J. - P. Notebooks for an Ethics / University of Chicago Press, Editions Gallimard, 1983 – p. 553.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX-XX СТОЛЕТИЙ

И.С. Качай

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
monaco-24-Ilya@mail.ru

Не вызывает сомнений, что творческий процесс позволяет человеку выходить за границы существующего миропорядка и самого себя, осуществляя трансцендентальный прорыв к новому. Творчество имманентно абсолютно всем уровням бытийной иерархии, способствуя порождению человеком качественно нового личностного и социокультурного бытия. Действительно, онтологическую сущность творчества подчёркивает тот факт, что «детерминанты творчества находятся одновременно и вне, и внутри субъекта, что уравнивает их влияние на субъект творчества и составляет необходимое условие онтологической свободы творчества, создавая предпосылки для спонтанности» [6, с. 54].

Так, в философии А. Шопенгауэра центральным постулатом, иллюстрирующим онтологическую природу творчества, является мировая воля, создающая абсолютно все вещи и явления. Сам творческий процесс мыслится философом как «творческая воля, жизнь, не сводимая к какому-либо роду сообщённого движения» и проявляющаяся «в каждой манифестации жизни» [8, с. 24]. Более того, само бытие человека предстаёт как «его собственный творческий акт, развивающийся и распространяющийся во времени, но обна-

руживающий определённую раз и навсегда природу этого существа, которая, однако, есть его собственное дело, и ответственность за все проявления которой лежит поэтому на нём самом» [7, с. 50].

Для С. Кьеркегора человеческая экзистенция является неким промежуточным состоянием между сферами бытия и небытия, пребывающими в напряжённо-неутомимом творческом становлении в каждый момент своего существования. В этом смысле творчество человека раскрывается не столько в произведении художественных творений, сколько в творчестве человеком собственного бытия. Подлинным условием онтологии человеческого творчества в концепции Кьеркегора предстаёт категория повода, трактуемая мыслителем как некое случайное, незначительное обстоятельство внешнего порядка, скрывающее в себе революционную потенцию подлинного внутреннего творчества. Именно влюблённость творца в повод, превращающая мимолётную случайность в истинную необходимость, позволяет осуществляться творчеству в его глубинной онтологичности: «Творчество – это сотворение из ничего, между тем повод – это такое ничто, из которого вдруг появляется всё» [3, с. 265].

С точки зрения А. Бергсона, жизнь предстаёт как выходящая за границы всякой целесообразности творческая эволюция, как непрекращающийся творческий процесс, онтологическая сущность которого раскрывается как в экзистенциально-личностном пространстве, так и в пространстве наличествующего бытия. Если в первом случае речь идёт о самосозидании, поскольку человек является творцом собственной жизни в каждый момент своего бытия, то втором Бергсон говорит о некоем творческом усилии человека, которое преобразует существующее и «позволяет «вибрировать в унисон с природой», почувствовать напряжение, биение, дыхание жизни» [1, с. 241].

Центральным постулатом в отношении онтологической природы творческого процесса в концепции Бергсона предстаёт понятие жизненного порыва, развёртывающегося как фундаментальный принцип творческого развития, обуславливающий порождение многообразных форм сущего. Жизненный порыв, представляющий собой потребность творчества, встречает на своём пути необходимое препятствие в виде материи и овладевает ей посредством свободы и неопределённости. Иными словами, лишь посредством жизненного

творчества, понятого в русле нескончаемой борьбы и потребности в порождении нового, человек способен осуществлять процесс эволюционного восхождения по иерархии духовных состояний.

Одним из ключевых понятий, иллюстрирующих онтологическую сущность творческого процесса, в философии Бергсона также предстаёт спонтанность, которая является одним из проявлений истинной свободы, «присущей человеку именно как уникальной и целостной личности, находящей в себе самой, в глубоких слоях своей души силы для существования в мире» [1, с. 129]. Ключевым понятием философа в этом отношении предстаёт и творческая эмоция, имеющая онтологический характер по причине того, что следствием её развёртывания является как возникновение бесчисленного множества разнообразных живых существ, так и создание грандиозного мира материальной субстанции, в которых эта эмоция дополняет свою сущность.

Онтологический аспект феномена творчества не менее ярко раскрывается в философии Ж.-П. Сартра, полагающего, что творческий акт непрерывно осуществляется во всех областях человеческой жизни. Однако до тех пор, пока творческий процесс не завершён, творец онтологически слит со своим творением, но после того, как обладающее независимым существованием произведение будет явлено бытию, творцу не остаётся ничего, кроме созерцания своего творения. Этим пассажем мыслитель фиксирует онтологический разрыв между творчеством и объективной действительностью, ведь если «в творческом акте причина, породившая следствие, то есть бесконечный и неисчерпаемый дух, остаётся такой же, какой и была» [4, с. 71], то сотворённый объект не обладает абсолютно никаким бытием, т.к. не одушевлён и подвержен гибели.

При этом творца, пытающегося представить бытию новую реальность, на каждом шагу подстерегают такие экзистенциальные опасности, как случайность, неоправданность и безосновность, которые вкуче составляют фундамент тотального одиночества создателя: «Если эта реальность и вправду совершенно нова, если она никем не была востребована, и ни один человек на земле не ожидал её появления, то, значит, она излишня, как, впрочем, и её творец» [4, с. 29].

Согласно философским воззрениям А. Камю, творчество является наивысшей формой и радостью абсурдности мира, а произ-

ведение искусства предстаёт единственной возможностью творческого забытья сознания в потоке бесконечно сменяющихся напряжённо-лихорадочных состояний человека в его неустанном противостоянии бытию. Оправдание абсурдного по своей природе творчества мыслитель выстраивает на утверждении о том, что «оно впервые выводит дух вовне и помещает его перед другими людьми – не для того, чтобы повергнуть его в растерянность, а чтобы точно указать тот безысходный путь, по которому все мы движемся» [2, с. 81]. Иными словами, творческий акт фиксирует исходную онтологическую точку, из которой произрастают абсурдные страсти и в которой прекращается всякое рассуждение. Абсурдность самого творческого акта состоит в том, чтобы трудиться абсолютно бесцельно, вопреки пониманию того, что у любого творения нет никакого будущего по причине его разрушаемости.

По мысли М. Хайдеггера, развёртывающего понимание творчества сквозь призму своей «фундаментальной онтологии» человек наличествует в неразрывном соприкосновении с миром, в состоянии присутствия («Dasein»), способствующего постоянному пониманию бытия и расположенности к миру. Помимо этого, человек проявляет заботу о бытии, раскрывающуюся посредством его заброшенности в пучину обстоятельств, в бытие-при (das Man), выбраться из которого человек способен лишь посредством активной творческой деятельности, позволяющей субъекту проектировать самого себя.

Именно творческий процесс, учреждающий бытие, позволяет человеку сбросить с себя экзистенциальные оковы неподлинного бытия-в-неистине, устремляясь в подлинное бытие-в-истине. Человек может обрести подлинное существование лишь посредством бессознательных переживаний и творческого постижения собственной самости, ведь «всё «созидающее» должно быть «дома» в своей основе, из которой возникает» [5, с. 193]. В этом отношении фундаментальная задача человека состоит в том, чтобы вырваться из повседневного мира, постоянно прислушиваясь к творческому зову бытия, открывающему истину не как конкретное знание, а, скорее, как экзистенциально-онтологическое пространство личности самого человека.

Таким образом, европейская философия XIX – XX столетий фиксирует пограничное существование человека, наличествующего

на рубеже своего текущего и потенциального состояний и осуществляющего трансцендентальный переход из одного в другое лишь посредством творческого акта, прорывающего оковы наличного бытия и устремляющего человека к истинному существованию. Творчество предстаёт здесь как драматическое единство свободы и абсурдности, спонтанности и обречённости, и в этом смысле онтология творчества занимает нишу между уникальностью личного бытия творческого субъекта и механизмами осуществления социокультурной действительности.

Литература

1. Блауберг, И.И. Анри Бергсон [Текст] / И.И. Блауберг. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – 672 с.
2. Камю, А. Миф о сизифе [Текст] / А. Камю // Соч.: В 5 т. / Гл. ред.: В.И. Галий. – Харьков: Фолио, 1997. – Т.2. – 1997. – 527 с.
3. Кьеркегор, С. Или – или. Фрагмент из жизни [Текст] / С. Кьеркегор. – СПб.: Изд-во РХГА; Амфора, 2011. – 823 с.
4. Сартр, Ж.-П. Бодлер [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 184 с.
5. Хайдеггер, М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина [Текст] / М. Хайдеггер. – СПб: Академический проект, 2003 – 320 с.
6. Харитонова, Н.Н. Бытие художественного творчества [Текст] / Н.Н. Харитонова // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 12. – С. 54–55.
7. Шопенгауэр, А. Parerga и Paralipomena. В двух томах. Том первый. Parerga [Текст] / А. Шопенгауэр // Собр. соч.: В 6 т. / Общ. ред. и сост. А. Чанышева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. – Т.4. – 2001. – 400 с.
8. Шопенгауэр, А. О воле в природе. Обсуждение подтверждений философии автора данными эмпирических наук, полученных со времени её опубликования [Текст] / А. Шопенгауэр // Соч.: В 2 т. / Отв. ред.: И.С. Нарский и др. – М.: Наука, 1993. – Т.2. – 1993. – 672 с.

О СТЕПЕНИ РАДИКАЛЬНОСТИ АНТИЧНОГО ПИРРОНИЗМА И КАРТЕЗИАНСКОГО СКЕПТИЦИЗМА

Д.К. Маслов

Институт философии и права СО РАН

denn.maslov@gmail.com

В современной эпистемологии проблема скептицизма имеет серьезное значение как вызов нашей возможности претендовать на достоверное знание. Скептицизм, понимаемый преимущественно в его картезианском варианте, стал конституирующим для последующей теории познания и господствует по сей день при обращении к скептической проблематике [например, см. 6, с. 1 – 39]. Основопологающим его пунктом является методологическое сомнение в достоверности нашего познания без исключения, последовательно проводимое вплоть до вопроса о реальности существования внешнего мира («скандал философии и всеобщего человеческого разума», по словам Канта), которое является результатом проведения Декартом жесткой границы между протяженной и мыслящей субстанциями.

При этом ряд современных авторов полагает картезианское сомнение наиболее радикальным и угрожающим вызовом для нашего знания, что ставит вопрос о сравнении двух видов скептицизма: античного пирронизма с картезианским вариантом сомнения. Мы в первую очередь рассмотрим аргументы в пользу картезианского сомнения, и выдвинем доводы, показывающие, что пирронизм представляет более серьезную угрозу попыткам обоснования знания, из чего следует, что он более радикален.

При сравнении античного пирронизма со скептицизмом Нового времени обычно указывают на два бросающихся в глаза отличия: 1) в пирронизме преобладает его практическая направленность, это образ жизни, тогда как картезианский скептицизм напротив имеет целью исключительно теоретические задачи. (Однако В. Рёд выдвигает аргументы в пользу того, что и Декарту не была чужда практическая направленность теоретических изысканий, см.: [5, с. 26 – 33]) и 2) соответственно, каждое из направлений выбирает разные объекты для атаки: пирронизм имеет дело с мнением, а картезианство – со знанием. Действительно, пирронизм ищет особо по-

нимаемого счастья – атаксии, тогда как Декарт стремится к достижению достоверного знания (но картезианский скептик стремится показать невозможность достоверного знания о внешнем мире).

На основании такого различия М. Берниет высказывает мнение, что сама постановка вопроса о существовании внешнего мира в античности лишена смысла и не могла иметь место [2, с. 19 – 20]. В пользу своего тезиса он приводит следующее рассуждение: идеализм исходит из картезианского разделения мира на протяженную и мыслящую субстанции, и классический пример идеализма для британца Бёрниета – берклианский субъективный идеализм. Но поскольку античность не знала такого деления, сама возможность идеализма отсутствовала как таковая, считает исследователь. Так, в качестве одного из аргументов он приводит утверждение о том, что ни один философ античности не считал свое собственное тело частью внешнего мира, отделяя и противопоставляя его уму, как это принято после Декарта.

Далее М. Берниет утверждает, что пирронизм необходимо должен был придерживаться реализма, поскольку идеализм (иначе говоря – отрицание реального существования мира вне нашего сознания в соответствии с тезисом Беркли – «идеализм представляет собой монизм, утверждающий, что, в конечном счете, все имеющееся есть ум (mind) или содержание ума» [2, с. 8]) исключает практическую направленность пирронизма, ведь сомневаясь в существовании реального мира, античный скептик исключал бы возможность всякого практического действия [2, с. 30].

Исходя из вышеизложенных рассуждений, М. Уильямс полагает, что «Секст едва ли мог сомневаться в самом существовании мира», а Декарт, свободный от практических ограничений, смог продвинуть скептицизм до «беспрецедентных границ» («unprecedented extreme») [7, с. 288].

Соглашаясь с тезисом Уильямса, что Декарт представляет совершенно новые скептические аргументы, мы приведем аргументы против утверждения о наличии более радикального сомнения у Декарта, чем у Секста.

Сперва отметим, что аргументы М. Берниета об отсутствии идеализма в античности весьма неубедительны, и имеется целый ряд исследований [например, 4], которые опровергают его тезис о невозможности наличия идеализма в античности и даже доказыва-

ют влияние скептицизма на идеализм в античности (неоплатонизм). Нельзя не заметить незаконное отождествление идеализма вообще с субъективным идеализмом. Кроме того, логически невозможно наличие лишь одного члена дихотомии – реализма при полном забвении идеализма, поскольку члены дихотомии предполагают друг друга в качестве условия их мыслимости. Иначе говоря, не могло быть речи о реализме, если не был бы известен идеализм и наоборот. Это значит, что возможность поставить под сомнение существование внешнего мира в пирронизме принципиально допустима.

Теперь обратимся к пирронизму в том виде, как его представил Секст Эмпирик. Пирронизм представляет собой исключительное явление в европейской мысли, поскольку отрицал наличие у догмы, позиции по какому-либо вопросу, касающемуся исследования неочевидного. Как мы уже упоминали, пирронизм успешно атакует обоснованность наших мнений. Поскольку обоснованное истинное мнение является классическим определением знания, опровергая обоснованность мнения, пирроник опровергает знание автоматически, что указывает на более высокий уровень охвата, чем у картезианского скептика. Секст пишет (PH I.13 – 14) [1], что пирроник не признает ничего неочевидного в качестве истинного, следовательно, воздерживается от суждения о том, существует ли мир на самом деле.

Данная особенность пирронизма – отсутствие у них позиции как таковой – наводит на мысль о радикальности их позиции. Если скептические тропы сначала разрушают любые догматические претензии на знание, а затем снимают себя сами (для иллюстрации используется метафора слабительного, которое выводит все, включая себя (PH I. 206)). Оставляя вне внимания вопрос о границе скептического эпохэ, нужно отметить, что пирронизм принципиально не может дать универсального аргумента, закрывающего возможность познания, т.е. он открыт для новых аргументов со стороны догматиков, и однажды может случиться, что пирроник станет догматиком, если не найдет равносильного контраргумента и не воссоздаст эпохэ.

Картезианский скептицизм же, напротив, занимает точно обозначенную позицию в ряду других [См.: 3, с. 24 – 43], и может быть использован в качестве интегративного метода в антискептической программе, что видно уже в философии Декарта. Скептическая мо-

дель выдвигается именно затем, чтобы ее опровергнуть, и этим самым она оказывается принципиально преодолимой, что снижает ее эффективность и, тем самым, радикальность. Кроме того, она имеет закрытый, систематический характер и поэтому независима от наличной ситуации в обсуждении какой-либо проблемы, в отличие от принципиально контекстуального пирронизма.

Сходные характеристики мы можем наблюдать в методологии обоих течений. Если картезианские гипотезы сна и злого духа преодолеваются самоочевидностью Я, либо трансцендентализмом Канта, то тропы Агриппы, не будучи универсальными по своему воздействию, так и не были убедительно опровергнуты. Пирроник воздержится даже от суждения о том, существует ли его Я на самом деле, ограничиваясь констатацией того, что ему дано в явлении.

Это означает, что при внешней умеренности, скептические тропы, а значит и пирронизм, намного менее уязвимы для критики, и тем самым, являются более радикальными по сравнению с гипотезами картезианского скептика.

Литература

1. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1976.
2. Burnyeat, M. Idealism and Greek Philosophy. What Descartes saw and Berkeley missed // The Philosophical review. Vol. 91. No 1. 1982. P. 3 – 40.
3. Gabriel, M. An den Grenzen der Erkenntnistheorie. Die notwendige Endlichkeit des objektiven Wissens als Lektion des Skeptizismus. München: Verlag Karl-Alber, 2008. 420 s.
4. Gabriel, M. Skeptizismus und Idealismus in der Antike. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 2009. 320 s.
5. Röd, W. Descartes: Die Genese des cartesianischen Rationalismus. 3. Aufl. München: Beck, 1995. 221 s.
6. Stroud, B. The significance of philosophical scepticism. Oxford: Clarendon Press, 1984. 277 p.
7. Williams, M. Descartes' transformation of the sceptical tradition // The Cambridge Companion to Ancient scepticism. Ed. by R. Bett. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 288 – 313.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ⁴

А. А. Санжениаков

Институт философии и права СО РАН

В некотором смысле практически любая философская система любого философского периода всегда является актуальной. Это связано со спецификой философского знания в частности и гуманитарных наук в целом. В общих чертах эту специфику можно обозначить как способность обнаруживать и фиксировать в дискурсивном виде непреходящие истины и ценности. Однако выявить актуальность той или иной философской системы не так просто.

В 1984 году в журнале «Вопросы философии» вышла статья отечественного историка философии А. С. Богомоллова «“Быть” и “иметь”: эллинизм и современность». Автор пытается отыскать преемственную связь между эллинизмом и современными ему формами мысли. Эту связь он находит в разделении на внешний и внутренний мир, впервые сформулированном киниками и вошедшем во все эллинистические учения. Суть этого разделения можно передать следующим образом. С одной стороны, в человеческом мире существует нечто неотчуждаемое, свойственное человеку и находящееся в его власти, то, что позже стали именовать внутренним миром. И эта составляющая имеет наивысшую ценность, является единственным, о чем следует беспокоиться. С другой стороны, есть внешняя действительность, относящаяся к человеку постольку, поскольку он как физическое тело включен в окружающий его мир. Эта реальность неподвластна человеческой воле, посему ее ценностный статус намного ниже. В XX веке эта дистинкция стала обозначаться иначе (экзистенциалисты вычленяли модус «быть» и модус «иметь»), но суть ее осталась прежней. Таким образом, вопрос, поставленный в эпоху эллинизма, спустя много столетий не утерял остроты, и что не менее важно решался сходным образом. Раскрывая подобным образом актуальность эллинистической эпохи, А. С. Богомоллов пользуется, условно говоря, содержательно-концептуальным подходом, так как точки соприкосновения прошлого и

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-33-01246a2).

настоящего отыскиваются в теоретических проблемах и содержательной части философских концепций.

Иначе к решению этой задачи подошел Ж. Брюнсвиг. Для того чтобы объяснить тот большой интерес к эллинистической философии, который мы можем наблюдать в последние десятилетия, он прибегнул к формально-дисциплинарному подходу (опять-таки, условно говоря). Суть этого подхода заключается в том, что актуальность той или иной философской эпохи определяется через степень развития изучающей ее дисциплины. В нашем случае речь идет о развитии «археологии философии», то есть о дисциплинах, отвечающих за работу с источниками (текстология, папирология, палеография). Неудовлетворительное состояние первоисточников эллинистической философии (полных текстов нет, множество лакун, фрагментов, пересказов, свидетельств) воспринимается исследователями как вызов, раздражает интерес и, в конечном итоге, приводит к появлению множества монографий и статей по этой теме. При этом философская эпоха представляет интерес не как ряд теоретических положений, а как пазл, который предстоит решить: «Так же как можно забавляться, по-другому собирая фрагменты не понравившейся нам картинки-головоломки, никому не возбраняется, забыв на время о философском почтении к Эпикуру или Хрисиппу, поставить перед собой увлекательную для ума задачу реконструировать их доктрины из разрозненных и отрывочных документов» [2, С. 507].

Не отказывая в оправданности и эффективности второму подходу (формально-дисциплинарному), мы отдадим предпочтение первому (содержательно-концептуальному). В настоящей статье нам хотелось бы предложить свой вариант обоснования актуальности эллинистической философии. При этом не следует рассматривать наш вариант как исключаящую альтернативу высказанным выше решениям.

Как известно, в эллинистический период античной философии на интеллектуальной арене преобладали три школы – стоическая, эпикурейская и скептическая. Представители этих школ находились в живом диалоге, следствием которого явилось четкое осознание собственных позиций и закрепление дихотомии «своей-чужой». Также благодаря этому диалогу выкристаллизовываются две базовые этические позиции – активно-позитивная этическая позиция и пассивно-негативная. Развитие первой происходило в рам-

ках стоической школы, развитие второй – в рамках эпикурейской. Первая характеризуется тем, что повелевающие нормы в ней преобладают. Вторая – тем, что главными ее компонентами являются запрещающие нормы.

Стоическая философия и миропонимание предполагают, что счастья может добиться только деятельный субъект, активно включенный в окружающий мир. Основной причиной здесь выступает теология стоиков. Божественное активное начало (всепроникающий Логос, огненная пневма) предстает перед человеком как парадигма, которой должно следовать. По-этому основным элементом стоической этики является учение о надлежащем. Субъект в стоическом космосе рассматривается как неустранимая частица единого механизма. Благодаря такому пониманию у человека не оставляется возможности оставаться пассивным, картина мира стоиков предполагает, что в этом мире будет жить активный субъект, ибо его активность (деятельное включение в цепь причинно-следственных связей) – это единственный способ достичь блага, стать счастливым, уподобиться богу. В связи с этим стоическое представление о счастье, и вытекающие из этих представлений морально-этические установки, обладают позитивным характером и выражаются в активном отношении субъекта к миру.

Эпикурейская философия и миропонимание предполагают, что счастье преимущественно заключается в покое, при этом достигается и сохраняется покой за счет запрещающих норм. Поэтому уместно говорить о пассивно-негативной ориентации этики Эпикура. Эта ориентация хорошо просматривается в знаменитом «тетрафармаконе» Эпикура – 1) бог не внушает страха; 2) смерть не внушает опасения; 3) благо легко достижимо; 4) зло легко претерпеваемо. Половина положений этого канона имеет негативную формулировку. Еще более явно негативно-пассивная ориентация эпикурейской этики усматривается в теории желаний Эпикура. Разделив все желания на три вида: 1) естественные и необходимые; 2) естественные и не необходимые; 3) не естественные и не необходимые, Эпикур призывает исполнять лишь первый вид. Пафос теории желаний Эпикура сводится к тому, что следует так управлять своими желаниями, чтобы получить свободу от телесных страданий: «подлинное значение удовольствия состоит в удовлетворении потребности и, следовательно, в устранении неудовольствия; нашей

последней целью является не положительное удовольствие, а свобода от страданий, не душевное движение, а душевное спокойствие» [3, С. 200]. Наконец, пассивно-негативная ориентация эпикуреизма отразилась в общественно-политическом учении, основным положением которого была рекомендация «Живи незаметно!».

Показанные выше две этических позиции, получившие окончательное оформление в эллинистической философии, представляют собой универсальное знание о путях достижения счастья. В любом человеческом обществе, в любой исторический период в общем виде потребности человека одинаковы – это стремление к покою, с одной стороны, и желание активной деятельности, с другой. Очевидно, что ни одна из этих позиций не может быть использована в чистом виде, они должны применяться комплементарно. Поэтому, обращаясь к эллинистической эпохе, не следует забывать о том, что острая полемика стоиков и эпикурейцев породила два взаимодополняемых взгляда, которые актуальны и по сей день.

Литература

1. Богомолова А. С. «Быть» и «иметь»: эллинизм и современность // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 66–72.
2. Брюнсвиг Ж. Философия в эпоху Эллинизма // Греческая философия. Т. 2. / Под ред. М. Канто-Спербер, пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2008. С. 501–649.
3. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб: Алетейя, 1996. 294 с.

**«ФИЛОСОФИЯ ТРУДА» А.В. СУХОВО-КОБЫЛИНА: ОПЫТ
РЕКОНСТРУКЦИИ**

О.С. Егорова

Новосибирский государственный университет

Oxana.bukhovetz@yandex.ru

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817-1903 гг.) известен как драматург, но мало кто знает его как философа. Одна из причин этого в том, что большая часть трудов Сухово-Кобылина - переписка, философские труды, перевод сочинений Гегеля, значительная часть архива - была уничтожена. Сохранилось лишь 35 дневников и записных книжек. К тому же, при жизни автора ни одной его работы, за исключением пьес, не было опубликовано. Тем не менее, с помощью сохранившихся документов, представляется возможным реконструировать некоторые идеи утраченных произведений.

Так, в сохранившихся черновых набросках одной из его работ «Философия труда» содержатся размышления Сухово-Кобылина о человеческой природе. Он пишет: «человеку присуща жажда труда, его нормальное состояние есть «деятельность, движение, труд»; люди, не привыкшие к труду, привыкают к вину, табаку, чаю, они становятся ленивцами, праздношатайками, бесполезными, жалкими и никчёмными. С ними необходимо бороться, ибо, при попустительстве, эти паразиты заедят общество. Только тот имеет право жить и быть гражданином, кто в поте лица своего добывает свой хлеб» [2, с. 258-259]. Эти замечания в первую очередь относятся к дворянскому сословию. По мнению Сухово-Кобылина, помещики перестали быть собой, поскольку «вместо того, чтобы трудиться, они поделались должностными людьми, чиновниками, тунеядцами и мироедами». Таким образом, дворянство превратилось в праздное, безобразное и никакому контролю не подлежащее чиновничество. Нетрудно предугадать и его будущее – это разорение. Обращаясь к причинам личностной деградации дворян, Сухово-Кобылин отмечает главным образом недостаток воспитания, заключающийся в отсутствии у них привычки и умения трудиться [2, с. 177, 277].

Эти идеи также нашли своё отражение в драматургии Сухово-Кобылина. В отдельных персонажах пьес можно увидеть как положительные, так и отрицательные образы членов общества. Так, один из главных героев пьес «Свадьба Кречинского» и «Дело», помещик Муромский показан образцовым дворянином. Несмотря на своё богатство и общественное положение, всем прелестям столичной жизни он предпочитает сельскую жизнь в своем имении. Муромскому по душе любая работа по хозяйству на свежем воздухе, вдали от праздного общества [4, с. 7, 11, 16-17, 20]. Труд – неотъемлемая часть его жизни. Здесь Сухово-Кобылин подчеркивает, что все денежные и иные блага герой его пьесы приобрёл лишь собственными усилиями, как это, собственно, и должно быть.

Однако, отрицательных примеров в драматургии Сухово-Кобылина значительно больше. Так, одним из типов «общественных паразитов» являются картежник Расплюев, «пожалованный во дворяне Пиковым королем» и его покровитель Кречинский. Расплюев, не имея собственных средств, не задумываясь, ввязывается в любые авантюры, если это сулит ему денежную выгоду. Ради денег он терпит всё – от оскорблений до побоев. Будучи не в состоянии даже прокормить себя, Расплюев вынужден состоять у Кречинского на положении слуги. Именно нежелание и неумение трудиться привело его к деградации. Не лучше Расплюева и сам Кречинский. Всё своё состояние он растратил ещё в молодости, и с тех пор цель его жизни – всевозможными ухищрениями и махинациями, на которые он большой мастер, раздобыть себе денег. Так они, питаясь «общественными плодами», не приносят взамен никакой пользы. Но самый ненавистный для Сухово-Кобылина тип бездельников – это выведенные в его второй пьесе «Дело» всевозможные чиновники и высокопоставленные лица. Живя за счёт трудящейся части общества, они не приносят ему никакой пользы, а лишь вред, вытягивая непомерные взятки [4, с. 29, 30-45, 54, 67]. Именно против них направлен провозглашаемый Сухово-Кобылиным в набросках «Философии труда» лозунг: «Долой тунеядцев!» [2, с. 258].

Сухово-Кобылин пытался воплотить свой идеал, подавая личный пример. Для него труд являлся неотъемлемой частью образа жизни. С молодых лет каждый его день, за редким исключением, был наполнен как умственным, так и физическим трудом. Он старался следовать собственной программе. Каждое утро Сухово-

Кобылин делал гимнастику, купался, грёб на лодке. Помимо этого, он выполнял все хозяйственные работы, много трудился на свежем воздухе. Любил работать в саду, часто бывал в лесу, занимался насаждением деревьев. Любовь к труду и природе сохранилась у него на всю жизнь. В старости Сухово-Кобылин называл себя «простым, хлопотливым фермером» [2, с. 266]. Уделяя особое внимание своему физическому состоянию, он долгое время посещал московскую Школу гимнастики и фехтования, занимаясь гимнастическими упражнениями у француза Я. В. Пуаре. Также большое влияние на его взгляды оказал известный в своё время труд немецкого врача К. В. Гуфеланда «Искусство продления человеческой жизни» или «Макробиотика» (1805 г.). Сухово-Кобылин бросил курить сигары, пить чай, стал мало есть, а в старости практиковал вегетарианство. Собственному «кодексу здоровья» он обязан удивительной работоспособностью и хорошим самочувствием даже в старости [3, с. 237, 242, 250, 297, 319, 464].

Так Сухово-Кобылину удалось с пользой для себя претворить в жизнь свои идеи, которые впоследствии натолкнули его на мысли о способах и преимуществах продления сроков человеческого существования. Развивая известные положения Б. Франклина, Сухово-Кобылин, постоянно меняя свои расчеты, в итоге определяет продолжительность человеческой жизни в 90 лет. Такое продление людского века «есть прямое увеличение разумного элемента человечества, то есть прямое вхождение философии в жизнь» [2, с. 263-264]. Развивая дальше идею будущего человечества, Сухово-Кобылин включает в неё некоторые положения «Философии труда», но уже в ином контексте. Чтобы увидеть эту преемственность, необходимо обратиться к конспекту главы «Лёт» его основной работы «Учение Всемир». Само «Учение» не сохранилось, и в нашем распоряжении имеются лишь наброски, в которых Сухово-Кобылин пытался по памяти восстановить основные части своего сочинения (в 1995 г. были опубликованы выдержки из сохранившегося архивного наследия, предположительно касающиеся «Учения») [1].

Будучи философом-космистом, Сухово-Кобылин рассматривает три «момента» человеческого существования: 1) теллурическое (земное) человечество, каковым оно является в настоящее время; 2) солярное (солнечное); 3) сидерическое (всемирное). Конечной целью человечества является исхождение в дух (одухотворение), т. е.

достижение нуля протяженности тела. Это состояние будет доступно лишь тогда, когда солярный человек доведет своё тело до удельного веса воздуха. Таким образом, переход из одной стадии в другую обусловлен освобождением человека от «уз пространства». Этот процесс длится с самого начала существования теллурического человечества, с той эпохи, когда водные обитатели («рыбье человечество») вынесли жизнь на сушу, освободив свои тела от уз воды. С тех пор человечество с большим упорством пытается научиться преодолевать земное и воздушное пространство. Самым большим достижением в этой сфере стало изобретение колеса, велосипеда и вагонного движения, с помощью которых стало возможным совершать «горизонтальное летание». Но этого недостаточно для перехода на следующую стадию существования. Человечество станет солярным (или летающим), лишь тогда, когда будет обладать полной свободой тела в пространстве, заключающейся в умении самостоятельно перемещаться в высоту, ширину и глубину. По мнению Сухово-Кобылина, солярное человечество, подобно птицам, будет иметь крылья. Каждый человек в силах приблизить этот момент, для этого нужно помнить о трёх правилах: «чистый воздух, скудная пища, усиленный труд (обширные легкие, малое брюхо)» [1, с. 71-75]. Так, физический труд и свежий воздух способствуют не только увеличению продолжительности человеческой жизни, но и уменьшению объёма тела, что является важным шагом на пути к дальнейшему одухотворению человечества.

Исходя из сказанного, можно проследить следующую трансформацию идеи «труда». Изначально умение трудиться было для Сухово-Кобылина по большей части оправданием человеческого существования, оно определяло пользу, приносимую обществу отдельными индивидами. Позже физический труд, как часть образа жизни, стал и одним из способов продления сроков человеческого существования. В дальнейшем развитии идея труда приобрела ещё один смысл: физический труд как одно из условий эволюции человечества.

Литература

1. А. В. Сухово-Кобылин. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995.

2. Бессараб М. Сухово-Кобылин. М.: Современник, 1981.
3. Дневник Сухово-Кобылина // Дело Сухово-Кобылина. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
4. Сухово-Кобылин А. В. Картины Прошедшего. Л.: Наука, 1989.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ МОРАЛИ

М.В. Каширина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

г. Абакан

ProstoVerner@mail.ru

Социология морали – такая же отрасль социологического знания как, например, социология образования или экономическая социология. Описание моральных устоев, правил и норм – является важной тематической линией социологических исследований.

Однако в социологию морали крайне редко можно встретить в предметных рубриках и тематических разделах научных журналов. Положение социологии морали на сегодняшний день парадоксально – она существует, практически не присутствуя в научных журналах, монографиях, учебниках, учебных планах даже студентов социологических специальностей.

Известный социолог Г. С. Батыгин [2] свои рассуждения о возможности социологического исследования, каких бы то ни было психологических состояниях сознания (в том числе и ресентимента) изложил в работе «Как невозможна социология морали». Такие состояния сознания, как совесть, стыд, честь, доброе и злое намерения, самоотверженность, подлость, зависть, злоба, ресентимент, он называет моральными состояниями сознания. А о морали легко говорить до тех пор, пока она не становится предметом социологического исследования, наблюдения. Сложность исследования таких моральных состояний сознания и их социального оформления Батыгин видит в том, что «опросные методы останавливаются перед моральной проблематикой в недоумении», потому как те состояния, которые можно назвать моральными, «скрыты от самого сознания почти непроницаемым экраном защитных механизмов». Под «защитными механизмами» Батыгин понимает рационализацию,

трансфер, вытеснение, проекцию, замещение. Более того, он утверждает, что социологическая регистрация морального суждения возможна лишь в том случае, если люди знают свои «моральные состояния», связанные с определенными действиями либо общей личностной диспозицией, например диспозицией совершать только добрые или только злые поступки. Но даже если человек сознаёт своё моральное состояние, он должен владеть дискурсивными средствами, чтобы найти им адекватные определения. Но конструирование моральных фактов как раз таково, что заставляет давать им неадекватные определения. Например, люди склонны считать, что большую часть безнравственных поступков совершают «они», а «я» совершают, как правило, только нравственные поступки.

Тем не менее, как справедливо отмечал Э. Дюркгейм, моральные факты – явления того же порядка, что и другие социальные факты [1, pp. 720-724]. Они проявляются в правилах поведения, нормах социального взаимодействия, образцах и обычаях повседневной жизни. И потому социология должна иметь возможность не просто наблюдать и описывать эти правила и нормы, но и социологически фиксировать и исчислять их.

К сожалению, современное состояние и статус социологии морали в структуре социологического знания – предмет неоднозначных оценок и оживленных дискуссий. Целому ряду авторитетных исследователей кажется, что если социолог станет исследовать то, как морализируют другие, он непременно станет морализировать сам. В этой связи хочется ещё раз напомнить мудрость и дальновидность Дюркгейма и других апологетов социологии морали, указывавших на ключевое значение этой отрасли науки в составе социологии. Мысль проста: без включения в исследовательский предмет латентных, скрытых, неинституционализированных явлений (таких, как мораль) социология легко может быть заменена статистикой и теорией управления.

Литература

1. Durkheim E. Society and Individual Consciousness // Theories of society. Foundations of Modern Sociological Theory. – Two volumes in one. – The Free Press. – New York. – 1479 p.

2. Батыгин, Г. С. Как невозможна социология морали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/batygin_g_s_/kak_nevozmozhna_sociologija_morali.html.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДУХОВНОСТИ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ПОИСК ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

К.В. Коврижных

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

kkovrizhnykh@gmail.com

На сегодняшний день, в ситуации кризисных социально-культурных трансформаций и динамики темпа общественного развития последних десятилетий, в частности, в ситуации неоднозначности ценностей и ориентиров постсоветской России, все чаще мы сталкиваемся с апелляцией к духовности в широком спектре повседневных высказываний, в повседневной жизни, все больше внимания к этому концепту обращается исследователями гуманитарной сферы, в научной жизни.

Тем не менее, несмотря на то, что концепт «духовность» прочно вошел в вокабуляр современных ученых, называть его общетеоретическим пока не приходится. Духовность рассматривается множеством гуманитарных дисциплин, основаниями духовности выступают те или иные феномены, исходя и частнотеоретических целей и задач, понятийного аппарата и опыта психологии, социологии, социальной философии, культурологии и проч. Экспликация оснований и сущности духовности, построение относительно целостного взгляда проводится с точки зрения множества подходов. Однако, как мы можем наблюдать, современные исследователи, в частности, философы, в своем анализе духовности – в конечном счете – не могут выйти за пределы метафизики и трактуют духовность объективно идеалистически, часто, редуцируя онтологически значимые феномены и события духа к религиозной вере и богословским представлениям, тем самым упрощая онтологическую панораму духовности.

На наш взгляд, в разговоре о духовности, которая к сегодняшнему моменту в литературе выступает чуть ли не как исклю-

чительное право религиозного знания и формы познания [i], религиозная вера и понятия религиозного знания создают препятствия на пути раскрытия всей полноты духовных явлений, духовности как онтологической данности. Признавая религиозную веру и религию с ее моралью, ценностями и – что более важно – «духовными упражнениями» движущей силой, продуцирующей всевозможные формы проявления духа в мире, мы тем самым оставляем на периферии тех субъектов исторической практики, которые находятся вне логики религиозной формы мышления и действия, т.е. культурно не принадлежат этой логике. Таким образом, вынесенными за скобки при анализе феноменов духовности оказываются такие субъекты исторической практики человечества, которые вообще ничего не знают о Боге и религии или же те, кто находятся в пределах мифологической формы мышления и познания со всеми своими недостатками и несовершенством морали и ценностей с точки зрения западного мировоззрения нашей эры (между тем именно в мифе берет свое начало Dasein Хайдеггера, как «духовно исконное» [6, С. 119]). Это первое, на что мы хотели обратить внимание.

Второй момент, затрудняющий построение общетеоретического понимания духовности состоит в том, что выдвижение, ставшее уже нормой философского анализа духовности, таких понятий как «высшие идеалы, ценности, смыслы», «высшее проявление нравственности», «религиозность» в качестве условий и формообразующих качеств духовности идеалистически занавешивает сущность и всеобще-конкретную данность духовности в бытии человека.

Провести онтологизацию духовности, то есть раскрыть подлинный смысл всевозможных проявлений духа в мире, выявить сущность духовного, явленную в феноменах наличного бытия, попросту невозможно, опираясь на идеалы и ценности, несущих исторически изменчивое свое содержание и трансформирующихся по своей форме. Более того, различия в этических представлениях никак не умоляет присутствие духа в мире и не может отказывать в усмотрении его в тех явлениях и субъектах – сознающих и живых – которые кажутся нам не понятными и загадочными, которые не отвечают на данном историческом этапе (или не отвечали никогда) норме общезначимых ценностей или нравственности, выдвигаемых в качестве меры духовности. На африканском континенте до на-

стоящего момента существуют племена, живущие по законам, действующим шесть тысяч лет назад. Можем ли мы им отказать в духовности, исходя из меры вещей западной цивилизации?

Тем самым, соглашаясь с Фуко, отчасти, в том, что духовность может быть понята как процесс, посредством которого субъекту открывается истина, как определенная «совокупность... поисков, практик, опыта» [5, С. 27], как процесс «расколдовывания мира» [ii], мы соглашаемся и с тем суждением Хайдеггера, можно сказать методологическим, что онтологизация духовности невозможна, когда «понимание существа истины как правильности представления делает легитимной ситуацию... когда вообще по "идеям" истолковывается действительное и вообще "мир" взвешивается по "ценностям"» [2].

Последнее легитимирует и совершенно естественным путем приводит исследователей духовности, мыслящим в рамках логики идеалов и ценностей, к ситуации, в которой они конституируют «ощущение сложившейся в обществе атмосферы бездуховности» [4, С. 281]. Констатация бездуховности проводится путем подмены частно-синонимичных понятий, таких как «безыдейность», «потеря жизненных ориентиров», «утрата национальной и личностной самоидентификации», «утрата религиозного чувства» и т.п. В качестве примеров, обозначающих «факт» и «причины» бездуховности, приводятся мысли и идеи Ж.-Ж. Руссо, Ницше, С.Л. Франка и других философов, так или иначе усматривавших в современной им цивилизации ее недостатки и пороки. Однако, во все времена, во всех сферах человеческой жизнедеятельности, мы также находим великое множество явлений духовности и рождений, свершения гения. Поэтому это самое усмотрение, в прошлом и современности, «бездуховности» - нонсенс!

Тем не менее, это становится понятным, если обращаться к текучей и изменчивой логике идеалов и ценностей.

На наш взгляд, преодоление еще весьма абстрактных представлений о духовности, определение места и роли в теоретическом знании, преодоление «мифов» о духовности, построение конкретной дефиниции духовности необходимо осуществить через онтогносеологический анализ, используя познавательные конструкции и аппарат понятий и категорий онтологии и теории познания, тем самым дать почву для анализа явлений и феноменов духовности уже в

социально-философских и прочих дисциплинах, опирающихся на эмпирический опыт человечества.

К настоящему моменту, наиболее глубокие на наш взгляд исследования духовности, в первом приближении усмотрели два наиболее важных момента при анализе духовности.

Во-первых, духовность не является субстанцией и не обладает собственным бытием. Качественная и количественная определенности духовности, бытие духовности рождается бытием субъекта, является производным от последнего [iii].

Соответственно онтологизация духовности, вскрытие смыслового сущностного содержания ее феноменов пребывает в прямой зависимости от анализа субъекта действия, продуцирующего и обнаруживающего в процессе практики смысловое и символическое содержание этих феноменов.

Таким образом, основополагающим является переход от герменевтики духовности, как анализу духовных текстов [1], к герменевтике субъекта.

Во-вторых, представляется ценным понятие духовного опыта, или опыта вообще. Однако, акцентируя внимание лишь на опыте субъекта в мире, мы не сможем вскрыть сущность духовности, обнаружить смысл, или истину духовного феномена, ибо, как известно, «смысл - это такое образование, для которого всего мира и всего опыта относительно мира недостаточно, чтобы возник вопрос о смысле. Смысл из содержания самого опыта не производится, не вытекает. Нет в содержании опыта ничего такого, что было бы способно породить вопрос о смысле, так же как в механике глаза нет ничего указывающего на то, что это глаз» [3, С. 54].

Поэтому, проводя онтологизацию духовности, нам представляется более фундаментальным, наряду с понятием «опыта» использовать понятия «событие».

Рождение или открытие смысла, а значит и истинности духовности связаны с «трансформацией субъекта» и его неким «обращением» [5], духовный опыт, тем самым представляет собой путь, процесс преображения, в котором всегда наличествуют некие скачки, наивысшие точки, прерывающие этот опыт, переводящие субъекта в качественно новое состояние, в котором открывшийся ему смысл уничтожает значение всего предыдущего опыта, требует его переосмысления.

К этому же добавим, что любой опыт, не будучи осмысленным, к истине и преображению вести не может. Соответственно в исследовании духовности мы должны иметь дело с субъектом познания, мыслящим субъектом, реализующим эту функцию (действие) на всех уровнях общественного сознания.

Классическая модель общественного сознания применительно к духовности интересным образом еще раз приводит нас к сближению духовности и философии. Духовность, реализуется в различных формах общественного сознания, находя свою вершину в философии как наивысшей форме общественной практики.

Литература

1. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы. Том I / Пер. с нидерл. (Серия «Диалог»). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. XXVI + 590 с.
2. Карпов А.О. Онтологизация, «онтологизация» и образование // Вопросы философии, 2013. № 9. С. 31-42.
3. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: «Московская школа политических исследований», 2000. 416 с.
4. Токарева С.Б. Духовность в горизонте повседневности и за его пределами // Личность. Культура. Общество, 2005. Вып. 4(28). С. 281-292.
5. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
6. Baiasu R. How is philosophy supposed to engage with religion? Heidegger's philosophical atheism and its limits // The Southern Journal of Philosophy. Vol. 52, 1, 2014. P. 113-136.

Примечания.

[i] В частности, фундаментальный труд по вопросам духовности в двух томах Кейса Вааймана «Духовность. Формы, принципы, подходы», в котором используется корпус материалов справочника «World Spirituality», явно ориентирован духовность как категорию богословия, как основание и причину религиозной веры.

[ii] Это понятие М. Вебера мы использовали не случайно: его содержание еще раз обращает нас к материалистическому пониманию

истории и может послужить символичным звеном в построении философской дефиниции духовности.

[iii] В некоторых исследованиях эту связь находят и указывают на нее непосредственным образом. Например, диссертационное исследование Л.И. Трофимовой «Духовность в бытии человека», 2008 г.

КЕНОЗИС ТЕЛА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЛАКАНОВСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

И.С. Кудряшов

Новосибирский государственный медицинский университет

1. В наше время тело и телесность стали довольно популярной, если не сказать модной темой для рассуждения. Многие философы второй половины XX века поспешили заявить, что переоткрыли тему тела в философии, существовавшую в античности и Возрождении, но забытую с этапа Нового времени. Это заявление имеет мало общего с действительностью: любой хороший историк философии всегда сумеет аргументировано доказать, что тело никогда не игнорировалось философами – в т.ч. такими как Спиноза, Гегель, Маркс, Ницше, Хайдеггер и другими. «Поворот к телу» в XX веке был связан с возникновением феминизма «второй волны» с акцентом на гендерных исследованиях. И весьма значительную роль в теоретическом становлении этих течений сыграл структурный психоанализ Жака Лакана. Это довольно необычно, хотя бы потому, что сам Лакан никогда не ставил во главу своей теории ни тело, ни телесный опыт, ни половую или сексуальную идентификацию [1]. В данной статье мы попытаемся выяснить как тема тела была представлена в концепции Лакана и насколько эти идеи актуальны на сегодняшний день.

2. Психоанализ, конечно же, никогда не игнорировал тело, более того, одной из проблем интерпретации наследия Фрейда стала тенденция излишне биологизировать его учение. Самому Фрейду принадлежит довольно двусмысленное высказывание «Анатомия – это судьба». Как известно Лакан старался перенести в теории акценты с биологии на структурный метод и лингвистику, и потому никогда не ссылаясь на тело как какую-то детерминанту. Даже из-

вестная теория стадий сексуальности рассматривается у него не только с позиции либидо, но и с позиции организации субъекта (т.е. включая воображаемый и символический регистры психики). Однако некоторый лингвоцентризм Лакана не должен ввести нас в заблуждение. Лакан – атеист и материалист, вся его онтология строится на телесности человека. В 7 семинаре он говорит: «Долгое время существовало представление о душе мира и люди тешили себя мыслью о глубоких соответствиях между миром собственных образов и миром, который их окружает. Похоже, мы так и не уяснили вполне значение того факта, что фрейдовское исследование вместило весь мир в нас самих, водворило его, наконец, на свое место – не куда то еще, а в собственное наше тело» [2, С. 121-122]. Образ мира и нас самих (и нашего эго, и нашего тела, и нашей социальной роли) находится в теле, но организация этих образов проходит с приоритетом языка над физиологией. Единственная часть тела, которая способна сопротивляться символизации, это ничто иное как эрогенные зоны – точки связи с миром, не нуждающиеся в посредниках-словах.

3. И здесь важно сделать замечание: психоанализ наиболее часто сталкивался с телом как раз в парадоксальных проявлениях, а именно в аскезе или каких-либо других самоограничениях, самоуменьшениях. Подобные феномены в наше время встречаются ничуть не реже, чем в другие эпохи, когда подобные практики имели религиозное значение. Для удобства мы назовем весь комплекс феноменов, связанных с самоограничением тела, кенотическими практиками (от «кенозис»). Данный термин (от греч. κένωσις - «опустошение», «истощение», греч. κενός - «пустота») используется в теологическом дискурсе и в христианском богословии, чаще всего для обозначения практик тела, направленных на самоуничтожение, опустошение, очищение от тварного. Мы предпочитаем данный термин понятию аскезы поскольку последний не связан напрямую с телом и этимологически означает положительный аспект обетов и ограничений (Аскезы (от греч. ἀσκήσις - «упражнение») – это духовные практики, предназначенные для достижения духовных целей через самоограничение и обеты).

Наиболее явным примером кенотических практик в наши дни является, конечно же, одержимость диетами, вплоть до анорексии. Любопытно и то, что противоположность аскезы: гедонизм, пресле-

дование удовольствий и отказ от ограничений – для психоанализа не имеет ничего общего с телом и его потребностями, это как раз наибольшее погружение в символическое, достигающее полноты в перверсии. Фактически, диеты и анорексия – это современная проблема, симптом, созданный обществом в последние 50-80 лет, который особенно сильно преследует женщин. В современном обществе женщина не имеет права наслаждаться красотой собственного тела. Если это станет доступно многим, то попросту рухнут целые корпорации - фармакологические компании, дома моды, клиники пластической хирургии и т.д.

4. С философской точки зрения здесь открываются сразу несколько интересных проблем. Во-первых, проблема соотношения тела, образа тела и смыслов, влияющих на него – ни современная наука, ни культура пока еще не смогли преодолеть психофизический дуализм в полной мере, хотя попыток было сделано немало. Лакан, изучая аффекты, желания и симптомы, говорит свое слово о соотношении тела, образа и языка. Во-вторых, с точки зрения анализа социума очень интересно изучить как сформировался этот новый симптом и какие механизмы психики (индивидов) позволили стать ему столь устойчивым и распространенным. Структурный психоанализ довольно хорошо описал динамику и экономику влечений. Любой симптом - это прорыв наслаждения, что само собой свидетельствует о скоплении в системе непереносимых несимволизованных остатков. Выход этого наслаждения в симптоме (симптоме конкретного субъекта или общества) обусловлен не только личной историей субъекта, но и культурой. В-третьих, нельзя не заметить, что оставаясь атеистом, Лакан очень серьезно подходит к теологическому дискурсу, к так сказать «методологическим работкам» христианской традиции по таким темам как Большой Другой, место слова и речи в жизни субъекта, значение вины, греха и запрета и т.д. Следы этого влияния мы можем обнаружить в теоретических построениях Лакана, и главным образом в его концепции субъекта. Концепцию субъекта можно назвать кенотической: Лакан последовательно очищает и освобождает субъекта от того, что им не является. Кенотическая модель ведет его к отказу от постулирования какой-либо природы (доброй или злой) у субъекта, а затем к отказу от всякой субстанциональности и даже функциональности. В

итоге субъект Лакана становится «местом» в структуре, жестом, шифтером в речи.

5. В данном выступлении мы решили затронуть некоторые аспекты первой проблемы, хотя бы потому, что она в равной степени и остро актуальна, и вписывается в традиционную проблематику истории философии.

Что касается кенотических практик тела, то они не всегда связаны с анорексией невротической или нарциссической увлеченностью диетами – на деле же самые разные типы невроза могут принимать форму самоограничения. Ведь по большому счету одной из регулирующих идей для обсессивного невроза является жесткая организация и дисциплина, распространяющиеся первым делом на образ жизни, на быт – пищу, уход за телом, одеждой, домом и т.п. Особенно примечательным в неврозе является то, что Лакан назвал «искусением жертвоприношения», ведь оно почти всегда принимает вид аскезы.

Чтобы прояснить эти механизмы важно поставить и разрешить еще один вопрос: Является ли бессознательный симптом проявлением кенозиса? В конечном счете, с точки зрения здравого смысла всегда остается вопрос: почему именно тело должно «ответить» за наши смыслы, и кто это решает (сознание или бессознательное)?

Для описания анорексии мы сделаем особый акцент на лакановской теории глаза и взгляда, т.к. симптом нервной анорексии связан не с оральной фиксацией, а именно со скопическим влечением (взглядом Другого). Для аноректика худое тело становится символической меткой идеального нарциссического образа себя [3]. Но почему именно худое тело – ответит только изучение истории становления конкретного субъекта.

Литература

1. Бадд С. Сексуальность в английском и французском психоанализе. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.psyconsultancy.ru/ne-nado-seksa-pozhaluista-my-britantsy-seksualnost-v-angliiskom-i-frantsuzskom-psikhoanalize>
2. Лакан Ж. Семинары VII: Этика психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2006.

3. Телицына Н. Нервная анорексия в регистрах третьей топки // Психологія, часопис, 1[9], Kiev 2007, С. 142-184.

ФИЛОСОФИЯ ДЕНЕГ КАК МЕТАТЕОРИЯ ДЕНЕГ

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
pavlen-abakan@mail.ru

Деньги являются объектом внимания не только экономики, но и множества других социально-гуманитарных наук, в том числе и философии. Проблему денег пытались разрешить еще античные философы (Платон в «Республике» и «Законах», Аристотель в «Никомаховой этике» и «Политике»), а уже в эпоху Нового времени Дж. Беркли в своем «Вопрошателе» сформулировал основной вопрос о деньгах: «Надо ли рассматривать деньги как то, что обладает внутренней ценностью, или же как товар, мерило, обязательство, о чем пишут на разные лады? И разве не является в сущности истинной идеей денег как таковых идея билета или жетона для счета (counter)?» [1, с. 511].

Появление самого термина «философия денег» связано с выходом в 1900 г. одноименной книги Г. Зиммеля («Philosophie des Geldes»), однако, несмотря на то, что с того времени прошло более века, предметное поле философии денег до сих пор остается неопределенным, да и само словосочетание, предложенное Г. Зиммелем, используется весьма редко.

Причин для такого положения дел можно назвать несколько, но основной фактор, на наш взгляд, заключается в том, что абстрактное размышление по поводу какого-либо объекта и философия этого же объекта должны рассматриваться как разные явления. Как уже было сказано выше, теоретические построения о сущности денег возникли еще в Античности, однако результаты этих построений стали актуальны в большей степени для экономистов, чем для философов. Наследие же Г. Зиммеля оказалось значимым в первую очередь для социологов, поскольку предмет философии денег, обозначенный им, оказался, по сути, предметом социологии денег (это признают сами социологи, занимающиеся исследованием денег). «С одной стороны, - пишет Г. Зиммель, - она (философия денег –

прим. А.Н.) может продемонстрировать те предпосылки, заложенные в душевной конституции, в социальных отношениях, в логической структуре действительностей и ценностей, которые указывают деньгам их смысл и практическое положение... вторая, синтетическая часть (философии денег – прим. А.Н.) прослеживает его (явления денег – прим. А.Н.) воздействие на внутренний мир: жизнечувствие индивидов, сплетение их судеб, общую культуру» [3, с. 310-311]. То есть с одной стороны Г. Зиммель предлагал рассматривать социальные условия практического использования денег, а с другой стороны влияние денег на культуру человечества.

Если далее просто перечислять философов, затрагивающих в своих исследованиях тему денег, станет понятно, насколько разнообразна палитра течений и школ, составляющих данное направление. Это, естественно, К. Маркс с его концепцией денег как основного фактора отчуждения человека от результатов трудовой деятельности; М. Вебер, рассматривающий деньги в контексте установления протестантской морали и особого «капиталистического духа»; О. Шпенглер, увидевший в деньгах средство для победы цивилизации над культурой; З. Фрейд с его характеристикой денег как символа деструктивности; Ж. Бодрийяр, включающий деньги в современную систему симулякров; Дж. Сёрль, характеризующий деньги как статусную функцию, и многие другие.

При этом каждая из указанных концепций денег имеет значение для весьма широкого спектра социально-гуманитарных наук: экономики, социологии, психологии, культурологии, политологии и религиоведения. И по отношению к этому факту можно смело утверждать, что философия денег как совокупность философских концепций денег является теоретической базой для прикладных исследований самого различного рода, по своей сути являясь междисциплинарным течением. Не зря, поэтому предмет философии денег определяется в различных работах настолько широко, насколько это возможно, как, к примеру, у А.А. Шептун, утверждающей, что философский подход позволит «охватить все формы проявления сущности денег в их целостности» [4, с. 181].

Можно, таким образом, констатировать, что существование отдельной дисциплины под названием «Философия денег» на сегодняшний момент сталкивается с очевидной неопределенностью своего предмета, вызванной борьбой различных философских кон-

цепций и интересом к деньгам со стороны других наук, создающих, в принципе, не менее содержательные теоретические построения по поводу происхождения, сущности, функций денег, практике их использования и символической роли. На этом можно было бы и успокоиться, если бы не тот факт, что на фоне богатейшего теоретического наследия количество финансовых кризисов и денежных спекуляций только увеличивается, а сама практика денежного обращения становится настолько интенсивной и разнообразной, что уже не поддается научному анализу.

Чем бы могла помочь в данной ситуации философия в целом и философия денег в частности? Ответ на этот вопрос напрямую связан с ответом на вопрос о характере самого философского знания. В рамках этой небольшой работы нет смысла перебирать всю традицию, связанную с осмыслением проблемы «Что такое философия?», и здесь мы просто выразим согласие с кратким определением В.П. Горана, гласящим, что философия есть «рефлексивная метамировоззренческая теория» [2, с. 14]. Такое определение предполагает, что философия имеет своим объектом мировоззрение, ее язык можно характеризовать как метаязык по отношению к объектному языку мировоззрения, ее задачей является выявление концептуальных оснований мировоззрения, она требует самоопределения относительно своих собственных возможностей.

Соответственно, было бы неправильно считать, что объектом философии денег являются деньги как таковые, поскольку сами деньги являются объектом внимания мировоззрения в целом (в том числе и ряда наук, направленных на изучение конкретной действительности). По всей видимости, объектом философии денег должно выступить представление о деньгах, сложившееся как в обыденном сознании на уровне мифологем (например «деньги – это зло»), так и на уровне научных теоретических построений, а все те концепции, о которых говорилось выше, в этом отношении становятся для философии денег эмпирическим материалом, позволяющим увидеть динамику изменений в трактовке сущности денег (сюда же смело можно включать и различные экономические и социологические концепции денег). Предметом же философии денег становится выявление концептуальных, методологических и ценностных оснований, формирующих образ денег в системе мировоззрения определенной социальной общности.

Что же нам дает такая трактовка предмета философии денег? Во-первых, данная трактовка позволит избежать той двусмысленности, о которой говорилось выше, когда работы по экономической теории или экономической социологии, написанные философами, объявляются классикой философии денег. Во-вторых, рефлексия по поводу возможности каждой из наук, изучающих деньги, позволит вывести на новый уровень как узкоспециализированные, так и комплексные междисциплинарные исследования. В-третьих, анализ представлений о деньгах, сложившихся как в науке, так и в массовом сознании, потенциально обогащает силу финансового прогнозирования, поскольку затрагивает вопрос доверия к финансовым институтам. Наконец, такая философия денег могла бы претендовать на создание монетарной метатеории, объединяющей на критических началах известные концепции и дающей новое дыхание анализу денежного обращения и практике его регулирования. Теоретическое и практическое значение философии денег этим не ограничивается, но и этого кажется достаточным для того, чтобы признать ее эвристические возможности не только для философии, но и для других наук, занимающихся исследованием денег.

Литература

1. Беркли Дж. Вопросатель, содержащий ряд вопросов, предлагаемых на всеобщее рассмотрение // Беркли Дж. Сочинения. М.: «Мысль», 1978. С. 509 – 512
2. Горан В.П. Философия. Что это такое? // Философия науки. 1996. № 1 (2). С. 3-14
3. Зиммель Г. Философия денег (фрагмент) // Теория общества. Сборник / общ. ред. А.Ф. Филиппова. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. С. 309-383
4. Шептун А.А. Философия денег // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 180-183.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВА

А.В. Смирнова
Новосибирский государственный университет
fimokarr@mail.ru

*«Если подумать, искусство само по себе — глупость.
Нерациональное, необязательное, избыточное действие,
без которого можно легко обойтись.
То есть без него можно выжить. Но нельзя жить».*
Макс Фрай.

Понятие искусства как представления объекта в образах принадлежит к одному из наиболее дискутируемых. Одна из причин - эволюции и революции в его методах и формах. Но в искусстве практически всегда присутствуют два элемента - репрезентация реальности и самовыражение художника. Это не значит, что художник всегда стремится к изображению предмета или вещи, он может сознательно отказываться от практики репрезентации, но сам отказ уже свидетельствует о том, что он как-то соотносит свою художественную практику с идеей репрезентации.

В своём докладе я попытаюсь связать современные способы понимания искусства и новые направления в социальной теории, а именно, современные художественные практики и так называемый поворот к материальному, который привел к появлению концепции интеробъективности, наряду с концепцией интересубъективности в трактовке социальной реальности [Вахштайн, 2006]. Искусство долго шло к достижению максимального "подобия" образа и вещи. Но когда в искусстве XIX века реалистическое искусство достигло фотографической точности в изображении предметного мира, оно пресытилось вещью как таковой и обратилось к поискам иных способов самовыражения и репрезентации. Однако на смену символическому и структурному подходу в искусстве опять приходит интерес к предметности и телесности. Расширение сферы предметности и вещиности в искусстве в таких направлениях искусства, как гиперреализм, развитие таких методов искусства, как инсталляция и перформанс привело к новому витку дискуссии о границах между искусством и жизнью. Поэтому моя задача состоит в том, чтобы вы-

явить, каким образом художник должен обозначить помещенный в визуальное поле предмет как факт искусства, чтобы выделить его среди обыденного мира.

Для этого я обращаюсь к понятию рамок, рассматриваемых в социальной теории, и в художественных практиках как границы, задача которых – различения «бытия-в-себе» и всего остального мира. Так как в искусстве эти границы непременно материальны (будь то рама картины или целый музей, на территории которого создана инсталляция или проводится перформанс), рамка, то есть нечто материальное, вещь, наделённая особым смыслом, становится основным разграничением между миром искусства и обыденным миром. Тогда вещь рассматривается мною и как некий референт, включённый в мир искусства, и как часть материального мира, «предметной культуры» [Коськов, 2004], созданной человеком. Эти границы, состоящие из вещи или множества вещей, не только призваны, с одной стороны, защищать уникальное бытие внутри себя от влияния внешнего мира, а с другой - объединять все элементы внутреннего мира между собой, но также доказывают, что без их существования различие мира искусства и обыденного мира было бы невозможно.

Литература

1. Вахштайн В. (ред.). Социология вещей. Москва: Территория будущего, 2006.
2. Коськов М. Предметный мир культуры. Санкт-Петербург, 2004.

ТРИ ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ СООБЩЕСТВА

Н.С. Шевцов

Новосибирский государственный университет
nikitashev@mail.ru

Сообщество – тема, актуальная для различных сфер гуманитарного знания. Одним из основоположников концепции являлся немецкий социолог Фердинанд Тённик. Прочно понятие сообщества обосновалось в дискурсе французских интеллектуалов конца ве-

ка (Жан Люк Нанси, Морис Бланшо). Наконец, сообщество – одно из ключевых понятий в позиции движения коммунитаристов. Три эти позиции имеют свои представления о сообществе и его отношении к обществу.

Первая позиция ставит сообщество в резкую конфронтацию обществу. В своем труде «Общность и общество» Тённис показал два типа связанности людей – связанность функций, механического действия, которую видел в бытии городских людей, и связанность естественности – связанность общностей (community):

«Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь... понимается как жизнь в общности. Общество же – это публичность, мир. В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину». [1, с.10]

Тённис выделил три основания для возникновения общности – родство, соседство, дружба. И если в случае первого «исключительная совместность» не вызывает сомнений, то соседство и дружба имеют свои нюансы. Тённис называет сельские общины «общностями соседства», но отказывает в таком именовании городам. Но ведь бывают ситуации с разрозненными деревенскими жителями и едиными горожанами. К общностям дружбы, согласно Тённису, относятся все общности, построенные на духовных связях, например, ремесленные цеха (единство искусства) и религиозные общины (единство веры). Но в таких общностях неизбежно присутствуют связи механистические, общественные. Неясно, в чем разница между религиозной общностью и религиозным обществом.

Интеллектуальные круги послевоенной Франции тяготели к коммунистическим идеалам. Однако обращению к советскому марксизму мешал так называемый «реальный коммунизм» – внутренняя и международная политика СССР. Пафос коммунистического освобождения человека разбивался о циничность «реального коммунизма».

Разочаровавшись в индивидуализме и коллективизме, французские интеллектуалы старались характеризовать такое совместное бытие, которое было бы лишено недостатков обеих крайностей. Характеристика эта строилась на описании различных черт, которых, по мысли авторов, у сообщества быть не должно. Именно так

поступил Жан Люк Нанси, указавший на «непроизводимый» характер сообщества:

«...сообщество не может быть завершено в своём собственном произведении как в самовоплощении своего собственного субстанционального субъекта. Напротив, подобное бесконечное воплощение или такая бесконечная операция заключает в себе тоталитарный проект, подменяющий единичности единством членов великого Живого организма (Народа, Человечества и т. д.). Сообщество может постичь себя лишь как «непроизводимое»: не производящее из себя своего собственного произведения». [2, с.17-18]

В диктаторском проекте сообщества индивид жертвует собой ради мифа о сообществе; индивид исчезает, задавленный массой – остаются «мы». В реальности общества индивид остается один в паутине безликих социальных связей – остается «я и они». Реальность же подлинного сообщества предлагает существование индивида как «я и подобные мне».

Часто сообщество награждается эпитетом «разрушенное», «утраченное», «потерянное». Но Нанси высказывает мысль, что в реальности сообщество вовсе не было утрачено. Сообщество – это наше представление о том, что не является обществом:

«Сообщество даётся нам в бытии и как бытие, вне каких либо проектов, намерений и предприятий. Мы не можем его потерять. Общество может быть очень далеким от сообщества, когда речь идёт о социальной пустыне, низкоразвитой и недоступной для формирования сообщества. Нам не дано избежать предстания-перед другими... Сообщество даётся нам в такой степени, в какой мы предъявлены или заброшены в него: это дар, требующий обновления, коммуникации, а не создания произведения». [2, с.74-75]

Дело состоит не в том, чтобы найти сообщество, а в том, чтобы в него войти через коммуникации с другими, отразиться в них и отразить их. С этим можно зафиксировать второе представление о сообществе как о чем-то альтернативном, о чем-то, что может возникнуть из общества. Проблема этой позиции – в сложностях с характеристикой сообщества, которую приходится проводить «от противного».

Наконец, существует третья позиция относительно сообщества. Это позиция коммунитаристов, рожденная из критики коллективизма и индивидуализма. С философско-теоретической точки зре-

ния коммунитаризм использует лозунг «Свобода, равенство, братство», критикуя либерализм за крайность «свободы», а коммунизм – за крайность «равенства», и продвигает привнесение в общество «братства». В практическом плане коммунитаризм выступает за сильное гражданское общество, основанное на местных сообществах и неправительственных общественных организациях, за «the good society». Как пишет Амитай Этциони: «...речь идет о социуме, бдительно стоящем на страже фундаментальных прав и свобод личности, но одновременно воспитывающем в гражданах уважение к коллективным благам». [3, с.31]

В этой позиции сообщество выступает в симбиозе с обществом, обеспечивает его «здоровье». Однако проблемы индивида в обществе не исчезают, сообщество их просто частично заглушает.

Все три подхода имеют свои проблемные места. Вероятно, удастся продвинуться вперед в понимании сообщества путем синтеза этих подходов, нахождения общих мест. Следует анализировать сообщество, как на высоком теоретическом уровне, так и на практическом.

Литература

1. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. - СПб: Издательство «Владимир Даль», 2002
2. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное - М.: Водолей, 2011
3. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. - М., 2004.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИГРА КАК ФОРМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

Р.В. Аттинк

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
attink.rus@mail.ru

Общество развивается и не стоит на месте. Меняется его структура, динамика и специфика функционирования его систем и подсистем, как на микро, так и на макро-уровне социологического анализа. Происходит своего рода инкорпорация социальных элементов в структуре целостности системы, т.е. акцент делается на содержательном аспекте – на внутренней структуре объекта, а не на его формальной части. Происходят процессы ассимиляции и интеграции, за счёт конвертации – проникновения одних элементов системы в другие, тем самым давая понять, что общество – это не просто сложный конструктор, но и постоянно развивающийся динамический организм, прибегая к анализу которого необходимо изучать социальные объекты в мультипарадигмальном ракурсе. Именно в такой специфике будет рассмотрен конструктор-феномен «игра». Именно как способ самореализации социально-экономических субъектов.

В своё время изучением феномена игра занимались Й. Хейзинга, Х. Г. Гадамер, И. Гофман и многие др. Культуролог Й. Хейзинга в рамках концепции культуры рассматривал игру как историческую универсалию, которая предшествует культуре. Хейзинга говорил, что игра это, прежде всего свободная деятельность [3, с. 26]. Игра – не есть настоящая жизнь, поэтому играть или не играть – дело каждого.

С этим утверждением можно поспорить. Например, американский социолог И. Гофман выходил за рамки понимания игры как деятельности вне жизни. Он рассматривал игру как элемент театрализованности, называя это «театральным воплощением». Каждый человек по-своему является актёром, который проявляет свои способности в обыденности: в действиях,

поступках, своём поведении, тем самым жизнь приобретает смысл спектакля.

Перед нами встаёт противоречие: с одной стороны игра представляется как имитация, а с другой как важная часть жизни, но загвоздка в том, что эти два заведомо противопоставляемые понятия, вполне реализуются и функционируют в рамках общества.

На современной этапе развития общества, благодаря ранее упомянутой конвертации элементов системы, мы можем рассматривать игру в качестве процесса, обуславливающего функционирование изучаемого нами объекта и при наличии в нём различных форм как имитации, или деятельности в рамках обыденного поведения. Тем самым наша задача заключается в том, чтобы дуалистически разграничить понятие игры и рассмотреть её в корректировке социально-экономического аспекта, обосновать её функционирование как надсубъектного и внутрисубъектного процесса, обуславливающий поведение субъекта игры.

Немецкий философ Х. Г. Гадамер в своих изысканиях, прежде всего, стремился освободить понятие игры от субъективности. По его мнению, игра подразумевает не поведение и тем более не душевную конституцию того, кто творит произведения искусства или наслаждается им, и вообще не свободу субъективности... а способ бытия самого произведения искусства[1, с. 27]. То есть, по Гадамеру, игра, а не играющий, не играющие являются субъектами, через играющих игра достигает своего воплощения. Играет сама игра, втягивая в себя игроков. Субъект игры – это пассивный субъект рефлексии. Реализуется прямая линия в виде схемы «стимул→реакция», без какого либо отклонения от курса, заданного нормируемой моделью поведения.

Так, например, работник, осуществляющий определённую деятельность в организации будет руководствовать при её выполнении не тем, что у него есть свобода – свободы как раз то и нет, потому что есть жёсткие нормативные рамки – он будет руководствоваться тем, что от него требует его начальник. Приказ в данном случае является побудителем к действию, осознаётся и выполняется, иначе последуют карательные меры в виде санкционных мер сверху. Такое представление было олицетворение старой модели управления, а в настоящее время акцент смещается в сторону деятельностного подхода.

Совершенно иную трактовку представляет собой игра в рамках деятельностной парадигмы. Сам субъект определяет, что ему делать и как действовать. Он творец, он деятель. Теперь работником видит перед собой табличка с надписью: «свобода самореализации в рамках трудовой деятельности». Получен некий карт-бланш, но который ни в коей мере не отменяет игрового характера деятельности, а лишь способствует всё большей её монополизации сознания социально-экономического субъекта. Деятельностная парадигма как форма социологического анализа воплощает представление о деятельности в единстве активностных и пассивностных характеристик, раскрывающих содержание деятельностного процесса, т.е. от самого субъекта игры зависит какая реакция, выражающаяся в его действиях будет реализовываться в процессе деятельности игровой, которая в меру своих содержательных особенностей захватывает собой играющего. Вызывает зависимость – это носит название «игромания», что реализуется в рамках трудовой деятельности в высшей форме человеческой активности – «трудоголизме».

Остаётся нерешённым ещё один вопрос: кто выступает в рамках социально-экономических субъектов на различных уровнях социологического анализа? Кто они субъекты игры? На микросоциальном уровне в качестве субъекта выступает индивид, который, по сути, является самым маленьким, но очень важным механизмом в процессе функционирования системы. На мезоуровне таким субъектом уже будет являться группа индивидов. И наконец, на макроуровне в качестве субъекта могут целые организации, и даже социальные институты.

Литература

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

2. Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 303 с.

3. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб: ИздвоИвана Лим-баха, 2011. – 416 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МАО ЦЗЭДУНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. Бернюкевич

НИУ Высшая школа экономики, г. Москва
aabernyukevich@gmail.com

Коммунистические идеи и политическая деятельность Мао Цзэдуна оказали значительное влияние на развитие всех сфер жизни китайского народа, поэтому личность этого государственного деятеля вызывает интерес у многих отечественных и зарубежных историков, востоковедов и синологов. Будучи одним из наиболее неоднозначных персонажей мировой истории, Мао Цзэдун во многом предопределил судьбу китайского народа, занимающего в настоящее время уверенные позиции на международной экономической и политической арене.

Научный подход к выбранной проблематике предполагает не только выявление, но и систематизацию различных интерпретаций портрета Мао Цзэдуна как государственного деятеля, его основных лидерских качеств и истоков их формирования. При анализе ключевых политических фигур значение придается каждому их жизненному этапу с целью выявить социальные и психологические условия формирования личности. Важным компонентом исследования также являются взаимоотношения лидера с главами других государств, региональными и местными представителями власти, а также наследие, оставленное ими, и итоги их деятельности.

Значительный объем работ о Мао Цзэдуне и деятельности КПК под его руководством написан такими отечественными исследователями как Ф. М. Бурлацкий, А. Н. Желоховцева, Г. Сухарчук, А. С. Титов, Ю. М. Галенович, А. В. Панцов. Из зарубежной литературы в качестве авторитетного источника могут быть выделены труды корейского историка Ан Тай Сона. Кроме того, имеется широкий спектр исследовательских работ научно-

публицистического характера, созданных венгерским журналистом Ф. Варнаи, американским писателем Ф. Шортом и советскими литераторами Н. Александровой и П. Федосеевой, О. Владимировым и П. Рязanceвым. Нельзя оставить без внимания и авторов из КНР: писателя Линь Мо Ханя и сбежавшего в СССР революционера Ван Мина.

В отечественной историографии личность Мао Цзэдуна имеет довольно противоречивые характеристики. В работах большинства исследователей конца второй-третьей четверти XX века его деятельность подвергается жесткой критике, что, вероятно, связано с обострением советско-китайских отношений. Например, О. Е. Владимиров и В. И. Рязанцев в «Страницах политической биографии Мао Цзэдуна» пишут о разрушении народно-демократического строя и утверждении военно-бюрократической диктатуры [1]. Ф. М. Бурлацкий подчеркивает противоречивость системы его политических взглядов, так как их основой служит сложный сплав марксизма, ленинизма, троцкизма и китайского национализма [2]. Очевидец «Культурной революции», китаист А. Н. Желоховцев негативно отзываясь о методах борьбы Великого кормчего со своими соперниками: репрессии, ссылки, притеснения, обвинения в измене и отстранения от должностей, - таковы главные механизмы расправы с теми, кто встал против принимаемых председателем решений или получил достаточный вес в партии и в народе [3]. Г. Д. Сухарчук в своем очерке «О социально-экономических взглядах Мао Цзэдуна» сомневается в рациональности выбора «народных масс», крестьянства в качестве проводника революционных идей [4]. Советский китаевед Ю. М. Галенович придает большое значение заслугам Мао Цзэдуна в международных отношениях: КНР получила признание в мировом сообществе и смогла выдвинуть делегатов в ООН [5].

Таким образом, советские и российские авторы признают в Мао Цзэдуна качества, характеризующие его как сильного политика, однако в то же время приписывают ему множество ошибок и «перегибов». Можно отметить общее для всех исследователей советского периода стремление противопоставить взгляды Мао Цзэдуна и догмы марксистско-ленинского учения, подчеркнуть его некомпетентность в теории коммунизма, крайнюю

приверженность «революционным» идеям и отчаянное желание утвердить собственный культ.

Зарубежные авторы дают куда более мягкую оценку политическому портрету Мао Цзэдуна. Особенно эта тенденция просматривается в трудах китайских исследователей, которые пытаются сконцентрировать внимание на положительных результатах деятельности идейного вдохновителя КПК. К примеру, Линь Мо-Хань поддерживает действия революционного движения коммунистов в преобразовании и развитии культуры Китая в XX веке, несмотря на то, что она пресекала любое проявление прогрессивного сознания и фактически подвергла опасности разрушения духовный опыт предыдущих поколений [6]. В то же время, активный член КПК Ван Мин, попавший в опалу после образования КНР, выделяет несколько «главных преступлений, совершенных Мао Цзэдуном внутри страны», среди которых травля марксизма и ленинизма, введение военной диктатуры, ущемление прав национальных меньшинств и т.д. [7]. Аналогичной точки зрения придерживается венгерский историк Ферен Варанаи, затронувший тему насаждения и популяризации идей Великого кормчего [8].

С одной стороны, Мао Цзэдун оставил своим преемникам страну в «подвешенном» состоянии. С другой, в период первых реформ после 1976 г. наблюдался небывалый духовный подъем народа. Каким бы противоречивым не был вклад Мао Цзэдуна в развитие КНР, память о его масштабных преобразованиях Поднебесной будет передаваться еще многим поколениям, ибо, как писал корейский историк Ан Тай Сон, Мао Цзэдун был ключевой фигурой политической, экономической и социальной модернизации [9].

Литература

1. Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна / гл. ред. Г.К. Фокина. – М.: Политиздат, 1969. С. 4-8.
2. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура...» / ред. Г.И. Самолетов, Н.А. Калининская. – М.: Международные отношения, 1976. С. 103.

3. Желоховцев А. «Культурная революция» с близкого расстояния (Записки очевидца) / завед. ред. К.Н. Сванидзе. – М.: Политиздат, 1973. С. 257

4. Сухарчук Г.Д. О социально-экономических взглядах Мао Цзэдуна: материалы симпозиума. – М.: Наука, 1970. С. 2.

5. Галенович Ю. М. Смерть Мао Цзэдуна. – М.: ИзографЪ, 2005. С. 148-152.

6. Линь Мо Хань. Еще выше поднять знамя идей Мао Цзэдуна в области литературы и искусства. – Пекин: Издательство литературы на иностранном языке, 1961. С. 13-22.

7. Ван Мин. О событиях в Китае / ред. О.В. Вадеева, А.В. Никольского. – М.: Политиздат, 1969. С. 5-29.

8. Варнаи Ференц. Маоизм против мирового коммунистического движения / пер. Р. Далош. – М: Политиздат, 1982. С. 28-29.

9. An Tai Sung. Mao Tse-tung's Cultural Revolution. – Washington: Pegasus, 1972. P. 12-14.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УСЛОВИЯМИ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ МФЦ Г. АБАКАН

А.И. Булгакова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
nastena_osokina@mail.ru

Основными ценностными ориентирами административной реформы осуществляемой в России последнее десятилетие, являются повышение качества жизни граждан и эффективности деятельности государственных органов власти, устойчивое развитие общества. Административная реформа привела к возникновению ряда новых правовых институтов, таких например как публичные услуги. Основным нововведением является возможность предоставления государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах (МФЦ).

ГАУ РХ «МФЦ Хакасии» или Многофункциональный центр «Мои документы» - государственное учреждение, которое предоставляет государственные и муниципальные услуги, в том числе и в электронной форме. МФЦ – организация, с которой стало

проще получать услуги, намного удобнее за один раз получить несколько услуг в одном месте, кроме того, в одном окне, за более короткий промежуток времени.

Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. Работа МФЦ строится по принципу «одного окна», в соответствии с которым предоставление услуг осуществляется в одном месте. Сроки предоставления услуг сокращаются благодаря организации взаимодействия ведомств на основании соглашений и административных регламентов, МФЦ выступает в роли организатора процессов предоставления государственных и муниципальных услуг.

В науке тема МФЦ практически не разработана, информации крайне мало, можно отметить труды таких ученых, как Р. В. Голощапов, И. Мальцев, Ю. И. Старилов. Информация о сотрудниках МФЦ отсутствует, ученых интересует в большей степени эффективность предоставляемых услуг, и никто не задумывается о том, что эффективность напрямую зависит от удовлетворенности трудом сотрудников МФЦ, а именно специалистов, которые выступают посредниками между потребителями и государством.

Организация совершенно новая, не изученная, коллектив, состоящий из молодых специалистов, совсем недавно получивших дипломы. Удовлетворенность трудом необходимо изучать, так как от этого напрямую зависит успех развития организации, эффективность оказанных услуг.

Многофункциональные центры находятся не только в городе Абакан, но и почти по всей республике Хакасия. Мы изучали именно абаканских специалистов, так как абаканский МФЦ является центральным и работает уже около трех лет, предполагается, что коллектив более слаженный, условия более устоявшиеся, в отличии от других МФЦ республики. Необходимо изучать удовлетворенность сотрудников, так как, от степени их удовлетворенности трудом зависит эффективность их работы, а значит и всего центра.

Задачи исследования:

1. Выяснить, существуют ли условия, которыми специалисты не удовлетворены.

2. Сформулировать практические рекомендации по улучшению условий для специалистов.

Удовлетворенность трудом оценивалась через следующие показатели:

- режим работы;
- работа с клиентами;
- оплата труда, вознаграждения;
- нематериальные награждения;
- удовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями;
- морально-психологический климат в коллективе;
- объективность оценки работы руководством;
- престиж в общественном мнении работы и организации;
- место трудовой деятельности в системе жизненных интересов;

В опросе приняли участие сотрудники МФЦ, а именно администраторы, специалисты I и II категории по приему (выдаче) документов, юрисконсульты. Всего опрошено 28 респондентов. Опрос сотрудников проводился методом группового анкетирования по месту работы.

В коллективе помимо формальных отношений, существуют и неформальные. Сотрудники постоянно оказывают помощь друг другу, уходят вместе на технические перерывы и обеды, кроме того, на выходных они часто собираются за городом вместе со своими семьями, все это иллюстрирует благоприятный климат в коллективе. Специалисты МФЦ мобильны, способны быстро перестроиться, часто бывало, что работник, специализирующийся, например, на документах УФМС был вынужден пересесть на другое рабочее место и принимать заявителей, желающих получить услугу росреестра. Это связано, прежде всего, с нехваткой специалистов.

В целом, можно сделать вывод о том, что сотрудникам нравится их работа, организация в которой они работают, большинство респондентов отметили, что работают в дружном коллективе, есть возможность продвижения по карьерной лестнице, организация обучает специалистов всеми необходимыми навыками, заработная плата выплачивается вовремя, график и распорядок дня для сотрудников удобен. Занятость между сотрудниками распределяется равномерно, санитарно-гигиенические условия и материальное обеспечение труда респондентов устраивает.

Руководству необходимо пересмотреть свои взгляды по отношению к сотрудникам в плане наказаний и порицаний, сотрудникам необходимо объяснять, за что их наказывают, также необходимо объяснить систему начисления премии, для того, чтобы у специалистов появился стимул, и стремление выполнять больший объем работы. А также обратить внимание на нагрузку сотрудников, например, увеличить количество технических перерывов, возможно, создать условия для их оздоровления и так далее.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Бутина А.В.

Институт философии и права СО РАН
anabutina@yandex.ru

Интеграция профессиональных производителей идей в практики гражданских движений все чаще выступает предметом социально-теоретического дискурса. Так в современной России значительное внимание привлекают к себе сообщества, формирующиеся вокруг экспертной функции – интеллектуалы и представители так называемого «креативного» класса. Их проекты, содержащие критику status quo и обозначающие сценарные условия развития социально-политической и экономической ситуации, все чаще оказываются востребованными не столько элитой государства, сколько институтами гражданского общества, что обуславливает все возрастающую ориентацию интеллектуалов на участие в практиках общественных движений. В социально-философском понимании феномен сотрудничества интеллектуалов и гражданских активистов является и частью более широкого контекста – отражением диалектики объективного и субъективного, идей и действий в динамике общественного процесса. В этой связи целью исследования, представленного в настоящем докладе, является попытка определения гражданского участия интеллектуалов в контексте проблемы соотношения теории и практики.

Следует отметить, что модой интерпретации роли интеллектуалов в обществе служит утверждение о том, что интеллектуалы выполняют функцию создания или конструирования идеологиче-

ских нарративов. Своими корнями такая позиция восходит к идеалам европейского Просвещения, провозглашавшего этику долга и ответственность философов и ученых, представителей аристократии духа, за культурный облик современного им общества. Но и в 1990-е гг. в рассуждениях о Модерне британский социолог З. Бауман указывал на устойчивое понимание культуры как миссионерской деятельности интеллектуалов [1]. Данный подход обладает несомненным эвристическим потенциалом в исследовании социально-ментальной динамики и коренных политических трансформаций вплоть до середины XX века, однако в последние десятилетия утрачивает свою универсальность ввиду возникновения социальных движений нового типа и лишением интеллектуалов прежней монополии на формирование общественного мнения и ценностных ориентаций.

Характерной чертой «просветительской» трактовки роли интеллектуала в обществе является принципиальное полагание дистанции между субъектом воздействия – интеллектуалом и его объектом – социумом, обусловленное особым статусом ученого или мыслителя в обществе. В данном ключе интеллектуал выступал олицетворением разума, носителем идей и смыслов, имманентно присущих социальному порядку, что определяло и само понимание соотношения мира идей и мира действий. Теория и практика здесь, как правило, характеризуется посредством установления причинно-следственных связей: практика понимается либо как применение теории, то есть как её следствие, либо, напротив, как нечто причинное, вызывающее теорию к жизни. Тем не менее, такая констатирующая трактовка не дает ответа на вопрос, почему одни теории трансформируются в действия социальных субъектов, а другие оказываются невостребованными. В этой связи представляется значимым рассмотрение не столько роли идей в социальной практике, сколько значения гражданского участия самих авторов проектов и концепций – интеллектуалов.

Непосредственное взаимодействие с интеллектуалами не раз сопутствовало успеху гражданских движений в новой и новейшей истории России, стран Европы и обеих Америк. Примерами чему выступают поддержка французскими интеллектуалами движения за гражданские права в Алжире в 1950-1960-е гг., диссидентское движение в СССР, деятельность философа и субкоманданте Марко-

са в Сапатистской армии национального освобождения в 1990-е гг. в Мексике, участие интеллектуалов в движении безземельных рабочих в 1980-е гг. в Бразилии и т.д.

Отправной точкой анализа такого сотрудничества служит сама ситуация взаимодействия, представляющая собой своего рода цепочку интерактивных ритуалов здесь и сейчас общения интеллектуалов и гражданских активистов, участники которых испытывают солидарность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают нравственно верным [2]. К примеру, в конце XIX века в России потенциал непосредственного общения был использован движением революционных народников в практике «хождения в народ». В советской России площадками ритуалов выступали академические кружки и домашние семинары, а в середине 1990-х гг. школы и социальные форумы.

В процессе интерактивных ритуалов участники движений наполняются эмоциональной энергией или «моральной силой» (в терминологии Э. Дюркгейма). Сама микроситуация взаимодействия не является чем-то индивидуальным, но «проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро- сколь угодно большого масштаба» [2, с. 67]. Современный теоретик ритуалов интеракции американский социолог Р. Коллинз отмечал, что эмоциональная энергия «заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям, когда эти индивиды находятся вне группы» [2, с. 70]. Эмоциональная энергия перетекает из ситуации «здесь и сейчас» участия в ритуале интеракции в ситуации, когда индивиды находятся в одиночестве. Участие интеллектуалов в практиках самоорганизации граждан представляет собой не просто опыт разового общения, это, как правило, продолжительное взаимодействие, обладающее определенной частотой и регулярностью. В непосредственных личных контактах повышается интенсивность эмоций, а также возможность установления значимой обратной связи. Успех первого взаимодействия выступает фактором положительного подкрепления – обуславливает последующее обращение субъектов гражданской активности к интеллектуалам.

Интерактивные ритуалы влекут за собой важные последствия. В процессе личного общения с лидерами и участниками движений

интеллектуалы способствуют формированию идентичностей, активистских поведенческих установок, а также предлагают формы и методы достижения целей движения. Так в 1970-е гг. посредством публикаций в СМИ и публичных выступлений бразильским интеллектуалам удалось сформировать коллективную идентичность участников движения безземельных рабочих, определить их в качестве пострадавших от действий властей, что способствовало росту гражданской солидарности [3]. В свою очередь, французские интеллектуалы (Ф. Жолио-Кюри, Ж.-П. Сартр и другие) способствовали включению фактов нарушения гражданских прав в общий контекст борьбы за мир и освобождения колоний от гнета империалистических государств. А появившийся в 1960 году во Франции «Манифест 121», подписанный известными деятелями науки, одобрял тех, кто отказывался от участия в военных действиях в Алжире и оказывал поддержку алжирским патриотам [4].

Опыт истории показывает, что интеллектуалы и их идеи определяют и символы движений, принципы и ценности, разделяемые их участниками. А для движений, добившихся успеха – достигших целей или получивших общественное признание, характерно установление устойчивой связи с именем интеллектуала. Часто и сам интеллектуал становится символом движения, как, например, академик А. Сахаров для диссидентского движения в СССР или субкоманданте Маркос для движения мексиканских сапатистов.

Безусловно, в аспекте гражданского участия интеллектуалов отношения теории и практики представляются скорее как частные и фрагментарные. Однако именно в данном ключе практика оказывается совокупностью переходов от одного пункта теории к другому, а теория – переходом от одной практики к другой. По справедливому замечанию французского философа Ж. Делёза, гражданский проект, предлагаемый интеллектуалом, предстает чем-то, вроде, ящика с инструментами [5], а его ценность определяется практической полезностью. Именно включенность в практику, в жизненный мир повседневности, изменяет самого интеллектуала, а значит, способствует развитию теории и поиску новых способов влияния на социальную динамику.

Литература

1. Бауман З. Законодатели и толкователи // Неприкосновенный запас. 2003. № 1(27). URL.: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>

2. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

3. Ondetti G. Repression, opportunity and protest: explaining the takeoff of Brazil's landless movement / G. Ondetti // Latin American politics and society. – 2006. – № 48.

4. Шарль К. Интеллектуалы во Франции Вторая половина XIX века / К. Шарль. – М.: Новое издательство, 2005. – 328 с.

5. Интеллектуалы и власть // Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. - М.: Праксис, 2002.

КОЛЛЕКТИВИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.Г. Гаевский

Новосибирский государственный университет
AleksandrGaevskiy@mail.ru

Сегодня можно выделить традиции коллективизма и индивидуализма. Это дает основания для типологизации общества на соответствующие два критерия: коллективизм и индивидуализм. Следовательно, то общество, в котором преобладает коллективизм, будет таким, где коллектив посредством высокого уровня доверия между членами будет ощущать себя и стремиться действовать как единое целое. Само такое общество, как правило, будет тесно привязано к традициям и нормам, которые были исторически сформированы благодаря развивающейся культуре. Нечто, обладающие в какой-то степени противоположными качествами, соответственно, будет являться обществом с высоким преобладанием индивидуализма. К характерным чертам последнего можно отнести то, что деятельность человека в таком обществе в первую очередь направлена на реализацию собственных интересов, а индивид воспринимает себя свободно от коллектива.

Однако, не все исследователи согласны с таким четким разделением. В противовес приведенному мнению, высказывается нечто иное: что на самом деле подобное деление не может быть устойчивым, а коллективизм и индивидуализм – это сменяющие друг друга переменные, где преобладание одного над другим зависит от определенной уникальной ситуации. Переменные могут изменяться также и на протяжении всей жизни человека. Тем не менее, даже в данной предложенной модели можно выделить общие типичные черты, которые проявляются в культурном контексте.

Таким образом, возникает проблема, которая связана с тем, что есть расхождения в понимании индивидуализма и коллективизма у разных авторов, а потому одно и то же общество одни называют коллективистским, другие индивидуалистическим.

Понятия коллективизма и индивидуализма относительны. Более того, зачастую выделить в обществе какую-то из конкретных сторон весьма проблематично. В коллективизме присутствуют элементы индивидуализма и наоборот. Следовательно, возможно эффективное и неэффективное сочетание того и другого, что проявляется в способности/неспособности к кооперации и проявлению индивидуальной инициативы, в уровне развитости доверия и солидарности.

Данная тема, разделение общества на коллективистское и индивидуалистическое, весьма актуальна в современном обществе. Это связано, прежде всего, с тем, что, когда мы верно определяем тип общества, открывается возможность влиять на него определенным образом, выработав особые подходы к нему, т.е. это поможет максимально эффективно работать с обществом определенного типа, когда дело касается принятия каких-либо решений от лица, например, управленца.

Вполне вероятно, что исследования в данной области могут помочь в преобразовании уже сложившихся социальных институтов внутри определенного общества, таких как: университеты, коммерческие организации, социальные объединения и т.п. Любая коммерческая организация должна функционировать максимально эффективно, и на эту эффективность влияет то, какой тип общественной группы находится внутри данной организации. Именно последнее оказывает непосредственное влияние на её функционирование.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ С КОРЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

С.В. Голубцов

Сведения о взаимодействии православного населения с коренными жителями Алтайского края встречаются как в дореволюционной периодической печати, журналы Странник духовный, Церковные ведомости, Миссионерское обозрение, Православное обозрение, Христианские чтения, Душеполезные чтения, Томские епархиальные ведомости, так и в монографиях посвящённых истории РПЦ. Хотя тема освоения Алтая не нова, но всё множество выполненных работ содержат описание природы Алтая, сведения о миссионерах, описывают встречи, соприкосновение православных с жителями Алтая, описывают быт и обычаи Алтайцев. В этих работах нет анализа факторов, повлиявших на изменение жизни и религии коренных жителей, какие именно формы взаимодействия с местным населением и методы миссионерской деятельности привели к христианизации коренных жителей Алтая? Эти вопросы обуславливают выбор методов, методологию изучения взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края.

Результатом взаимодействия представителями православной религии (миссионеров, переселенцев) стало изменение частью коренного населения образа религиозного восприятия мира и формы ведения хозяйства. Каким образом это стало возможным и как произошло. Возможны различные способы решения этой задачи, в нашем случае требуются универсальные принципы познания и методы, связанные с переосмыслением основ познания, повышения уровня осознанности картины мира то есть философское осознание.

В нашем случае, основным методом исследования следует принять диалектический метод, что позволяет раскрыть специфику духовной культуры жителей Алтая через диалектику общего и единичного, сущности и явления, формы и содержания. При этом подходе с одной стороны культуру можно рассматривать автономной от природы и общества, с другой культура отождествляется в диалектическом единстве с ними. Сама же духовная культура в целом рассматривается как подсистема культуры, безусловно обладаю-

шей определённой автономностью и специфическими чертами, и находящаяся в опосредованной зависимости от системы. Этот подход позволяет проанализировать культурно-исторический процесс как в «линейном» - диахроническом измерении, так и в «плоскостном» - синхроническом. В этом случае появляется возможность осмыслить факторы динамики духовной культуры, её движущей силы как проявление собственных возможностей духовной культуры, имманентных закономерностей её развития не могущих перейти в другое качество, на более высшую ступень религиозного сознания. Христианство является трансцендентным по отношению к язычеству, выявляется единство и противоречие в системе «традиция-новация» в нашем случае приводящей к смене религии.

Важной составляющей исследования являются принципы, используемые современными исследователями о сущности и природе Российской империи рассмотрении разных направлений политики (политической, экономической, конфессиональной). В 19 веке Российская империя переживала кризис, что требовало новых методов управления и формы политической организации. Россия должна была выстроить внутри себя национальное государство с сохранением империи и её принципов. Среди методов реализации конфессиональной политики империи можно выделить создание конфессиональной однородности, подчинение религиозных организаций государству, тем самым, обеспечивая лояльность подданных. Показателем эффективности такого правительственного курса является отсутствие напряжённости и массовых выступлений представителей разных конфессий, а также бесконфликтная смена, переход из одной конфессии в другую. Отражение этих событий в качестве источников можно найти в периодической печати, а также специальных исследований посвящённых жизни русских переселенцев на Алтае, жизни коренных жителей Алтая деятельности Алтайской духовной миссии и миссионеров. Следует также использовать документы, касающиеся этих вопросов имеющихся в государственных архивах. Используя с этой целью специальные исторические методы: историко-сравнительный позволяющий в разных эпохах рассматривать одни и те же процессы, историко-генетический, проблемно-хронологический.

На уровне специальных – исторических методов возможно применение метода «объясняющего понимания» М. Вебера, при

нём достигается соединение объекта и субъекта анализа, включение исследователя во всё многообразие и иррациональность жизни. Перспективен в применении к исследованию метод «Школы Анналов». Основоположники школы М. Блок и Л. Февр призывали историков не переписывать историю, а воссоздавать прошлое, прибегая для этого к помощи смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую. М. Блок, указывал «наука расчленяет действительность лишь для того, чтобы лучше рассмотреть благодаря перекрёстным огням, лучи которых непрестанно сходятся и пересекаются. Опасность возникает с того момента, когда каждый پژوهтор начинает претендовать на то, что он видит всё...». Анналами во главу угла ставились проблемы обобщения и синтеза частных результатов, получаемых науками об обществе и человеке. Стратегия исторического исследования – мыслить масштабными проблемами, но ограничиваться только теми, которые можно проверить только на основе изучения источников. Анналы призывали к широким сравнительным исследованиям, которые должны служить как способом типизации исторических исследований, так и их индивидуализации, а в целом исторического синтеза.

Основой для исторического синтеза является включение изучения источника в исторический контекст (диахронный и синхронный). М.Блок считал что необходимо особое умение задавать вопросы источнику при этом возможности исторического источника зависят от способности историков вопрошать их по новому, с тех сторон, с которых они ещё не изучались, от умения видеть то, что лежит не на поверхности. Поэтому следует различать «намеренные» и «ненамеренные» свидетельства и отдавать предпочтения вторым. Анналам присущи новые приёмы изучения исторических свидетельств, более разнообразных, сложных и гибких. Классификация источников по мнению анналов должна быть приближена к контурам действительности. Основоположники Анналов ввели понятие «менталитет», как особый склад ума присущий людям той или иной исторической эпохи устанавливаемый на основе изучения языка источников. Метод Анналов раскрывается в попытке создания тотальной истории, он описывает все существующие в обществе связи – экономические, политические, социальные, религиозные, культурные, что позволяет наиболее полно показать контакты православного населения с коренными жителями Алтайского края.

Перечисленные методы образуют своего рода триаду применимую к исследованию вопросов взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края, деятельности в этой связи Алтайской Духовной миссии, а также к исследованию вопросов взаимодействия православных жителей Российской империи с представителями других религий и деятельностью в этой связи соответствующих внешних духовных миссий (Киргизской, Кадьякской и других).

Образуемая триада помогает решать следующие задачи:

1) Определить влияние универсальных и специфических демографо-географических, хозяйственных и социально-политических факторов на процесс взаимодействия православного населения с коренными жителями.

2) Выявить общую и локальную религиозную политику властей Российской империи в отношении неправославных конфессий.

3) Охарактеризовать становление миссионерства на исследуемых территориях как инструмента христианизации коренного населения.

4) Реконструировать процесс (формы, методы, характер) взаимодействия православного населения и миссионеров с коренными жителями.

К ВОПРОСУ О БУДДИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Гомбоев

Забайкальский государственный университет, г. Чита
gomboevandrey@gmail.com

Буддизм является неотъемлемой частью религиозной и культурной сфер многих народов Российской Федерации. Исторически сложилось так, что коренные жители Забайкальского края, республик Бурятия, Калмыкия и Тува приняли идеи буддизма и адаптировали их в своем социо-культурном пространстве, переплетая буддийские традиции со своими национальными верованиями и обычаями. Отмечая роль буддизма для бурят Забайкалья, необходимо согласиться с Л.Л. Абаевой, которая отмечает, что «...за всю 400-летнюю историю процесса “буддизации” Забайкалья буддизм сыг-

рал значительную роль не только в религиозной сфере, но и во всей этнической культуре бурятского народа. И уже на рубеже XIX-XX вв. буддийская культура становится, образно говоря, живой душой традиционной культуры народа" [1, с.167]. Кроме того, говоря о столь глубоком влиянии буддизма на этнические традиции, необходимо отметить, что эта религия стала для бурят хранителем их этно-религиозной культуры.

Буддизм, будучи одновременно религией и философией пронизан такими идеями как, идея ненасилия, сострадания, милосердия. Актуальность этих идей извечна. Не исключением является и современная Россия, где наблюдается низкий уровень моральных и духовных качеств граждан. Поэтому буддийские традиции могут играть роль одного из инструментов общественного воспитания. Однако знания большинства граждан о буддизме весьма поверхностны и потребность в изучении принципов и норм буддизма очень низкая. Об этом свидетельствует статистика учащихся, выбравших те или иные направления курса «Основы религиозных культур и светской этики», проведенная государственным учреждением «Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования» в 2014 году. По их данным «46% учащихся в 2013/2014 учебном году выбрали предмет “Основы светской этики”. Из 1393666 учащихся 31% выбрали “Основы православной культуры”, 19% - “Основы мировых религиозных культур”, 4% - “Основы исламской культуры”, меньше 1% - основы буддийской (5231 ученик) и иудейской (161) культур» [3].

Проблемы буддийского образования исследовали такие ученые как В.И. Рудой, Е.П. Островская, Т.В. Бернюкевич, Н.П. Нестеркин и др.

В настоящее время буддийское образование следует рассматривать с нескольких позиций: буддийское образование как часть семейных этнических традиций, как учебный курс основ буддийского мировоззрения в контексте философского учения, а также как неотъемлемую часть профессионального духовного образования буддийского направления. В каждом случае наблюдается разноплановое взаимодействие социально-правовых и этнокультурных сфер общества с преподаванием буддийских концепций и идей. Так, например, буддийские обряды как часть этнической культуры некоторых народов Российской Федерации прочно вошли в их быт и на-

циональные традиции. Буддизм, в данном случае, стал своеобразным инструментом сохранения культурных ценностей этих этносов. В таком случае буддийское образование определенно носит народный характер и не нуждается в каком-либо контроле со стороны органов государственной власти.

Необходимо отметить, что характер такого буддийского образования имеет свои особенности, а именно: синкретизм буддизма с местными национальными верованиями и традициями стирает грань между этими культурами для последующих поколений. Таким образом, передается не тибетский вариант буддизма, а буддизм с элементами иных культур, который основной массой этноса воспринимается как «чистый» буддизм.

Буддизм в государственных образовательных учреждениях преподносится с философской точки зрения, осуществляя воспитательную и образовательную функции в общественном сознании граждан. Обучение буддийской философии в этом случае строго регламентировано государственными стандартами и программами, и не может носить конфессиональный характер.

Также «распространение и развитие буддизма у народов России, исповедующих буддизм, тесно связано с развитием монастырского буддийского образования»[2]. Именно монастырское образование является основой профессионального буддийского образования. Действуя в соответствии с существующим законодательством, буддийские религиозные образовательные учреждения осуществляют учебную деятельность на базе монастырей и храмов, подготавливая студентов к религиозной службе. В России на сегодняшний день осуществляют свою деятельность только две религиозные буддийские образовательные организации: Религиозная организация-учреждение профессионального религиозного образования Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева в Республике Бурятия и Духовное профессиональное образовательное учреждение «Агинская Буддийская Академия» в Забайкальском крае.

Среди населения регионов, где буддизм является традиционной религией, наблюдается достаточно высокий уровень заинтересованности в получении буддийского образования. Однако в остальных субъектах РФ уровень заинтересованности крайне низкий. На наш взгляд, это связано с достаточно слабой осведомленностью

граждан с основными принципами буддийского учения, а также с восприятием буддизма как религии сугубо монголоидной расы. Кроме того, достаточно весомую роль играет в этом вопросе малое количество буддийских учебных заведений на территории Российской Федерации.

Литература

1. Абаева Л.Л. Буддийская культура: инновации и традиции в эволюции религиозных верований монгольских народов // Мир буддийской культуры. Улан-Удэ, 2006. С 164-169.

2. Бернюкевич Т.В. Место буддийского образования в воспроизводстве буддийского типа личности // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. Издательство: Автономная некоммерческая организация "Международный исследовательский институт" (Москва). – 2012. – № 5. – С. 15-22.

3. Статистические данные о преподавании курса «Основы религиозных культур и светской этики» на сентябрь 2014 года // <http://www.interfax-religion.ru/?act=reference&div=95> (дата обращения 02.11.2015 г.).

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕМАРКАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В БОРЬБЕ ЗА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА)⁵

А.И. Евдокимов

Хакасский государственный университет, г. Абакан
aievdokimov@gmail.com

Проблема взаимоотношения и взаимопонимания культур в современную эпоху, которую американский исследователь Самюэл Хантингтон окрестил эпохой «столкновения цивилизаций», приобретает принципиальное значение фактически во всех сферах общественной жизни общества. Одни культуры ближе и понятней, по-

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-6746.2015.6

этому помогают обогащать друг друга, создавать на основе симбиоза что-то принципиально новое, способствуя культурно-историческому развитию принадлежащих к ним народов. Другие культуры занимают противоположные позиции по ряду фундаментальных вопросов миропонимания, поэтому находятся в ситуации различного рода конфликтов.

Можно вспомнить яркий пример европейской колонизации Южной Америки, когда ряд местных племен предпочел смерть после прибытия «белых бегов с Востока», настолько сильным был культурный разрыв всех традиций, веками копившихся в их истории.

Несмотря на существование культурных разрывов, мир с каждым годом становится «меньше». Во второй половине XX века канадский теоретик Маршалл Маклюэн, проанализировав потенциал новых средств коммуникации на общество и спрогнозировав их проникновения в самые отдаленные территории планеты, предложил термин «глобальная деревня», который наглядно демонстрирует степень влияния интегративных процессов на мировое сообщество.

Феномен глобализации, повлекший за собой размывание границ на политических картах мира и способствовавший небывалой за всю историю активизации миграционных процессов, привел к универсализации культуры по западному образцу. Поэтому перед многими этносами и нациями остро встал вопрос о сохранении собственной идентичности в условиях новых тенденций развития мировой цивилизации.

Вопрос определения идентичности связан с определенным рода самовосприятием. Если определенная идентичность ничего не значит для данного населения, следовательно, данное население не обладает данной идентичностью. Если же появляется специфическое условие способствующее пробуждению «национального духа», то это запускает процесс построения определенной идентичности данного населения.

Этнические свойства представляют собой некий поддающийся организации сырой материал, которому можно придать смысл разнообразными способами. Следовательно, они могут стать элементами любого числа идентичностей. В отличие от них национальная идентичность дает организующий принцип, применимый к различным факторам, которые этот принцип затем наделяют значением, превращая их в элементы специфической идентичности. [1, с. 17]

Данные последних социологических исследований на территории республик Хакасия, Тыва и Алтай показали, что миграционный фактор и, сопровождающий его конфликт культур, сегодня является важными маркерами для определения идентичности населения Саяно-Алтайского региона. [2]

Так почти треть респондентов (30,4 %) выделили миграцию в качестве основной причины существования межнациональных конфликтов на территории региона.

К приезду на заработки людей из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии положительно относятся только 12,8 % респондентов, безразлично – 38,5%, отрицательно – 38,9 % респондентов. Похожая ситуация наблюдается в вопросах относительно приезжих из Кореи, Китая, Беларуси и Молдовы.

В вопросе о том, какие меры надо принимать в связи с нарастанием миграции в регионе, варианты связанные с интеграцией мигрантов в социокультурное поле региона оказались наименее популярны. При этом варианты «власти должны ограничить возможность миграции на территории республики» и «полиции и миграционной службе следует тщательно контролировать приезжих» получили 32,9% и 36,4% поддержки респондентов соответственно.

Статистические данные показывают, что население Саяно-Алтайского региона сегодня воспринимает миграцию в качестве значимого маркера самоидентификации. Зачастую, именно мигранты выступают в роли «других», относительно которых местное население проводит границы идентичности. И пока существуют выраженные культурные различия между приезжими и местными, трансформация этих границ будет сопряжена с большими трудностями.

Литература

1. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. – 528 с.

2. Социологическое исследование (июль - сентябрь 2015 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант РГНФ по теме: «Трансформации нацэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (проект № 14-03-00493). Выборочная совокупность – 1000 чел.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНЖЕНЕРА XXI ВЕКА: РЕФЛЕКСИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕК- СТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова, С.В. Рассадин, С.В. Иванов
Тверской государственный технический университет

Инженер XXI века – ключевая фигура в социально-экономическом пространстве современной России, взявшей курс на технологический прорыв в науке и промышленности. Его профессионализация и личностные качества во многом зависят от наличия связи между внутривидовыми и социальными ценностями, диалога естественнонаучного, технико-технологического и гуманитарного мышления. Наличие такой связи определяется характером приобретаемого знания, что позволяет дифференцировать – что и каким способом мы выделяем и рефлекслируем в мире. Актуальность исследования личностного потенциала инженера XXI века и возможностей его рефлексивного психолого-педагогического обеспечения в современных российских образовательных практиках обусловлена блоком теоретических и практических факторов. Первый – сюжеты обоснования, удостоверения теоретического знания в виде рефлексивно-проектной модели инженера, отвечающего современным социально-экономическим требованиям с высоким уровнем сформированности творческого инженерного мышления, презентующей профессиональную социализацию, набор профессиональных умений, личностных ресурсов, ценностных приоритетов, и релевантной оптимизации принятия решений, минимизирующих риск и неопределенность; выработка рефлексивной позиции в отношении вопросов трансляции достоверности (как имеющегося, наличного инженерного знания) к становящемуся, проективному знанию. Второй блок – проблема переноса, имплантации образовательного опыта управления личностным потенциалом инженера XXI века на интервал инновационных процессов в будущих нелинейных профессиональных и социальных ситуациях.

Сегодня приоритетной задачей российской науки, образования и промышленности становится решение проблемы дефицита молодых инженерных и исследовательских кадров в секторе производства, науки и высшего профессионального образования, подго-

товленных к эффективной профессиональной деятельности в условиях риска и неопределённости. Налицо быстрое старение кадров, изменение его качественного состава, отток молодых квалифицированных специалистов из указанных областей в другие сферы социальной деятельности. Это обстоятельство не позволяет ответить на социальные и технико-технологические вызовы современности, системно воспроизводить и закреплять инженерные кадры, обладающие адекватным трансформирующимся социально-экономическим практикам комплексом компетенций, позволяющим осуществлять сугубо инженерные, исследовательские, социально-значимые функции в режиме «общества знания», «эвристично» принимать профессиональные решения.

Возникший в начале XXI века антропогенный кризис, нарушение закона техно-гуманитарного баланса широко обсуждаются сегодня в сфере гуманитарного знания и науки. Отчасти преодоление сложившейся ситуации с непредсказуемыми для человечества последствиями видится на пути решения фундаментальной проблемы диалога естественнонаучной и гуманитарной парадигм в понимании перспектив выживаемости человечества, гармонизации технически ориентированного инженерного интеллекта и гуманитарного мышления, опирающегося на антропологические и социоэкологические ценности. Это актуализирует исследование наличной констелляции личностных и профессионально важных качеств инженера, диагностики меры специального знания и социогуманитарного опыта, задающей жизнеутверждающий вектор развития. Труд инженера сегодня моделируется как профессиональная ситуация множасьихся рисков и неопределенности, требующая наряду с традиционной профессиональной подготовкой дополнительных субкомпетенций. Разрабатываемый в отечественной гуманитарной науке и персонологии конструкт личностного потенциала обладает объяснительной возможностью для изучения «корзины» и динамики личностных характеристик профессионала, соизмеримости разнонаправленных инженерных компетенций, направленных на решение задач открытого типа. Личностный потенциал инженера рассматривается как генерализованная (личностная, субъектная, когнитивная) возможность к самоизменению, самоменеджменту в профессиональной и социальной среде. Конструкту личностного потенциала имплицитны такие взаимозависимые переменные, как

развитое рефлексивное сознание, автономия, рациональность, ответственность, волевые и лидерские качества, которые наиболее ярко демонстрируют себя в актах принятия решений.

Профессиональная деятельность инженера сегодня сопровождается быстрой трансформацией социальных и технологических практик. Это инициирует когнитивную гибкость и ускоренную профессиональную адаптируемость к новым видам знания, к изменению целей и средств деятельности в сложных ситуациях. Узкоспециализированная подготовка инженера с доминантой инженерного интеллекта становится очевидно недостаточной и уязвимой как для глобального проекта «общества, основанного на знаниях», так и для двух комплементарных целей образования: во-первых, ориентации процесса обучения на предельно широкое развитие самого человека и формирование у него личностных качеств, во-вторых, раскрытие индивидуальных возможностей для перманентного когнитивного поиска и поддержания высокого уровня профессионализма. Достижение этих целей видится вероятным при воспроизводстве в процессе обучения таких образовательно-культурных инвариантов, которые обеспечивают мировоззренческую и методологическую глубину для упорядоченного процесса быстрого и качественного усвоения (через рефлексивно-критическое осмысление) самых разных культурно-технологических инноваций, а также инициируют синергию естественнонаучного, технического и гуманитарного мышления. Данное воспроизводство задаётся инструментарием прежде всего гуманитарных дисциплин, создающих фундаментальную основу для восприятия любых социокультурных и профессиональных моделей.

Цель исследования в рамках Центра инженерной педагогики Тверского государственного технического университета состоит в последовательном изучении главных компонентов личностного потенциала инженера, особенностей их констелляций в системе и на различных уровнях высшего образования (прикладной и академический бакалавриат, магистратура, аспирантура) с комплементарным определением возможных механизмов рефлексивного воздействия на данный процесс. Агрегирование «корзины» компетенций будущих российских инженеров, выявление приоритетности сформированного характера знания будет направлено на разработку рефлексивной психолого-педагогической модели профессиональ-

ной подготовки и социализации инженеров, конвергирующей личностные, профессиональные и социально-значимые компетенции. В XXI веке личностный потенциал инженера в полной мере раскрывается в социальных и профессиональных ситуациях, которые «кодируются» как ситуации принятия решений в условиях риска и неопределенности. В связи с этим возрастает интерес к проблеме разработки для системы непрерывного высшего образования моделей принятия решения, в том числе рефлексивно-педагогических, позволяющих преодолеть рост узкой специализации и прикладной прагматизм инженерного мышления.

Формирующаяся сегодня неклассическая теория принятия решения, интегрирующая классическую модель принятия решений и комплементарную ей психологическую теорию принятия решений, моделирует решение задач, которые принято называть открытыми и с которыми сталкивается инженерное мышление в XXI веке. Гносеологическая, техническая, технологическая неопределённость таких задач требует от инженера креативного подхода к разворачивающейся ситуации, когда ни возможные альтернативы, ни тем более их последствия заранее оказываются неизвестными, поэтому поиск вариантов решения в таких ситуациях представляет собой творческий процесс, что требует наличия таких когнитивных, субъектных и личностных качеств, как автономия, ответственность, рациональность, рефлексивность, волевые и лидерские качества. Обучение современного инженера в контексте построения диалога гуманитарного и технического знания навыкам принятия решений в нестандартных условиях и ситуациях, требующих рефлексивной позиции, нелинейного мышления, вариативного выбора условий риска и неопределенности инициирует развитие этих качеств и позволит достичь баланса гуманитарного и технического знания в образовательных практиках.

В проекте осуществляется концептуально-теоретическое исследование личностного потенциала современного инженера, проводится теоретический анализ социально-психологических моделей развития личностных и субъектных качеств инженера с помощью инструментария психологии личности, рефлексивного подхода в образовательных практиках. Планируется проведение комплексного теоретико-эмпирического социально-психологического исследования молодёжи, обучающейся в технических вузах. Выборку эм-

пирического исследования составляют студенты академического и прикладного бакалавриата, магистратуры и аспиранты машиностроительного, инженерно-строительного, химико-технологического факультетов Тверского государственного технического университета и AboAcademi (Финляндия) в количестве 500 человек. Исследование личностного потенциала современного инженера с помощью психодиагностического тестирования осуществляется на базе социологической лаборатории и лаборатории психодиагностики Тверского государственного университета. Психодиагностический инструментарий исследования составляют методики: уровня рефлексивности А.В. Карпова, уровня субъективного контроля Дж. Роттера, волевых качеств личности М.В. Чумакова; толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой; «Личностные факторы принятия решений» ЛФР-25 Т.В. Корниловой, самодетерминации К. Шелдона в адаптации Д.А. Леонтьева; коммуникативных и организаторских склонностей КОС-2 В.В.; творческого потенциала Н.П. Фетискина, КОРТ; технических способностей Беннета. На основании результатов исследования разрабатывается рефлексивно-педагогическая модель личностного потенциала инженера, отвечающего инновационным, научно технологическим требованиям современности и апробируется в практике инженерного образования.

БИОЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.А. Ерохина
Институт философии и права СО РАН
leroh@mail.ru

Развитие технологий, рост потребления и ориентация на скорейшее извлечение прибыли создали в новейшей истории человечества прецедент угрозы его существованию. Негативные эффекты наступления индустриальной и постиндустриальной цивилизации на среду обитания человека особенно существенно проявляются в образе жизни и практике традиционного природопользования населения северных (арктических) и близких им по природным условиям территорий — представителей коренных малочисленных народов

России. Это особая группа граждан независимых государств, коллективные права которых в отношении использования территории их традиционных промыслов закреплены в международном и российском законодательстве.

РФ как субъект международного права и член международных организаций имеет юридические обязательства в сфере защиты интересов данной категории своих граждан. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию Международной организации труда № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятую в г. Женеве на 76-й сессии Генеральной конференции МОТ в 1989 г., тем не менее, ее Конституция содержит правовые нормы, реализующие наиболее существенные положения данной Конвенции.

В соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока РФ» от 1999 г., все организации, ведущие хозяйственную или иную деятельность на территориях общин, занимающихся традиционными промыслами, обязаны произвести оценку рисков возможного ущерба, связанного с последствиями реализации проекта, и скорректировать негативное воздействие на окружающую среду и благополучие населения. В данном законе указывается, что этнологическая экспертиза есть научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса.

Одним из механизмов осуществления данной экспертизы являются общественные слушания, процедура, предполагается участие всех вовлеченных в грядущие изменения субъектов, способных принимать решения или влиять на их исполнение: во-первых, властей, во-вторых, общественности (в том числе в лице самих общин и отдельных представителей коренных малочисленных народов), в-третьих, хозяйствующих субъектов, в-четвертых, потенциальных благополучателей. Степень конфликтности и острота дискуссий определяется в значительной мере включенностью/исключенностью коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в число благополучателей и критериями экспертизы. Тезис об обусловленности критериев экспертизы глубиной участия и степенью рефлексивности ее субъектов в статье будет обоснован на примере результатов социологического исследований 2014 г., осу-

шественного в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и Республике Алтай (РА).

«Наступление» нефтедобывающих кампаний на хрупкую природу северных территорий (ХМАО) не оставляет без последствий образ жизни и практики природопользования северных народов: ограничивается доступ к родовым территориям, осложняется ведение традиционных промыслов, погибают священные для хантов и манси места. Правительство РФ, региональные и муниципальные органы власти Югры вынуждены принимать определенные меры, способствующие выравниванию существующих диспропорций между нефтегазовым сектором и сферой традиционного хозяйства, где определяющими являются формы, основанные на самозанятости населения. Это позволяет, хоть и в незначительной степени, компенсировать тот ущерб, который наносится хозяйственной деятельностью предприятий сырьевого сектора природе Севера и традиционному хозяйству его коренного населения.

В данной ситуации достаточно просто выделяются стороны конфликта и его субъекты, охарактеризуются их интересы, определяется законодательная база. Однако есть конфликты иного рода, конфликты со сложной структурой, в которых одни и те же физические лица выступают сразу в нескольких субъектных ипостасях. Его примером может быть сложившаяся в РА ситуация. Республика Алтай никогда в своей истории не переживавшая индустриального бума, поэтому не может опереться на ресурс промышленных гигантов, испытывая давление на свою экосферу. туристическая привлекательность региона, достигающая своего пика в курортный сезон, становится причиной не только роста экономической состоятельности домохозяйств, но и серьезной экологической угрозы. Поскольку в республике отсутствует современная туристическая инфраструктура, прием и размещение туристов превращается в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, ориентированный на сиюминутное извлечение прибыли. В погоне за выгодой в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия. В конечном итоге, ущерб наносится значительный, однако в отсутствии источников его компенсации он не покрывается ничем. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда одни и

те же лица в краткосрочной перспективе являются благополучателями, но в долгосрочной несут ущерб.

В данных обстоятельствах возрастает значение критериев экспертизы. Дилемма, которая встает перед представителями КМНС, заключается в следующем: воспользоваться ли компенсацией от причиняемого ущерба «здесь и сейчас» или отказаться от краткосрочной выгоды в пользу сохранения «нетронутой» среды для будущих поколений.

Данные социологических исследований, предпринятых автором, свидетельствуют об ориентации на стремление «жить сегоднешним днем». Подтверждением этого тезиса является эмпирически зафиксированное на представительном массиве социологических данных расхождение двух показателей социального благополучия КМНС: состоянием удовлетворенности своим настоящим положением и уверенностью в завтрашнем дне.

В ответе на вопрос «довольны ли Вы сейчас в целом своей жизнью» более половины респондентов из числа представителей КМНС в Югре дали положительный ответ (51,5%). Не совсем довольных было 39,7%, и совсем недовольных лишь 2,9%. На Алтае ситуация также позитивна: вполне удовлетворены своей жизнью в целом 65,1% опрошенных представителей КМНС (теленгитов), не совсем довольны – 25,6%, не довольны – 0% (!).

В то же время большинство хантов и манси солидарны оценке своего будущего: 61,2% из них считают, что их будущее находится под угрозой, и лишь 17,9% считают, что их будущему ничего не угрожает.

Данные, полученные в Республике Алтай, показывают, что мнения опрошенных представителей коренных малочисленных народов разделились, не выявив явной позитивной или негативной оценки перспектив развития. Настораживает значительное число – треть опрошенных – затруднившихся предположить, что ждет их в будущем. В то же время больше половины русских и казахских респондентов считают, что будущему коренных малочисленных народов в РА не угрожает ничего: здесь данные подтверждают феномен, зафиксированный в ХМАО (представители некоренных народов обоих регионов не видят опасности для будущего КМНС). Интересно, что с ними не согласны половина опрошенных алтайцев, которым, как представляется, ближе и понятнее стоящие перед

КМНС проблемы: 51% из них считает, что будущее КМНС находится под угрозой.

Сопоставление двух показателей социального самочувствия – удовлетворенности своей жизнью в настоящем и неуверенность в будущем – подтверждает гипотезу о том, что на уровне повседневных практик жизни КМНС сохраняется устойчивая ориентация «жить сегодняшним днем». Такая стратегия КМНС как субъектов экспертизы, представляющих общественность, не позволяет в полной мере оценить потенциальные риски, заставляет многие общины в погоне за сиюминутной выгодой идти на поводу у властей и хозяйствующих субъектов. Неоднозначность такого выбора обостряет необходимость обсуждения моральных критериев экспертизы, ее принципов и процедур принятия ответственности.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

А.А. Ерышева

Новосибирский государственный университет

nastya_erysheva@mail.ru

Современный мир сложно представить без развитой системы управления, а эффективный менеджмент является одним из наиболее влиятельных факторов в развитии страны. Управление есть рациональная целенаправленная человеческая деятельность, и одним из важных функций такой деятельности является принятие решений.

Принятие решений есть некий волевой акт, при котором субъект при оценке риска той или иной альтернативы делает выбор в пользу более эффективной стратегии поведения по отношению к объекту управления. Принятие эффективных решений обеспечивает грамотная и достоверная информация об объекте. Коммуникация становится тем самым «передатчиком» информации от источника к субъекту. В этом аспекте на первый план становится вопрос о соотношении затрат и результата этого «передатчика».

Особенно остро он встает в современном мире, так как появляется общество, в котором знания и информация выходят на первый план. Есть множество подходов к определению современного

общества, но формулировка У.Бека и Г. Бехманна, которые понимают современное общество как общество риска, включает в себя большинство характеристик присущие современному обществу. С ростом количества информации и знаний возрастает и скорость обмена информацией, как следствие возрастают риски в связи с принятием решений.

С изменением специфики общества меняется неким образом механизм принятия решений. На передний план выходит коммуникация, как основной фактор. А коммуникация предполагает наличие субъекта коммуникации, особенности его интеллектуальной деятельности, так как она предполагает ситуацию, где реализуются интеллектуальные возможности человека [Сорина, 2014].

В управлении под субъектом, занимающимся проблемой принятия решений, понимается лицо, принимающее решения (ЛПР). ЛПР может быть как индивидуальным (руководитель отдела, директор предприятия), так и коллективным (совет директоров, акционеры). Но всегда принятие решения есть результат чьей-либо деятельности, то есть даже если производились какие-то сухие «бездушные» расчеты с помощью математических формул или брались объективные данные, в конечном итоге решение зависит от ЛПР, то есть от субъекта. А так как носитель информации в принятии решения ЛПР, то есть субъект, то важно понимать значимость роли того, кто принимает решение А «объективность принятого решения в любых ситуациях включает в себя субъективность ЛПР» [Сорина, 2014].

В заключении стоит отметить, что в управлении невозможно исключить субъекта, особенно в управленческой деятельности в современном обществе, а роль коммуникации в принятии решений, как носителя «субъектности» бесспорно важна. Главный вопрос в данном ключе заключается в том, сколько коммуникативных отношений эффективно в принятии управленческого решения

Литература

Сорина Г.В. Коммуникативный характер управленческих решений // XII всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 – 2014 – Сборник тезисов, МГУ им. М.В. Ломоносова [электронный ресурс] //

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.И. Заседателева
Институт философии и права СО РАН
e.zasedatel@mail.ru

Обычно к молодежи относят людей в возрасте от 16 до 30 лет. Однако в зависимости от социально-экономических и других факторов (в частности, продолжительности жизни людей, приобретаемых молодыми людьми профессий и специальностей и т.п.) нижняя и верхняя границы могут быть сдвинуты.

Условно молодежные проблемы в современной России можно разделить на следующие группы:

□ Проблема снижения рождаемости.

В начале 90-х гг. XX века наметилась тенденция снижения рождаемости. Большинство молодых людей не имеют братьев или сестер, не хотят иметь несколько детей. Происходит снижение доли молодежи в составе населения, что приводит к его старению.

□ Состояние здоровья молодежи.

Загрязнение окружающей среды и работа на вредном производстве негативно влияет на состояние здоровья населения. Кроме развития хронических заболеваний зачастую возникают патологии протекания беременности и внутриутробного развития плода.

Также в настоящее время высок процент молодежи, имеющей вредные привычки. Ряд школьников впервые пробует курить в 7-8 лет, к возрасту 16-17 лет курит около 71% молодежи. Большинство подростков начинает употреблять алкоголь в 13-15 лет.

Одно из проблем молодежного алкоголизма является невысокая эффективность лечения, связанная с невысоким социальным опытом и отсутствием «базы», к которой хотелось бы возвращаться.

Проблема наркомании так же актуальна в настоящее время. Средний возраст начала приема наркотических средств составляет 15-17 лет, 60% употребляющих наркотики – молодежь в возрасте

16-30 лет. Наркозависимость имеет тенденцию быстро прогрессировать, около 90% наркоманов имеет ВИЧ или СПИД, так же наркомания является детерминантой для совершения различных правонарушений [1].

Токсикомания больше распространена у подростков 12-17 лет, но так же встречается у молодежи. Так же в настоящее время высок процент изменения сознания с помощью спайсов и курительных смесей, которые в последнее время были приравнены к наркотическим веществам.

Рост психических заболеваний тоже является проблемой, которая затрагивает молодежь. К причинам психических заболеваний относят глобальное изменение сознания и общественных отношений, вызванное распадом СССР, невротизация населения, вызванная участвовавшими катастрофами и терактами. Так же в стране высок процент депрессий и вытекающих из этого суицидов.

□ Снижение интеллектуального уровня молодежи. Данная проблема может быть вызвана ухудшением качества школьного образования, проявляющемся в натаскивании детей на сдачу ЕГЭ, а не преподавании и широком обзоре материала.

□ В современной России наблюдается резкий всплеск правонарушений, в том числе их самой опасной формы – преступлений, проявляющихся в различных сферах общественной жизни [2].

Несовершеннолетние также нередко совершают противоправные действия. К причинам относится рост беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, который встречается как в довольно благополучных семьях, так и в неблагополучных. Родители могут с утра до вечера пропадать на работе и не заниматься детьми, или не устанавливать с ними доверительные отношения. Так же высокий процент безнадзорности у детей из детских домов.

□ Отсутствие единой системы ценностей.

В настоящее время отсутствует единая государственная система ценностей. Если до революции 1917 г. были широко распространены христианская парадигма, которая частично сохранялась до 1930-х гг.[3], позже ей на смену пришел комсомол, то сейчас нет единой системы ценностей. В наши дни осуществляются попытки возродить скаутские движения, православные молодежные клубы, но все это проводится без государственного заказа, что существенно снижает эффективность мероприятий. Знакомство детей с обще-

принятыми ценностями проводится, в основном, в семье, школа в меньшей степени является агентом культурной социализации.

□ Проблема получения образования и самоопределения.

Молодые люди, в основном, после окончания школы, встают перед проблемой выбора своего пути в жизни. Он должен решить необходимо ли продолжать образование и если да, то в какой области. Так же в это время возникает проблема независимости и самоопределения – человек хочет отделиться от родительской семьи, жить отдельно, начать самостоятельную жизнь.

□ Проблема трудоустройства тоже возникает перед молодыми людьми. В наше время существует недостаточный престиж рабочих профессий, молодые люди слабо мотивированы их получать. Вместе с этим существует переизбыток малоквалифицированных специалистов с высшим образованием и завышенными требованиями к поиску работы, которые по этой причине не могут трудоустроиться.

В крупных городах легче найти работу, чем в малых городах или селах. Зачастую в селе может быть несколько рабочих мест, которые заняты на годы вперед и человек становится перед выбором: начинать вести свое подсобное хозяйство или менять место жительства и переезжать в город. Сельское население уменьшается, что приводит к закрытию ряда социальных учреждений (перепрофилизация поликлиники в фельдшерско-акушерский пункт, девятилетней школы в начальную), что вызывает еще больший отток жителей из деревни.

Литература

1. Калабеков И. Российские реформы в цифрах и фактах Москва, 2007.
2. Криминология: Учебник / Под ред. А.И. Долговой. М., 2002.
3. Цеханская К.В. Россия: тенденции религиозности в XX веке // Исторический вестник, №5 (1 за 2000 г.), сайт Воронежской епархии, ноябрь 2000 г.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

Н.В. Игнатова

Магнитогорский государственный технический университет им.

Г.И. Носова

nadja11b@mail.ru

Тенденции развития современного общества создают условия, при которых отношение к образованию становится все более неоднозначным. Усиливается дифференциация ожиданий и требований к системе образования, проявляющаяся в выборе типа образовательного учреждения, уровня, содержания и форм образования.

На сегодняшний день, система образования – это высокоразвитые дифференцированные, многоуровневые социальные системы непрерывного совершенствования знаний и навыков членов общества, выполняющие важнейшую роль в социализации личности [3]. Образование выступает фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры общества являясь каналом социальных перемещений и социальной мобильности. Однако необходимым условием при этом выступает общность интересов и целей института образования и общества, в котором оно функционирует. В первую очередь это должна быть общность интересов школы и родителей, как непосредственных заказчиков образования. Ключевыми, в данной случае, выступают интересы, направленные на поддержание здоровья ребенка, организацию учебно-воспитательного процесса, стабилизацию социально-психологического климата в ученическом коллективе, досуг учащихся и другое.

В итоге изменяется положение института образования в социальной иерархии. Если традиционно он считался самостоятельным, имеющим определенный набор функций, то теперь все больше определяется необходимость его совместной деятельности с институтом семьи.

В связи с этим у родителей, как заказчиков образования, появляется возможность быть не столько объектами, сколько субъектами образовательного процесса. Родители в структуре образовательного процесса начинают занимать качественно новое место, они проникают во все пространство школы, входят в систему обра-

зования. У них появляется возможность выбора. Однако это накладывает на них ряд обязательств, как перед ребенком, так и перед школой, от осознания и исполнения которых зависит успешная социализация ребенка.

Результатом включения родителей в институт образования стали ФГОС, согласно которым кардинально меняется весь процесс обучения. Если раньше школа была тем местом, где ребенка научали, то теперь учитель выполняет роль некоего координатора учебной деятельности, направляя ребенка. Новые стандарты – это попытка придать взаимодействию родителей и школы принципиально новое значение, ведь их ключевая идея – это общественный договор между личностью, семьей, обществом и государством [2].

Согласно идеям ФГОСов, во-первых, между школой и родителями должна быть информационная открытость. Во-вторых, должны быть объединены возможности и ресурсы школьной и родительской общественности. В-третьих, необходимо привлечение родителей к управленческой деятельности. Однако основная проблема заключается в том, что родители не понимают, что они сами становятся субъектом образования. Зачастую они даже не знают о своих основных правах в рамках образования детей, а если и знают, то предпочитают не участвовать в нем, так как такой традиции придерживается сама школа, закрываясь от родителей. Но теперь, в условиях модернизации системы образования школы поставлены в новые условия стандартизации, усложнения, индивидуализации и государственно-общественного управления. Они стоят перед необходимостью самостоятельного обеспечения процесса социализации (включающего и обучение, и воспитание, и развитие личности) [3]. Однако для того, чтобы процесс социализации был полным, необходимо согласие между семьей и образовательным учреждением. Для этого необходима постоянная работа с родительской общностью, их просвещение и рефлексия, которой и является оценка родителями качества образования как системы, как процесса и как результата. Оценки качества образования выступает выражением институциональных функций, родителями учащихся, являющихся непосредственными заказчиками.

В рамках данной проблемы нами было проведено социологическое исследование, целью которого было изучение оценки качества образования родителями учащихся начальных классов школ

городов Республики Хакасия. При этом, качество образования в оценках родителей рассматривается как категория, характеризующая результат образовательного процесса, отражающего: уровень сформированности общетеоретических знаний, практических умений и навыков выпускников; уровень интеллектуального развития, нравственных качеств личности; особенности ценностных ориентаций, определяющих мировоззрение; активность и ответственное творческое отношение к действительности, проявляющееся в деятельности.

Именно по данным вопросам родители выставляли свои оценки, причем как школам, занимающимся по ГОС, так и школам, занимающимся по ФГОС. Сравнение полученных результатов показало, что введение ФГОС оказалось на данный момент не эффективным способом преодоления институционального кризиса, в который попала современная школа. Нацеленный на преодоления кризиса семьи и школы, ФГОС не оказал должного влияния на функционирование ни первых, ни вторых. Причиной этого служит возможная фиктивность его введения, поэтому говорить о степени его эффективности в преодолении кризиса семьи и школы на данном этапе невозможно.

Литература

1. Бикметов Е. Ю. Взаимодействие семьи и школы в социализации индивида // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 26.
2. Добренькова Е. В. Социальная морфология образовательного дискурса: теоретико-методологический анализ. автореферат [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-01-18-33-07> (дата обращения 25.04.2014).
3. Запорощенко Л. А. Взаимодействие с родительской ответственностью в рамках реализации новых образовательных стандартов // Методические рекомендации по внедрению федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.calameo.com/books/001122411f30928c7244a> (дата обращения 3.05.2014).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КОРРЕКЦИОННОЙ ШКОЛЫ⁶

А.А. Костюнина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
polnoch88@mail.ru

В последнее время рынок образовательных услуг, государство обязывают школы больше ориентироваться на общество. От того, какое мнение сложится у людей, столкнувшихся со школой или информацией о ней, зависит ее репутация на многие годы. Для коррекционной школы VIII вида (для отстающих в умственном развитии) всё это особенно актуально: от общественного мнения зависит то, с каким желанием родители будут отдавать в нее детей, учителя – устраиваться на работу, партнеры – оказывать школе помощь. Это важно и для самих детей, так как обычная школа, надомное обучение и даже коррекционный класс лишают должной помощи в развитии, обучении и интеграции ребенка в социум.

Это обуславливает потребность школ найти достойную форму себя. Некоторые из них осознали важность целенаправленного создания положительного имиджа для привлечения внимания, повышения своей конкурентоспособности. Однако это значительно усложняется тем, что определенные репутация и имидж уже существуют в сознании населения, сформировавшись на основе стереотипов. Они часто становятся барьерами для успешного восприятия населением подаваемого имиджа [2, С. 79].

Особенно это касается специальных школ, так как о них в целом существует жесткий стереотип в виде общественного мнения как о «школе для отстающих», «школе для слабо-умных». Однако практика показывает, что стереотипы всё же реагируют на новую информацию. Изменение поведения учителей, распространение слухов, противоречащих стереотипу, дезориентирует человека. Это может в дальнейшем может привести к корректировке стереотипа, если стереотип недостаточно закреплён в сознании.

Средством, которое может сломать стереотип, должен стать имидж. Имидж как сознательно создаваемый образ создается для

⁶ Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6)

формирования благоприятного отношения к объекту. Устойчивый позитивный имидж школы сегодня можно рассматривать как важный современный ее компонент и как дополнительное средство ее развития. Сильный позитивный имидж облегчает доступ образовательного учреждения к лучшим ресурсам: финансовым, информационным, человеческим. Формирование имиджа является первым шагом для построения «хорошей» школы.

Можно выделить наиболее важные компоненты имиджа школы как образа конкретного учебного заведения:

1. Представление об уровне комфортности школьной среды. Основные составляющие – взаимоотношения ученик-ученик, учитель-учитель, и ученик-учитель, отношение к физиологическому и духовному развитию и здоровью детей. Коррекционная школа может выиграть в этом, делая доступной достоверную информацию об особом, щадящем режиме – уменьшенной продолжительности занятий, сокращенном количестве учеников, организованном режиме труда-отдыха, усиленном питании.

2. Представление о качестве образовательных услуг. В качестве услуг может быть отнесен вклад школы в развитие образовательной подготовки учащихся, их творчества, воспитанности. Для коррекционной школы это важный компонент, так как именно она способна дать ребенку образование специальными методами и содержанием обучения, что не сможет сделать для него обычная школа.

3. Представления о стиле и культуре школы. Под стилем школы принято считать ее самобытность, неповторимость. Специфика школы для особых детей уже заложена в ее главном назначении – она максимально повышает возможность интеграции в общество де-тей, имеющих проблемы здоровья или отклонения в развитии, открывают для них реальные социальные перспективы.

4. Образ учителей. Нередки случаи, когда в СМИ учитель коррекционной школы представляется в образе маньяка, садиста и насильника.

Естественно, на все эти представления по-своему влияют стереотипы населения: где-то полностью замещают информацию о школе, где-то сталкиваются и искажают ее.

В июле 2014 года был проведен зондажный опрос жителей города Абакан, целью которого было выявление текущего имиджа

коррекционной школы (стереотипов), в которой обучаются дети, отстающие в умственном развитии. Всего опрошено 300 респондентов.

В ходе исследования выяснилось, что только треть респондентов знают о существовании в городе школы, где обучаются дети, отстающие в умственном развитии, и четверть что-то слышали о ней. В целом уровень информированности населения о существовании школы представлен следующим образом: 23,5 % респондентов знают лишь о самом факте существования коррекционной школы; То, что там учатся дети-инвалиды, знают 38,2 % опрошенных. Таким образом, представления населения города о предназначении данной школы достаточно узки и поверхностны.

Более половины респондентов считают, что дети, отстающие в умственном развитии, должны обучаться в коррекционной школе, а 36 % респондентов считают, что детям-инвалидам лучше обучаться в коррекционном классе обычной общеобразовательной школы. Лишь 6 % опрошенных считают, что дети-инвалиды должны обучаться только в обычной школе, вместе с другими детьми.

На вопрос «Считаете ли Вы, что выпускники коррекционных школ и классов становятся равными среди выпускников других общеобразовательных учреждений?» Ситуация почти равносильная: 49% респондентов считают, что выпускники будут иметь одинаковые возможности, а 42 процента с этим не согласны.

Значительная доля респондентов (73%), у которых есть дети или внуки, в возрасте до 18 лет, смогли бы отдать своего ребенка в коррекционную школу по состоянию здоровья. Ни при каких условиях не отдали бы ребенка в коррекционную школу 14,3 % родителей.

В случае рекомендации специалиста около 50 % опрошенных отдали бы своих детей только в коррекционную школу, так как в таких школах есть необходимая помощь и особая программа обучения. 24,2 % респондентов выбирают обычную школу, так как ребенок, по их мнению, будет стараться тянуться за здоровыми детьми и что в ней он не будет чувствовать себя изгоем. Остальные предпочли бы коррекционный класс средней общеобразовательной школы, считая, что он сочетает в себе все необходимое для особого ребенка.

Несмотря на многие благоприятные моменты, выявившиеся в ходе опроса, очевидно, что люди, только задумавшиеся об этом вопросе, не могут ответить по-другому. Когда родители напрямую сталкиваются с подобными проблемами, они демонстрируют резко негативную реакцию, порой не желая отдавать ребенка даже в коррекционный класс обычной школы. Они вполне естественно принимают физические отклонения ребенка, но не умственные или психические. Это связано не совсем с имиджем школы, а в первую очередь с образом детей, обучающихся в ней. Следовательно, необходимо проводить дополнительные детальные исследования, включающие эту сторону вопроса, а также вопросы, проверяющие искренность респондентов.

Для того чтобы изменить общественное мнение о коррекционной школе, необходимо внедрять в общество ее положительный имидж. В свою очередь для этого необходимо изучение удовлетворенности школой учителями, учащимися, родителями; распространение новостей об успехах в деятельности школы. В этом может помогать сайт школы и связи со СМИ. Кроме того, необходимо установление эффективной обратной связи с внешней средой [1]. Мнение больше определяется событиями, чем словами, поэтому какие-либо действия на пользу учеников могут привести к распространению благоприятных слухов.

Литература

1. Давлетшина С. Р. Имидж образовательного учреждения в области культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pandia.ru/text/77/287/40611.php> (дата обращения 13.10.2014).

2. Зеленецкая Т. И., Костюнина А. А. Механизмы взаимодействия школы и местного сообщества в процессе государственно-общественного управления [Текст]. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2010. – 118 с.

КУКЛА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

О.В. Кураева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
kuraeva_olesya@mail.ru

Уже с раннего детства нас окружают игрушки и куклы. Через них мы познаем окружающий нас мир. Поэтому, чрезвычайно важно, что мы видим, с чем мы играем. Кукла – это не просто материальный объект или вещь, но это еще и идея. Кукла помогает ребенку социализироваться, обыгрывая какие-либо жизненные ситуации, получить опыт. Например: девочки играют в игру «дочки-матери», тем самым репетируя свою будущую роль матери или ребенка; мальчики играют в солдатиков, выполняя роль защитника, воина, покровителя.

У куклы есть очень важные признаки. Во-первых, это ее манипулятивность (играя в куклу, девочка совершает с ней разные действия). Во-вторых, это многослойность (слои – тело, одежда, волосы и т.п.) В-третьих, игровой признак, предусматривающий эмоциональный и физический контакт. Следует отметить, что кукла выполняет ряд социальных функций:

1. Мифологическая;
2. Обрядовая;
3. Игровая: развлекательная;
4. Игровая: социализирующая.

На самом деле, этих функций намного больше, но, на основе анализа научных источников, мы вывели 4-е наиболее важные и значимые для нашего исследования функции. Но в нашем исследовании мы будем делать акцент на развлекательную и социализирующую функции [4].

Игровая-развлекательная и игровая-социализирующая функции очень тесно связаны между собой. Одна функция напрямую зависит от другой. Играя в куклу, ребенок не только развлекается, но еще и социализируется. Ведь самые важные вещи мы доносим до детей через игры. Поэтому, чрезвычайно важно, какая кукла попадает ребенку в руки. Потому что девочки уже с раннего детства стремятся быть похожими на кукол. Они подражают им как внешним видом, так и поведением.

Кукла выполняет абсолютно все функции, только какие-то в меньшей степени, а какие-то в большей. Например, кукла Барби несет в себе 4-е выше перечисленные функции, но развлекательная и социализирующая функции доминируют над мифологической и обрядовой.

За всем своим пафосом, куклы не несут никакой духовной наполненности. Раньше детям приходилось фантазировать, наряжать куколок и строить им дома. А что теперь? А теперь у детей есть готовые куклы, которые живут в роскошных домиках и носят шикарные и дорогие вещи.

Кукла всегда была важной ступенью в обучении детей, игрушкой и в итоге оказалась средством изменения человека (как в рамках управления массового сознания, так и в рамках психотерапии).

Кукла – антропоморфный объект, объект созерцания, объект манипуляции. Но в мире современного ребенка кукла не просто обнаруживается, она активно вторгается в этот мир, вынуждает и принуждает ребенка к контакту с собой.

Принудительность и «активность» куклы, во-первых, обусловлена опосредующим характером, коммуникацией «родитель-ребенок». Кукла, конечно, не сама приходит в детскую комнату. Ее покупают родители. Это они выбирают ее из богатейшей номенклатуры, руководствуясь своими представлениями о том, какая кукла гипотетически должна понравиться ребенку или будет полезна для него [2].

Во-вторых, активная позиция куклы в коммуникации с ребенком обусловлена также тем, что кукла – продукт индустрии и агрессивной рекламы. Кукол много, они разнообразны, и их количество и разнообразие преследует единственную цель – навязать маме и ребенку свой продукт.

Здесь возникает парадокс: с одной стороны, приобретенная кукла, в ходе игры, должна разбудить, развить фантазию ребенка; с другой стороны, именно доведенная до пределов антропоморфизма кукла в наименьшей степени годится для развития фантазии по сравнению с самодельной. Чтобы увидеть в соломенной култышке «человека» или «душу» усилий требуется больше, чем в манекене [6].

Современная кукла несет на себе характеристики технической цивилизации и потребительского рыночного общества. Она стала массовой, серийной. Игрушка, в частности кукла, не является те-

перь исключительно атрибутом «детской жизни», она является частью взрослой жизни и подчиняется законам рынка. Кукла несет в себе новое ценностное содержание [5].

Но чем же руководствуются мамы, выбирая своим детям куклы. Ведь кукла занимает далеко не последнее место в социализации ребенка. В связи с этим, все это можно отнести к проблематике куклы в широком методологическом смысле. Отношение к кукле гипотетически является показателем гораздо более широко спектра характеристик самого человека, что помимо чисто теоретической ценности сулит большой методологический и методический эффект.

Есть все основания предполагать, что в диалоге «человек-кукла» атрибут активности постепенно переходит от куклы к человеку. Не кукла становится антропоморфной, а человек - куклоподобным.

Для подтверждения нашей гипотезы, требуется дальнейшее более глубокое изучение данной проблемы, т.к. исследований в данном направлении очень мало.

Литература

1. Голубева Ю. О. Кукла в координатах индивидуально-психологического и социокультурного бытия: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук: 09.00.11: Москва, 2000.

2. Горалик Л. Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи / Издательство Новое литературное образование, 2005.

3. Живая кукла. Сборник статей / Сост. С. Ю. Неклюдов, Д. Н. Мамедов. М., 2009.

4. Морозов И. А, Слепцова И. С. «Пространство личности» и пространство игры: ситуативный анализ / Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов; СПб: Изд-во ЛИСКА, 2009.

5. Морозов И. А. Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) / Актуальные проблемы фольклористики. [Вып. 1]. М.: Изд-во МГУ, 2002.

6. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной культуре и проблема двойственности (в контексте идеологии антропоморфизма) / Живая кукла. Сборник статей. М., 2009.

МИГРАНТЫ В НОВОСИБИРСКЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

С.А. Мадюкова
Институт философии и права СО РАН
sveiv7@mail.ru

Современные социокультурные российские реалии таковы, что факт миграций в Россию, и в Новосибирск в частности, из стран ближнего зарубежья ни у кого не вызывает удивления. Вместе с тем, причины, по которым мигранты прибывают в Новосибирск, могут различаться, как и сроки, и характер их пребывания в городе. Несмотря на то, что проблематика взаимоотношений мигрантов и принимающего сообщества является достаточной «молодой» для нашей страны «для России вопросы международной миграции стали актуальны в предшествующие два десятилетия, т. е. после распада Советского Союза и последующими за этим социально-экономическими, политическими и военными потрясениями». [4, С. 62], эта тема приобретает всё большую социальную и научную актуальность в связи с весьма интенсивными миграционными потоками. Стоит согласиться с И.М. Кузнецовым, что «в России высокие темпы прироста инокультурного населения в крупных и средних городах России порождают ряд серьезных социальных и политических проблем. Не последнее место среди них занимают интенсивный рост этнофобий» [2, С. 3-4]. Потенциальным следствием интенсивных миграционных потоков является рост антимигрантских настроений в принимающем сообществе: «распространенные в аналитиках СМИ, научных и научно-популярных изданиях выкладки экономического, демографического и прочего характера, подтверждающие необходимость приема мигрантов, рассуждения о квотах, трудонедостаточных или избыточных отраслях и регионах, не выглядят в глазах общественного мнения убедительным аргументом в пользу толерантного отношения к мигрантам и их специфическому образу жизни» [2, С.10].

Стоит отметить, что восприятие принимающим сообществом мигрантов построено на своего рода «мифах» о последних, что искажает реальные цели и потребности мигрантов и является препятствием успешной взаимной адаптации. Нами выявлены несколько узловых моментов, где существующие в обществе «мифы» о ми-

грантах искажают реальную картину. К таким мифам мы отнесли следующие.

1. Гомогенность. Принимающее сообщество воспринимает мигрантов как гомогенную группу, с общими целями и едиными поведенческими практиками. Вместе с тем, с увеличением миграционных потоков, увеличивается и разнообразие целей, с которыми мигранты прибывают на территорию России, а также средств достижения этих целей и, наконец, личностных характеристик мигрантов.

2. Временность. Принимающее сообщество воспринимает мигрантов, как людей, приехавших в Россию временно, чаще всего – на короткий срок, на сезон. В. Малахов, рассуждая о российском государстве и российском обществе, отмечает, что «они находятся под властью фикции временности. Иллюзии, согласно которой трудовые мигранты, находящиеся сегодня в России, завтра вернутся на родину. Истина, однако, в том, что значительная доля тех, кого считают «гостевыми рабочими», здесь не в гостях. Они намерены жить в России постоянно, рожая и воспитывая здесь детей. И многие уже доказали серьезность своих намерений – вопреки бюрократическим препонам и недобросовестным работодателям» [3, С.8]. Объективно же большинство мигрантов приезжают в Россию (в частности, в Новосибирск) на достаточно длительный срок, в том числе – на постоянное место жительства.

3. Искаженное восприятие исторического и географического контекста. Историческая память зачастую не срабатывает в формировании гетеростереотипов. Показательным примером является в целом положительное и уважительное отношение к современным жителям Германии: они не воспринимаются современными россиянами как «потомки фашистов». Отношение же к мигрантам из регионов Средней Азии и Кавказа в целом хуже, несмотря на то, что представители этих регионов до недавнего времени были жителями одной страны (СССР), а некоторые и в настоящее время являются россиянами (выходцы из Дагестана, Чечни и т.д.).

4. Социокультурная специфика. Отличия в языке, религии, антропологические отличия, отличия в системе ценностей создают эмоциональный фон, в рамках которого принимающим сообществом мигранты воспринимаются как иные, чуждые, и при этом «пришедшие в Тулу со своим самоваром». Ярким примером здесь может служить традиционная семейная ценность детей и многодетность как

характерная черта сообщества мигрантов, которая зачастую воспринимается в принимающем сообществе как угроза роста численности представителей Среднеазиатских и Кавказских регионов за счет рождаемости, что в будущем приведет к диспропорции численности представителей принимающего сообщества и мигрантов.

5. Иррациональный характер этнического неприятия. Восприятие иностранцев, в частности, трудовых мигрантов, нередко формируется под влиянием информации в СМИ, в сети Интернет и даже «по слухам». Как отмечает Р.Э. Бараш, «в условиях невысокой интенсивности контактов с инациональными группами коренное население в большинстве своем относится к ним неприязненно, зачастую на основании предрассудков и страхов, сформированных через СМИ и слухи» [1, С. 96]. Нередко встречается этническое неприятие мигрантов, не подкрепленное никакими объективными фактами. Так, по данным ВЦИОМ, в 2010 г. каждый второй респондент, заявлявший об этнических антипатиях, не мог назвать конкретных причин неприятия представителей других народов и наций. Остальные ссылались на опасения, связанные с угрозой террористических актов (13%) и нежелание приезжих считаться с нормами и обычаями, принятыми в России (11%). По 6% опрошенных раздражала внешность, манера поведения мигрантов, низкий уровень культуры и контроль определенных сфер бизнеса, 4% были убеждены, что приезжие отнимали рабочие места у местного населения (4%)» [4, С. 66].

По выводам социологического исследования, проведенного нами в Новосибирске в 2013-2014 году, межнациональные отношения чаще оцениваются новосибирцами в негативном ключе, к мигрантам в городе относятся плохо. По результатам опроса негативно к мигрантам относятся 42% респондентов, при том, что 25% из них отмечают, что они практически не соприкасаются с ними лично, что подтверждает существование у новосибирцев установки, что к мигрантам следует относиться негативно (отметим, что число респондентов, в сумме относящихся к мигрантам нормально или положительно – 35%). При этом результаты опроса показывают, что всего 4% респондентов считают, что новосибирцы в целом относятся к мигрантам положительно, тогда как противоположного мнения придерживаются в 5 раз больше опрошенных: 21%. Отметим при этом, что при исследовании конкретных факторов, формирующих негатив-

ный фон межэтнических взаимодействий выяснилось, что подавляющее большинство респондентов за последние полгода не сталкивались ни с драками на межнациональной почве (ни разу за последние полгода – 63%, редко – 27%), ни со случаями неуважения обычаев или традиций русского народа (ни разу за последние полгода – 56%, редко – 28%), ни с деятельностью этнических преступных группировок (ни разу за последние полгода – 84%, редко – 10%), ни с националистической или религиозно-экстремистской пропагандой (ни разу за последние полгода – 74%, редко – 20%); редко (38%) или даже ни разу (44%) за последние полгода русские респонденты не встречали также оскорблений или угроз по национальному признаку. Таким образом, можно предположить, что негативная установка по отношению к мигрантам, не нуждающаяся в каком-либо обосновании действительно имеет место быть в Новосибирске.

Результатом сложившейся картины является адаптация мигрантов в принимающем сообществе Новосибирска по пути анклавизации. Причинами анклавизации мигрантов является несовпадение ожиданий принимающего сообщества и мигрантов (мигранты, исключенные из социальных связей, вынуждены создавать собственную мигранто-ориентированную инфраструктуру, основными потребителями услуг которой и являются сами мигранты. В мигрантскую инфраструктуру включаются этно-мигрантские объединения, «этнические» кафе и медицинские центры, посреднические фирмы и мигрантские сети. Мигранты таким образом стремятся снизить уровень дискриминации и защитить себя с помощью институтов миграции и неформальных практик, изолируясь от принимающего общества. Обратной стороной анклавизации является усиление в принимающем сообществе значимости мифа о попытке захвата мигрантами территориальных, экономических, административных ресурсов. В глазах русского населения Новосибирска мигранты предстают сплоченной и активной группой людей, поддерживающих друг друга и привносящих свои религиозные и национальные традиции в жизнь города. Как следствие, они воспринимаются как несущие определенную угрозу образу жизни, традициям и повседневным практикам принимающего сообщества.

Корректирование ситуации, как представляется, состоит в двух основных задачах, а именно смена вектора адаптации мигрантов с анклавизационного на интеграционный с одной стороны, и

преодоление мигрантофобии за счет развенчания описанных выше мифов у принимающего сообщества – с другой.

Литература

1. Бараш Р.Э. Фигура Другого как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. №1(107), январь-февраль.

2. Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дисс. к.соц.н. – М., 2006. Официальный сайт Института социологии РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (дата обращения: 21.04.2015).

3. Малахов В.С. Введение. Государства, миграции и культурный плюрализм: определяя рамки обсуждения // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции / Общ. ред. В.С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. – М.: «Издательство ИКАР», 2011. – 266 с.:илл.

4. Солодова Г.С., Гомзова В. В. Международная миграция - принимающее общество и иноэтничные мигранты // Вестник НГУ. Серия Философия – 2013. - №2. - С.62-67.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ РАЗДЕЛЕННОГО ЭТНОСА

Т.Т. Мамонов

Институт философии и права СО РАН
temur12345@gmail.com

Как представляется, содержание феномена разделенного этноса (или разделенного народа), при достаточно частом употреблении в социально-гуманитарной сфере наук (и, особенно, в этносоциологии), не достаточно уточнено.

Весь период существования феномена разделенности народов – это вечная борьба народа за самоидентификацию, за воссоедине-

ние после произошедшей раздробленности. За последние двадцать лет эта проблема вновь получила актуальность.

Желание этноса воссоединиться, а тем более на территории, которая исторически принадлежала ему, в подавляющем большинстве случаев ведет к конфликтным ситуациям, ввиду заселения этой территории другими народами. Разделение народов одним из негативных следствий имеет международную напряженность и этнополитические конфликты, об этом сегодня красноречиво свидетельствуют события на Ближнем Востоке, сопровождающие консолидацию народа.

В большинстве случаев социальные и политические конфликты, сопровождающие разделение этноса, вызваны противоположными по направленности процессами:

- Склонностью разделенного народа к самоидентификации через объединение, сохранение и развитие всего накопленного «культурного багажа» на территории, подконтрольной иностранному государству;
- Деятельностью государств, в состав которых входят этнически раздробленные общности, по сохранению своей территориальной целостности.

Ввиду того, что Россия всегда являлась ареалом обитания народов, подвергшихся по тем или иным причинам раздробленности, наша страна в той или иной мере всегда старалась выступать регулятором межнациональных отношений на своей территории. В качестве примера такой регуляции на государственном уровне можно привести Указ президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» от 07.05.2012 г.

В западных странах феномен разделенных народов в политической и исторической науке также занимает довольно значительное место. Анализ работ, посвященных проблемам разделенности отдельных народов, позволяет заключить, что феномен разделенного этноса часто определяется как этническое сообщество, территория обитания которого разделена между двумя или более государствами [1].

При этом, часто в качестве примера разделенного этноса в отечественной научной литературе приводятся курды. Этот народ является самым ярким представителем яростной, кровопролитной

борьбы за построение своего государства. Также встречаются упоминания об азербайджанцах, осетинах, басках.

В то же время, почти никогда категория разделенности не относилась к немецкому народу, который на протяжении практически полувека был раздроблен на два государственных образования, также сюда стоит включить корейцев, разобщенных до настоящего времени.

Стоит подчеркнуть, что ряд отечественных ученых подвергают сомнению возможность вывести четкое определение этому феномену, говоря о том, что разделенные народы представляют собой «некий этнокультурный и этнополитический феномен, не имеющий ни правового, ни строго научного определения, но, тем не менее, оказывающий влияние на внутри- и внешнеполитическое развитие государств» [2].

Здесь хотелось бы предложить свой вариант определения данного понятия, заложив в его содержание новые характеристики для отражения более широкого спектра влияний феномена разделенных народов как на формирование политического климата на международной арене, так и в структуре самого разделенного этноса: «разделенным народом признаётся сообщество группы людей, в силу исторических событий изменивших населенную территорию проживания, и разделенных между двух и более государственных образований, при этом самоидентифицирующих себя как единую общность на основе кровнородственных и иных связей.

Опираясь на данное определение, следует выделить следующие характеристики разделенной этнической общности:

- 1) территория расселения подобных народов разделена политическими границами двух и более государств;
- 2) этническая самоидентификация превалирует над гражданской;
- 3) активные представители разделенных этносов проводят пропаганду в целях укрепления единства и единомыслия.

Таким образом, интересующий нас феномен обладает целым рядом характеристик, отличающих его от близких категорий, таких например, как этнические меньшинства или диаспоры, и т. д. [3].

При анализе разделенного этноса представляется важным как смотреть на проблему через призму исторического обоснования претензии разделенных народов на территорию, так и принимая во

внимание современную самоорганизацию разделенного народа в политическом контексте, а также готовность и желание представителей этих народов к борьбе за права и свободы своего народа.

Также следует учитывать обратную сторону феномена разделенного этноса, когда данная категория может быть использована для разжигания межэтнической конфликтности: речь идет об умо-заклечениях, посвященных разделенным народам, в которых обосновываются их права на территорию для разжигания этно-территориальных конфликтов и сепаратизма.

Литература

1. Данное определение можно вывести на основе таких работ, как: Gavan S. Kurdistan: Divided nation of the Middle East. L., 1958; Safrastian A. Kurds and Kurdistan. L., 1948.

2. Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. – М.: «Научная книга», 2002. С. 5.

3. Определения терминов «этнические меньшинства» и «диаспоры» см. например: Садохин А.П. Этнология. Учебное пособие. – М., 2001. С. 211, 251; Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 5.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.В. Недорезова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Индивидуальные стратегии в профессиональном переобучении не могут реализовываться продуктивно без укрепления различных сторон положения их носителей. Поэтому целесообразно рассмотреть, как повышение квалификации и профессиональная переподготовка влияет на различные аспекты статуса обучающихся работников. Цель дополнительного профессионального образования специалиста связана с достижением его профессионально-личностной зрелости. И главная роль здесь отводится акмеологической функции ДПО. Однако, сегодня в системе ДПО превалирует экономическая функция. Что проявляется в удовлетворении собственных потребностей экономики и производства.

Весьма актуально изучение вершины профессиональной зрелости человека (акме) - многомерное состояние, которое охватывает значительный по протяженности этап его жизни и демонстрирует, насколько он состоялся как профессионал в какой-то области деятельности. С социологической точки зрения применимы такие понятия как мотивы и установки, которыми оперирует взрослый обучающийся, а также внешние факторы, воздействующие на человека посредством ДПО. Противоречие в следующем, если же человек не имеет свободного выбора, осуществляемого в соответствии со своими интересами и возможностями, то он снимает с себя внутреннюю ответственность за продуктивность своего обучения. Что приводит к неполноценной адаптированности индивида к трансформирующейся профессиональной и экономической среде.

По результатам нашего социологического исследования выявились мотивационные и ценностные ориентации учащихся, а также их представления в оценках системы Дополнительного профессионального образования. В опросе приняли участие учащиеся по программе «Иностранный (английский) язык в основной школе», которая адресована дипломированным специалистам.

Дополнительное профессиональное образование в полной мере влияет на самосовершенствование личности, однако самой личностью это не осознается до конца. Руководствуясь личностными мотивами при получении дополнительного образования, на выходе специалист видит реализацию своих приобретенных знаний, умений и навыков лишь в профессиональной сфере. Особо это проявлено у лиц со средним специальным образованием. Неработающие респонденты стремятся к поиску новых возможностей. Их главной целью является расширение кругозора и самосовершенствование. Женщины на первый план ставят такие жизненные ценности как семья, здоровье, образование и самосовершенствование. Мужчины также семью и здоровье, а далее работа, материальное благополучие и независимость. Степень удовлетворенности самим процессом обучения и условиями оценен выше среднего. При этом выделяя высокий уровень преподавания в системе ДПО ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Необходимо, чтобы программы дополнительного профессионального образования развивали в специалисте творческую личность, потому что рынок труда не устойчив, его условия диктуют какие профессиональные качества и не только должны присутство-

вать в специалисте. Креативное мышление, огромный кругозор, разносторонние знания, вот что должно быть в приоритете при повышении квалификации или переподготовке кадров.

Литература

1. Бауман, З. Образование – при, для и несмотря на постмодернити // З. Бауман. Индивидуализированное общество; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – С. 155 – 175.

2. Вершовский С.Г. От образования взрослых к непрерывному образованию [Электронный ресурс] / Под науч. ред. Н.А. Лобанова, В.Н. Скворцова // Непрерывное образование в интересах устойчивого развития. - Материалы 11-й международной конференции. – СПб. – 2013. – URL: <http://lifelong-education.ru/index.php/ru/literatura/neprieryvnoe-obrazovanie-kak-sotsialnyj-fakt/145-ot-obrazovaniya-vzroslykh-k-neprieryvnomu.html?showall=1&limitstart=> (дата обращения 20.09.2014).

3. Ключарев Г.А. Дополнительное профессиональное образование: особенности, эффективность, перспективы // Социологические исследования. – 2010. – №2. – С. 83-91.

4. Образование в Российской Федерации. 2007: стат. Ежегодник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 455.

5. Попова И.П. Влияние дополнительного профессионального образования на положение работников различных социально-профессиональных групп // Социологические исследования. – 2010. – №2. – С. 92-100.

6. Тюрин Э.И. Дополнительное профессиональное образование как адаптационный ресурс специалистов в современном российском обществе (региональный аспект) [Электронный ресурс]: автореферат / Э.И. Тюрин – 2013. – URL: http://dissov.pnzgu.ru/files/dissov.pnzgu.ru/2013/soc/avtoreferat_tjurinei_2013.pdf (дата обращения 20.05.2014).

ПАРАМЕТРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ В РЕГИОНАХ СИБИРИ

О.А. Персидская
Институт философии и права СО РАН
olga_alekseevna@mail.ru

На территории Российской Федерации совместно живут, взаимодействуют и развиваются более 190 разных народов. Национальный вопрос для России является одним из самых сложных и актуальных, особенно в последнее время, когда интенсивность миграционных потоков возрастает, внешнеполитические события способствуют разжиганию этнических противоречий, а экономические сложности приводят к усугублению общей социальной напряженности граждан России. В области социально-гуманитарных наук тема этничности, и, в частности, этнической идентификации, достаточно активно разрабатывается. В то же время, при наличии значительного числа исследований на тему особенностей этнической идентификации представителей не русских народов в границах российского государства, как представляется, тема идентичности самих русских в России иногда уходит на второй план.

Анализ различных параметров этнической идентичности сделан на основе проведенного сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН массового опроса. Опрос проходил в 2014 г. в трех регионах Сибири: Ханты-Мансийском автономном округе, Новосибирской области и в Республике Алтай, всего было опрошено более 1 000 чел. Анализ статистики для данной статьи сделан на основе данных, собранных в наиболее крупных городах каждого из регионов – в Сургуте, Новосибирске и Горно-Алтайске. Под идентичностью имеется в виду процесс соотнесения себя с некой группой и осознание сопричастности с ней. Идентификация как процесс соотнесения себя с группой и идентичность как результат этого процесса являются необходимыми составляющими социальности человека: так он конструирует свое «я» и встраивается в социум. Структура идентичности многомерна, но в фокусе данного исследования находятся лишь некоторые ее аспекты: национальная или гражданская идентичность, собственно, этническая идентичность (выраженная в отождествле-

нии себя со своим народом), а также региональная и локальная идентичности, то есть восприятие себя как жителя своего региона, как сибиряка и как горожанина.

Анализ данных показал, что, при достаточно высокой степени актуальности всех параметров этнической идентичности для опрошенных русских, наиболее выраженной является гражданская идентичность – от 85 до 90 % респондентов в каждом регионе заявили о важности и актуальности ощущения себя россиянином.

Примечательно, что, по сравнению с гражданской, этническая идентичность не столь сильно выражена у опрошенных русских, и у новосибирцев и сургутян находится на втором месте после гражданской, а у жителей Горно-Алтайска – на третьем. При этом представляется интересным, что факторы, составляющие основное содержание этнической идентичности – знание языка, культуры и традиций своего народа и стремление передать это знание своим детям – выражены у опрошенных русских гораздо сильнее, нежели сама по себе важность этнической идентичности. Здесь же следует отметить зафиксированное у русских угасание религиозной функции, которая тоже, как представляется, отчасти связана с этничностью и подкрепляет ее. При этом важность соблюдения религиозных обрядов своего народа не утратила своей актуальности для опрошенных представителей других народов во всех обследованных регионах: если данная функция важна только для 65 % опрошенных русских в Сургуте, 53 % – в Новосибирске и 52 % в Горно-Алтайске, то среди других народов ее важность отметили 87 % представителей народов Средней Азии из Сургута, 89 % опрошенных кавказцев из Новосибирска и 89 % алтайцев, а также все опрошенные казахи и представители коренных малочисленных народов из Горно-Алтайска.

Параметры региональной этнической идентичности были заданы в исследовании сравнением показателей «я – сибиряк» и «я – житель своего округа (для г. Сургута), или республики (для г. Горно-Алтайска)» (для Новосибирской области данный параметр не вошел в инструментарий исследования). В сравнении с представителями других национальностей, русские в целом активнее ассоциируют себя именно с сибирской идентичностью, тогда как, например, у алтайцев и представителей КМНС Республики Алтай и ХМАО активнее выражена республиканская/окружная идентичность.

Анализ локальной идентичности, представленной в исследовании уровнем своего города, позволяет заключить, что для новосибирцев важность данного параметра хотя и выражена несколько менее, чем описанные выше, все же является достаточно актуализированной – о том, что им важно чувствовать себя жителями своего города заявили 68 % опрошенных. В Сургуте локальная идентичность оказалась на одном уровне с этнической и находится на втором месте после гражданской (74 %).

Заключая, следует отметить, что анализ данных массового опроса, проведенного в трех крупных городах Сибири, позволяет сделать вывод о достаточно сбалансированной структуре разных параметров этнической идентичности у русских, принявших участие в обследовании. Так, при общем для всех опрошенных доминировании гражданской идентичности, также в достаточной степени выраженными являются и этническая, и региональная («сибирская»), и локальная ее составляющие. Как представляется, такой баланс между параметрами идентичности является наиболее благоприятным и для отдельной личности, и для общества в целом. Также нужно отметить, что в ходе сравнительного исследования не обнаружено значимых отличий в структуре этнической идентичности ни у русских из разных регионов Сибири, ни между русскими и представителями других народов. Все это позволяет предположить наличие оснований для полноценного развития полиэтнических общностей в рамках единого национального государства.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ АНАРХИЗМА: СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ И АНАРХО-ПРИМИТИВИЗМ

Д.Б. Поляков

Забайкальский государственный университет, г. Чита
polyakov.dimka@yandex.ru

Социально-философская теория анархизма – теория, рассматривающая отношения власти в обществе, выраженные главным образом в институте государства, как коренные причины эксплуатации и социально-экономического неравенства и оформившаяся во второй половине XIX века благодаря работам П.Ж. Прудона,

М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и других мыслителей, со второй половины века XX пережила новый виток, связанный с изменениями в политической, экономической и научной сферах человеческого общества. Возникновение различных неортодоксальных концепций анархизма относится преимущественно к социальным движениям 1960 70-х годов. По словам немецкого анархиста Габриэля Куна, «разочарование как в капиталистически-парламентской модели общества, так и в советском государственном социализме..., исходящее из антиколониальной борьбы “Третьего мира” вдохновение, а также фрустрация от “одномерного”, фиксированного лишь на упрямом экономическом прогрессе человека создали во многих странах политические и культурные протестные движения с выраженными анархистскими чертами» [4].

Особую роль в развитии анархизма в XX веке приобрела концепция экоанархизма (или зелёного анархизма), рассматривающая взаимосвязь экологических проблем с социально-политической структурой капиталистического общества. Для экоанархизма в целом характерно критическое отношение к современной цивилизации и технологиям, формирующим комплексную систему с множеством институтов принуждения (капитализм, государство, наука, глобализация, разделение труда, подневольный труд) которые для поддержки своего существования эксплуатируют и разрушают окружающую среду. Эксплуатация же природных ресурсов осуществляется путём эксплуатации людей.

Экоанархизм представлен двумя основными течениями, по-разному рассматривающими проблемы использования современных технологий, характера современной цивилизации – социальной экологией и анархо-примитивизмом (или антицивилизационным анархизмом).

Философия социальной экологии либертарного толка была изложена её основателем, американским профессором Мюрреем Букчиным (1921–2006). В предисловии к своей книге «Реконструкция общества» Букчин следующим образом обрисовывает круг проблем, затрагиваемых социальной экологией: «Экология в моей книге отчасти есть средство выражения фундаментальных проблем социальных изменений. Разрушение природного мира на Западе и Востоке, Севере и Юге помимо всего прочего есть социальная проблема. Исторически идеология доминирования человека над миром

природы происходит из подавления человека человеком, и иерархического превосходства старших над младшими (геронтократии), мужчины над женщиной (патриархата), и, в конечном счете, привилегированных статусных групп и экономических классов над менее привилегированными. Надеждам на то, что человечество сможет жить в рациональном равновесии с природным миром не суждено исполниться, пока мы не прекратим доминирование и иерархию в социальном мире. Такой смысл я вкладываю в слова “социальная экология”» [3, с. 12].

Букчин подчёркивал значимость технологического контроля над природными явлениями и процессами (энергия ветра, солнечная энергия и т.п.) в жизни современного общества. Однако проблемы, которые связаны с современными технологиями и их деструктивным влиянием на окружающую среду, он усматривал не столько в неконтролируемом и чрезмерном их развитии, сколько в рыночной экономике, «которая стимулирует конкуренцию, а не сотрудничество, которая основана на эксплуатации, а не на жизни в гармонии» [2].

Анархо-примитивизм, в свою очередь, характеризуется радикальной критикой достижений современной цивилизации. По мнению представителей этой концепции, переход от общества собирателей и охотников, структура которого определялась социально-экономическим равенством и отсутствием иерархии, к сельскохозяйственной культуре стало отправной точкой зависимости от технологического процесса, стимулировавшего разделение труда и отчуждение, и властных структур, контролирующих этот процесс. Индустриализация, с точки зрения анархо-примитивизма, авторитарна по своей сути, поскольку механизированная система производства всегда предполагает принуждение. Ради поддержания этой системы необходимы завоевание земель и опустошение их ресурсов, в том числе и невозобновляемых, изгнание с этих земель этносов и народностей и т.д. Отсюда же исходит критика капитализма, культивирующего механизированный труд и потребительскую ориентацию в человеке. Наиболее известным теоретиком этого направления на сегодняшний день является американский социолог Джон Зерзан (1943), призывающий в своих работах к возврату к первобытному строю собирателей.

В целом экоанархизм находит поддержку в анархическом движении. Экологические акции, инициируемые анархистами про-

тив уплотнительных застроек, строительства АЭС, вырубке лесов и т.д. нередко имеют конструктивные последствия и пользуются поддержкой общественности. Однако некоторые методы, применяемые экоанархистами, предполагают применение вредительских, а иногда и насильственных мер. Наибольшей же критике со стороны самих анархистов подвергается именно анархо-примитивизм за его идеализацию прошлого и отрицание возможности демократического устройства будущего с рациональным использованием технологических достижений.

Литература

1. Анархо-примитивизм // Анархопедия. URL: <http://rus.anarchopedia.org/примитивизм#> (дата обращения 25.04.2013).
2. Букчин М. Мы – зелёные, мы – анархисты // Международная ассоциация трудящихся. URL: <http://www.aitrus.info/node/724> (дата обращения: 10.04.2013).
3. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зелёному будущему. Нижний Новгород: «Третий путь». 1996. 190 с.
4. Кун Г. Анархистские перспективы // Anarcho-News Info. URL: <http://anarcho-news.com/news-765> (дата обращения: 08.04.2013).

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ТРЕТЬЕЙ МИССИИ» УНИВЕРСИТЕТА

А.И. Поцелуева
Новосибирский государственный университет
supernatural_66@mail.ru

Функции и задачи образования в разных научных дисциплинах рассматриваются по-разному, и это зависит от характера их предмета и развитости их проблемного поля. Так, в традиционной советской педагогике определение этих задач концентрировалось вокруг проблемы формирования личности [Осипов, 2002]. В этом воплощается трансляция определенного типа культуры (одобряемо-

го государством), а значит, и организованная социализация и социальный контроль над молодежью. Это, пусть еще недостаточно точное определение, данное в свое время Дюркгеймом, уже указывало на такие функции образования, как подготовка индивидов к их социальному предназначению (то есть к будущему социальному статусу), поддержание связи между личностью и обществом, обеспечение тем самым целостности общества.

Проблема, которая возникла и все ярче проявляет себя в российском обществе – это несоответствие уровня классического университетского образования требованиям общества. Это можно проследить в первую очередь в «системе рейтингов» (рейтинг инновационных университетов мира Рейтерс 2015 (The Reuters Top 100 Most Innovative Universities 2015), рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education, Топ-10 университетов в QS University Rankings: BRICS 2015, рейтинг высшего образования Universitas 21). Проблема, касается в большей части университетов в России, чем в европейских странах. Система рейтингов наглядным образом показывает, что наши университеты занимают далеко не лидирующие позиции, а иногда вообще не попадает в список. Это является ярким примером того, что с образованием в стране не все в порядке, а значит, и с университетами тоже.

Для того чтобы выявить основные принципы успешных университетов (такowymi мы будем называть университеты, которые занимают лидирующие позиции в мировой системе рейтингов), необходимо обратиться к истории развития университетов. Зафиксируем, что будет подразумеваться под понятием «университет».

Университет – это высшее учебное заведение, в котором происходит не только обучение универсальному знанию, но и проводятся научные исследования, развиваются культура, производство новых знаний, а также обслуживающая деятельность для ближайшей социокультурной среды [Задонская, 2005].

Система образования выстраивается с учетом запроса общества и развития общества. Она формировалась в соответствии с требованиями времени: каждый временной отрезок сопровождался своими особенностями образования, а соответственно, и определенными траекториями развития классических университетов. Несмотря на явные различия между университетами Запада и России, можно все же определить их общее ядро, а именно: эффективная

связь преподавания и научной деятельности; наличие широкого самоуправления; освоение студентами фундаментальных знаний; свобода преподавания и свобода выбора студента. Сохранения этих принципов и обеспечивало развитие университетов и всей системы образования.

Литература

1. Осипов А. М. Функции образования в обществе // Образование и общество: научный, информационно-аналитический журнал. – 2002. – №1 [электронный ресурс] // URL: http://www.jeducation.ru/1_2002/osypow.html, (дата обращения 15.04.15).

2. Задонская И. А. История развития университетского образования // Философский век // Альманах. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. – №29, Том №2. – С. 141-147.

ПРАВОСЛАВИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Т.В. Романенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита
tasyaroman0991@mail.ru

Современный мир – мир, в котором стираются границы культур, способов мышления, где культуры активно взаимодействуют друг с другом, что, на сегодняшний день, играет огромную роль, как в существовании культуры, так и в её развитии.[1, стр.6]

С середины XX века в процессе взаимодействия культур, идут значительные изменения в его содержании и направленности.[1, стр.6] Нарастает интенсивность культурных контактов, повышается стремление к их рефлексии, возросла необходимость в их сознательном регулировании. На данный момент мы можем говорить о том, что, с одной стороны, межкультурная коммуникация, приводит к созданию некоего единого пространства мировой культуры, с другой – стремление к сохранению специфики разных культур.

Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических и межнациональных отноше-

ний. [2]Диалог культур, прежде всего, должен выступать как примиряющий и предупреждающий возникновение войн и конфликтов фактор. Он призван снимать межнациональную и межкультурную напряжённость, создавать обстановку доверия и взаимного уважения, что на сегодняшний день является одним из важнейших факторов. Главными отличительными черта диалога культур являются взаимопонимание и заимствования. Если во взаимопонимании предполагается единство, сходство, тождество, то заимствования вносят свежую струю и дают толчок прогрессивному развитию. Заимствования обычно сливаются с существовавшей ранее однопорядковой чертой воспринимающей культуры либо подвергаются переосмыслению в новом культурном контексте.[3,стр. 95]

Путей сближения различных культур множество – политические, экономические, религиозные и др. Например, сближение России и Китая началось не только в советский период, но значительно раньше, ещё в дореволюционные годы. Этому сближению в значительной степени способствовало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также православие. Так как духовная культура находится в неразрывной связи с религией, то диалог культур “это не просто взаимодействие народов, но и глубокая их мистическая связь, укорененная в вероисповедании”. Следовательно, диалог культур не возможен без диалога религий и диалога внутри религий.[4]

Миссионерство как явление религиозной культуры можно рассматривать в двух аспектах: содержательном и функциональном. В содержательном плане анализируются задачи и методы миссионерской деятельности, особенности религиозного сознания, интерпретация и толкование вероучительных догматов. В функциональном плане анализируется специфическая роль миссионерства в межкультурных контактах, [5,стр. 21] т.к. именно благодаря своей главной цели (передаче и распространения христианства) миссионерство активно включается в процесс межкультурного взаимодействия. [6,стр. 15]

Русская Православная Церковь осуществляет свою миссионерскую деятельность согласно выработанной ею концепции, в которой вопрос о состоянии современного миссионерского поля является ключевым для определения направления, методов и способов развития православной миссии. [7]

В последние годы идет интенсивный диалог Русской Православной Церкви с Государственным управлением Китая по делам религий. Целью регулярных поездок представителей РПЦ в Китай и переговоров, которые ведутся с государственным Управлением по делам религии, является нормализация православной жизни в Китае.

Православие для китайцев является русской религией, однако православие начинает приобретать национальный китайский характер и становится частью культурной традиции этой страны. Богослужение переводится на китайский язык, появляются новые священнослужители-китайцы, которые проходят обучение в России, чтобы затем вернуться на родину и служить в соответствии и китайскими традициями и китайским законодательством. В целом, миссионерская деятельность Русской православной церкви приводит к расширению межнациональных связей и способствует культурному взаимовлиянию.

Литература

1. Бернюкевич Т.В. Взаимодействие культур: формы и механизмы: учебное пособие/ Т.В. Бернюкевич; Забайкал. Гос. Ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 140с.
2. Н.В. Кокшаров «Взаимодействие культур: диалог культур». «Электронный ресурс» - режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/352/28/> (дата обращения: 3.11.2015)
3. Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур; Просвещение Ленинград, 1965. – 267с.
4. Кокшаров Н.В. «Взаимодействие культур: диалог культур». «Электронный ресурс» - режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/352/28/> (дата обращения: 3.11.2015)
5. Волнина Н.Н. Роль Русской православной церкви в формировании социокультурного пространства Забайкалья (конец XVII – начало XX в.в.): монография/ Н.Н.Волнина. – М.: Университетская книга, 2015. – 128с.
6. Карташева Н.В. Русское православное миссионерство как явление культуры; На примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова)// Автореф. дисс. канд. культурологии. – М., 2000

7. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви «Электронный ресурс» - режим доступа: file:///C:/Users/Admin/Desktop/Konzeptzia.doc (дата обращения: 27.10.2015).

ЛОЖНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ

И.В. Сапон

Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
irina.sapon@bk.ru

Создаваемый образ человека в Сети часто может отличаться от своего первоначального образца. Регистрируясь в интернет-сообществах (блогах, чатах, играх, соцсетях, форумах и пр.), участники могут менять свою внешность, возраст, пол и расу. Мы попробовали понять: зачем люди трансформируют себя в Сети и создают вымышленных персонажей?

Впервые особенности сознательного конструирования личностного поведения в обществе подробно описал И. Гофман в книге «Представление себя другим в повседневной жизни» [1], обозначив понятием «само-презентация» сознательно управляемую передачу некой информации о своей личности с целью произвести определенное впечатление на окружающих. Н. Дёринг в работе «Социальная психология Интернета» разграничил понятия «онлайн-самопрезентация» и «онлайн-идентичность», понимая под первым черты личности постоянного пользователя в Сети, а под вторым □ черты пользователя, разово появившегося в сообществе (например, в чате) и разово использовавшим «ник». По мнению Н. Дёринга, их можно отличить по таким параметрам, как даты регистрации и последнего посещения, активность и т. д. [2].

Итак, под понятием интернет-идентичность мы будем понимать набор считываемых характеристик виртуальной личности постоянного пользователя в онлайн-пространстве. Выделяют 3 основных типа виртуальной идентичности: подлинная (виртуальный образ соответствует автору), идеальная (в ней присутствуют как реальные, так и вымышленные характеристики человека) и ложная

(пользователь действует под вымышленным именем и образом). Мы рассмотрели, какие из них популярны на форуме Академгородка (forum.academ.org, общая численность 166 776 пользователей), на форуме сибирского семейного сайта Сибмама (forum.sibmama.ru, общая численность 294600 пользователей) и на форуме креативных людей Демиарт (demiart.ru/forum, 1 955 265 пользователей). На первом и на втором форумах в случайную выборку вошли по 100 аккаунтов, на третьем (по техническим причинам) □ 50. Выборка осуществлялась с помощью генератора случайных чисел из списка всех активных пользователей, имеющих более 2 сообщений на форуме.

Оказалось, что реальные фотографии, отображающие истинную личность автора или часть его личной жизни, популярны лишь на форуме Академгородка (45% участников из 100% использовали фото). Видимо, это особенности локальных сообществ. Эти фотографии демонстрировали в основном увлечения пользователя (фото с собакой на прогулке, с друзьями, с бойцовской грушей). На других форумах преобладали идеальная и ложная типы идентичности, то есть реальных фотографий было значительно меньше: 12 (из 100) на Сибмаме и 3 (из 50) на Демиарте. Видимо, это связано с размерами и спецификой сообществ. Реальные фотографии пользователей форума Сибмама отображали в основном детей участниц. На форуме Демиарт найти фото пользователя практически невозможно □ культура подобных креативных форумов, как и любых игровых сообществ, поощряет полный уход от реальности.

Несколько нестандартизированных интервью среди пользователей социальной сети ВКонтакте, имеющих опыт создания так называемых «фейков», показали основные причины конструирования этих ложных идентичностей. Они создаются: 1) в коммерческих целях (и даже в крупных масштабах) для раскрутки групп или рассылки спама (интервьюируемый: «У меня всё профессионально. Заполняю все поля: интересы, книги, фильмы, добавляю десятки аудио/видеозаписей, сотни репостов и записей на стене. Многие мои фейки состоят в родственных отношениях с другими моими фейками, это тоже увеличивает доверие»); 2) ради желания примерить другую роль (интервьюируемый: «...целью было просто желание иметь крутую страницу, на которой в друзьях будет очень много человек»; «...общаться от имени девушки мне было интереснее, узнавала много нового о противоположном поле»); 3) ради создания

творческого Альтер Эго (интервьюируемый: «...некоторые из своих музыкальных поделок я бы ни за что не выложил под настоящим именем из-за их спорно-го содержания, но поделиться каким-то образом всё-таки хочется»), 4) ради «разведки», подглядывания за кем-то (интервьюируемый: «О конкурентах нужно знать всё!»); 5) ради развлечения (интервьюируемый: «...создаю фейк, в течение года заливаю фотки, а потом троллю кого угодно в пабликах»).

Литература

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. □ М.: Канон-пресс-ц, 2000. □ 304 с.
2. Doering N. Sozialpsychologie des Internet. □ Hogrefe Verlag, 2003. 516 p.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРАВ

И.С. Тарбастаева
Институт философии и права СО РАН
inna-tarbastaeva@yandex.ru

Целью настоящей статьи является анализ современных форм реализации коллективных прав этнических общностей в России. При этом коллективные этнические права мы понимаем как продолжение идеи прав народов на самоопределение на внутреннем уровне, то есть внутригосударственном. Внешними формами реализации этого права в теории права принято считать создание независимого государства, присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление иного политического статуса [Гутарова, 177]. Что касается внутреннего уровня, то здесь международное право и доктрина не дают прямого ответа на вопрос, каким образом народам (этническим общностям) реализовывать свое право на самоопределение внутри государства. Неурегулированность данного вопроса чревата опасными последствиями. Некоторыми специалистами, в части М.А. Цагараевым, высказываются мнения, что систематическое нарушение внутреннего самоопределения может спровоцировать потребность осуществить его на внешнем уровне [Цараев, 174].

Надо сказать, что несмотря на неоднозначность тематики коллективной этнической правосубъектности в отечественном научном дискурсе, а также неполноты федерального, регионального нормативно-правового регулирования, мы все же можем утверждать, что в российском правовом пространстве такие формы существуют. Назовем их условно следующим образом: политико-территориальная форма (субъекты федерации, сформированные по этническому признаку), экстерриториальная форма (национально-культурные автономии) и особый правовой режим коренных малочисленных народов Севера (далее - КМНС). Названные формы исторически создавались в процессе решения конкретных задач в сфере этнонациональной политики России. Рассмотрим вкратце каждую из них и постараемся выделить те проблемы, которые возникают при реализации коллективных этнических посредством ее.

1) Политико-территориальная форма выражается государственно-территориальным устройством, в основе которого, наряду с административным принципом, лежит также и национальный (этнический). Сам факт существования республик с перечнем особых прав, закрепленных на самом высшем конституционном федеральном уровне, уже сам по себе является важной формой реализации коллективных этнических прав титульных общностей республики. Круг проблем, которые исследуют специалисты в области современного российского федерализма, чрезвычайно широк. В свете реализации коллективных этнических прав отметим, например, проблему представительства титульного этноса в органах власти и управления. В частности, С.К. Смирнова пишет о том, что данная проблема является одной из основных в вопросе реализации удмуртами своего права на самоопределение. Проблема эффективного представительства удмуртского населения в органах государственной власти республики является, на наш взгляд, одной из основных в вопросе реализации удмуртами своего права на самоопределение. «Отсутствие законодательных гарантий учета мнения титульного этноса республики при принятии государственных решений, заметное снижение за последнее десятилетие доли представителей удмуртов в высших эшелонах власти региона заметно влияют на этнополитические процессы в Удмуртии» [Смирнова, С. 13].

2) Следующая форма реализации коллективных этнических прав, экстерриториальная, возникла связана с принятием Федераль-

ного закона РФ «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г (далее - НКА) [Федеральный закон...]. Авторы концепции НКА К. Реннер и О. Бауэр видели проблему в том, что стремление к обладанию определенной территорией лежит в основе большинства межнациональных конфликтов. Поэтому они предложили сделать источником и носителем национальных прав внетерриториальные союзы, создаваемые на основе добровольного личного волеизъявления.

В настоящее время в сферу действия закона попадают только «этнические общности, находящиеся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории». В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, что в данном случае понимается под национальным меньшинством; на что до сих пор российское законодательство не дает ответа. Во-вторых, если интуитивно предположить, что национальное меньшинство — это не доминирующая группа с особым языком и культурой, то русские в Туве могут создать НКА, а тувинцы, которые составляют численное большинство — нет. В таком случае закон регулирует этнические интересы не всех общностей, а только тех, которые оказались в численном меньшинстве на определенной территории. Причем, какой именно, остается также неизвестным. Если речь идет о территории субъекта, то снова возникает вопрос: могут ли удмурты, составляющие 28% от общего количества жителей республики, создать НКА? Ведь в настоящее время немало республик, титульное население которых составляет численное меньшинство.

3) Особый правовой режим коренных малочисленных народов Севера создается как международно-правовыми документами, так и тремя федеральными законами [1], в которых предусматриваются специальные формы практической реализации права народов на самоопределение: уполномоченный представитель в лице физического или юридического лица, общины и территории традиционного природопользования народов. Несмотря на, казалось бы, более детальное регулирование все же специалисты отмечают существенные недостатки. Изолированность норм, отсутствие ясности, универсальности (одни и те же нормы трактуются в разных законах по-разному), связанности норм, некорректность законодательства — эти и другие дефекты в регулировании затрудняют применение коллективного права субъектом [См.: Кряжков]. Этим отчасти объясняется тот факт,

что за четырнадцать лет существования Федерального закона «О территориях традиционного природопользования...» так и не было создано ни одной территории федерального значения.

Примечания

Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «Об гарантиях прав КМН Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин КМНС, Сибири и Дальнего Востока РФ»; Федеральный закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О территориях традиционного природопользования КМНС, Сибири и Дальнего Востока РФ».

Литература

1. Гутарова А. Н. Право народов на самоопределение: понятие, становление и проблемы реализации в современном мире. Монография — Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2013. С. 251.

2. Декларация «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24.12. 1970 г. // Официальный перевод приведен с официального сайта ООН. [Электронный ресурс] URL.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

3. Кряжков В.А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27-39.

4. Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь в России / Под ред. В.А. Тишкова. 41 с.

5. Федеральный закон РФ от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Информационная база ГАРАНТ. [Электронный ресурс] URL.: <http://base.garant.ru/135765/>

6. Цагараев М. А. Современная трактовка принципа права народов на самоопределение // Социология власти. 2008. № 5. С. 170-175.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

ПРИНЦИП РЕЛЯТИВИЗМА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

А.Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
abdidikin@bk.ru

Нормативизм относится к числу наиболее известных концепций в философии права и аналитической юриспруденции, и в силу особенностей взглядов его основателя — австрийского ученого Ганса Кельзена, получивший также название «чистое учение о праве». Методологически это означало раскрытие сущности права вне зависимости от политических, социологических и психологических факторов, которые определяют социальные и исторические основания развития правовой системы. Критики Кельзена указывали нередко на то, что этот методологический проект не удался, и что его автор напрасно догматически поддерживал свою концепцию на протяжении всего творчества. Однако некоторые аспекты мировоззрения Кельзена и ставшие доступными его публикации позднего, «американского периода» жизни, позволяют более детально понять его научные и философские взгляды на вопросы государства и права.

В 1948 г. Ганс Кельзен опубликовал в американском политологическом журнале статью, которая включается в круг его исключительно философских статей, - «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике» [1]. Статья представляет сегодня интерес тем, каким образом Кельзен обосновывает влияние философского мировоззрения на политические действия, многие из которых по своей сути обусловлены правовым регулированием. В частности, речь идет о том, что философские взгляды, определяющие существование базовых ценностей как абсолютных, и существование абсолютной истины, способствуют обоснованию абсолютизма в политике, например, правомерности сохранения монархической формы правления и централизации государственного управления. Кельзен придерживается противоположной позиции — именно релятивизм, то есть философское представление о том, что не существует абсолютной истины и абсо-

любых ценностей ввиду того, что любое рассуждение и рефлексия определены социальными и историческими условиями (а в контексте нормативизма — правовыми нормами как моделью должного и правомерного поведения), позволяет развивать в государстве демократические институты и совершенствовать формы участия граждан в управлении делами государства. Несмотря на достаточно традиционную экстраполяцию философских понятий в область политической реальности, интересным представляется широкое использование Кельзеном принципа релятивизма при рассмотрении философских и правовых вопросов:

- концепции относительного суверенитета государства;
- концепции признания в международном праве;
- правовых оснований демократии в обществе;
- соотношения бытия и долженствования в действиях субъектов права;
- критика теории естественного права.

В области международного права Кельзен является сторонником приоритета норм и принципов международного правопорядка перед национальным правопорядком. Международный правопорядок доминирует над национальным правопорядком, поскольку национальное право должно соответствовать «основной норме» международного права как критерию действительности и иерархической структуры национальной правовой системы. Однако Кельзен и его последователи отмечали, что в практике международного сотрудничества государств действуют в том числе политические правила игры, которые фактически сводятся к правилу «государства должны поступать так, как они обычно поступают». В таком случае позиция Кельзена о том, что нормы международного права определяют первичный статус государства как территориального образования, обладающего политической организацией и системой управления, соответствует его принципу релятивизма. Ведь в зависимости от принимаемых мировым сообществом оценок и мнений одни государства признаются государствами, а другие сохраняют статус непризнанных государств или же только движений, претендующих на независимость [2]. Государство безусловно обладает суверенитетом во внутренних делах и в международных отношениях, но объем и уровень влияния государства в международной системе относительно, то есть связаны с международным признанием такого государства. Та-

ким образом, теория «относительного суверенитета» Кельзена основывается на том, что «основная норма» международного правопорядка ограничивает суверенитет государства и налагает на него международно-правовые обязательства.

Более значимыми и актуальными в свете современной международной обстановки являются представления Кельзена о концепции международно-правового признания легитимности правительства в государстве. Такое признание также базируется на принципе релятивизма, поскольку легитимность правительства определяется не формальным соблюдением норм Конституции (нормы Конституции подлежат изменениям, а любое изменение Конституции по Кельзену — революция), которое часто на практике невозможно при изменении политического режима, а международным признанием новых правителей, обеспечивающих порядок на территории государства [3]. Именно от наличия признания, полагает Кельзен, государство может иметь представителей в международных организациях и отстаивать национальные интересы. Отсутствие международного признания превращает новое правительство в нелегитимное даже в случае проведения новых выборов и изменения законодательства. Таким образом, признание выступает критерием относительной оценки легитимности государственной власти.

Принцип релятивизма остается определяющим и в отношении представлений о демократии как политическом режиме и правовом государстве. Государство как субъект права формирует правопорядок и как правило тождественно ему — этот известный тезис Кельзена о тождестве государства и права по своей сути яркая иллюстрация принципа релятивизма. Поскольку демократия не сводится к принятию решений и утверждению законов большинством голосов, необходимо учитывать, что в условиях демократии присутствует уважение к чужим взглядам и необходимость защиты интересов меньшинства. Кельзен отмечает, что «движущим принципом всякой демократии в действительности служит не экономическая свобода либерализма, как иногда утверждали (ибо демократия может быть как либеральной, так и социалистической), а, скорее, духовная свобода» [4]. Таким образом, правовое государство характеризуется демократическим режимом и конституционной моделью общественного устройства. Но Кельзен не абсолютизирует и не идеализирует возможности демократии. Парламент в лице политических партий представляет

различные общественные интересы. А столкновение интересов способствует заключению разного рода «сделок» между влиятельными политическими группами. Поэтому роль демократии в обществе ограничена и относительна, поскольку в таких условиях нет возможности достичь правильных и объективно обоснованных политических решений.

Кельзен проводит различие между формальной и материальной конституцией. Конституция – вершина национальной правовой системы, «и в материальном смысле слова – это собрание норм, которые регулируют создание законов». Отсюда следует, что материальная Конституция определяет не только статус государственных органов и процедуры законотворчества, но также и содержание будущих законов через введение определенных запретов и дозволений. Соответственно, формальная Конституция – это письменный документ, «собрание правовых норм, которые могут быть изменены лишь в установленном процессуальном порядке, цель которого состоит в том, чтобы затруднить изменение этих норм».

Нормативизм служит примером противоречия между правовым бытием и должествованием. Единственным связующим звеном между идеальными предписаниями правовой нормы и фактическими общественными отношениями является юридический значимое поведение субъекта права, правовая оценка субъективных действий и решений [5]. Такая оценка имеет относительный характер и возможна лишь уполномоченными органами и должностными лицами, которые в силу предписаний правовой нормы наделены правовым статусом. В этом смысле критика теории естественного права также обусловлена тем, что вечные и неизменные принципы естественного права, по мнению Кельзена, выступают своего рода религией для сторонников этой теории. В то же время позитивное право — гибкий и динамично развивающийся институт, и именно анализ и изучение иерархии правовых норм позволяет раскрыть сущность права. Таким образом, применение принципа релятивизма способствует наиболее адекватному осмыслению научных взглядов Кельзена и его творчества.

Литература

1. См.: Кельзен Г. Абсолютизм и релятивизм в философии и политике (1948, перевод с англ. А.Б. Дидикина) // Гуманитарные

науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды III Международной конференции. Новосибирск, 2014.

2. См.: Kelsen H. Recognition in International law: Theoretical observations // The American Journal of International law. 1941. Vol. 35. No.4. P.607, 608

3. См.: Коваль Д. Международно-правовые взгляды Г. Кельзена и современные политико-правовые процессы на Украине // Украинский часопис международного права. 2014. №1-2.

4. См.: Kelsen H. Foundations of Democracy // The American Political Science Review. 1941. P.1-101.

5. См.: Дидикин А.Б. Предыстория аналитической философии права: логическое и метафизическое в нормативизме Ганса Кельзена // Вестник НГУ. Серия Философия. 2012. Т. 10. Вып. 4. С. 42-46.

ЧИСТАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА Г. КЕЛЬЗЕНА

М.В. Пырина

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

2_Maria@mail.ru

В рамках аналитической философии права Г. Кельзен разработал теорию позитивистской методологии права. Австрийский правовед полагал, что право может располагать своими собственными специфическими правовыми методами. Он выделял два метода в рамках правовой науки: догматический и нормативистский.

Для обоснования своей позиции Г. Кельзен опирался на неокантианское разграничение областей теоретического знания: науки о сущем и науки о должном. По мнению австрийского правоведа, этика и юриспруденция входят во вторую группу наук о должном. Дело в том, что они исследуют нормативно обусловленные отношения в обществе, механизмы и способы социальной регламентации поведения людей. В науках о сущем главным постулатом выступает принцип объективной причинности, в науках о должном – принцип вменения [2, с. 528].

Понимая правоведение как нормативную науку Г. Кельзен считал, что при помощи принципа нормативности оно способно описать свой объект. Задачей правовой науки должно быть описа-

ние и логическая систематизация права, которое не зависит от общественного бытия, т.е. наука, изучающая право, должна отказаться от описания данного феномена через экономическое, политическое, социологическое, историческое и нравственное описание. Чистота теории права предполагает также исключение из нее идеологических оценок. Г. Кельзен писал: «Чистая теория стремится преодолеть идеологические тенденции и описать право таким, каково оно есть, не занимаясь его оправданием или критикой» [2, с. 528].

Под правом Г. Кельзен понимал – иерархическую систему норм, каждая норма которой последовательно выводится из основной нормы, образуя иерархию норм [3, с. 374-375].

В отличие от идей классического позитивизма в праве, определяющего право как приказ, исходящий от лица или группы лиц, располагающих властью, и направленный члену или членам самостоятельного политического общества, к которому принадлежит лицо или группа лиц, облеченных суверенитетом и величием [3, с. 364]. Чистая теория права Г. Кельзена – это попытка объединить «чистую» систему правовых норм, независимых от общественного бытия, и все сильнее нарастающего влияния государства на правовую жизнь. Сам Г. Кельзен понимал под чистой теорией права структурный анализ позитивного права, основной принцип, которого логико-юридическая гипотеза об основной норме, установленной логическим анализом реального юридического мышления [3, с. 368].

По мнению Ю. В. Тихонравова, введение понятия основной нормы как элемента системы права и как логической основы ее значимости в установлении эффективного правопорядка, было необходимо, чтобы вписать государство в господствующий порядок и отождествить его с правом. Государство и право, по мнению Г. Кельзена, – две стороны одного и того же явления.

Право в концепции австрийского правоведа имеет иерархическую структуру – систему норм. Основная норма обладает высшей юридической силой. Нормативно-правовой акт, обладающий такой высшей юридической силой, обуславливает создание норм низшего уровня. Если право принадлежит сфере «должного», значит, правовое мышление имеет дело лишь с долженствованием, выраженным в содержании правовой нормы [1, с. 153]. Под нормой Г. Кельзен понимает объективное значение поведения, а ее содержание – долженствование, – а именно, предписания, дозволения, запреты.

Именно долженствование придает правовым актам их смыслы. По словам Г. Кельзена, «норма функционирует в качестве схемы истолкования». Соответственно результат нормативного толкования – суждения, наделяющие правовым значением акты поведения. Правовой акт выражается через жесты, символы, устную речь, письменные документы [1, с. 154]. Интересную интерпретацию предлагает А. Б. Дидикин, анализируя концепцию Г. Кельзена, он показывает, что связующим звеном между нормой (долженствованием) и бытием (актом воли) является «действие». Следовательно, нормы права наделяют субъектов правовым статусом и приписывают юридические свойства их действиям. Долженствование, как отмечает А. Б. Дидикин, образует субъективный смысл акта воли, но при совпадении нормативного предписания и реального поведения норма приобретает объективный смысл в случае восприятия такого совпадения двумя и более лицами [1, с. 155].

Существование позитивного права не зависит от соответствия со справедливостью. Г. Кельзен отвергает теорию справедливости, его задачей становится выявление неизменных принципов законодательства. Такими неизменными принципами законодательства являются позитивные действия права. Следовательно, в концепции чистого права любая оценка относится к сфере субъективного мнения. Чистая теория права – структурный анализ позитивного права, его принцип заключается в логико-юридической гипотезе об основной норме. Г. Кельзен утверждает, что «то, что не может быть обнаружено в содержаниях позитивных юридических норм, не может войти и в правовое понятие» [3, с. 378]. Следовательно, отношения между правом и моралью являются совершенно обособленными.

Таким образом, чистая теория права Г. Кельзена развившаяся из положений юридического позитивизма, получила широкое распространение и имела огромное влияние на становление международного права, а также на развитие аналитической философии права.

Литература

1. Дидикин А. Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права / А. Б. Дидикин // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2010. – №1. С. 149-165.

2. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. – 576 с.

3. Тихонравов Ю. В. Основы философии права / Ю. В. Тихонравов // Учебное пособие. – М: Вестник, 1997. – 608 с.

РОЛЬ ИТОГОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Н.В. Козлова

Сибирский университет потребительской кооперации

koznv@mail.ru

Значимость института общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов можно определить, исходя из анализа практики получаемых в результате обсуждений решений, их роли и дальнейшем законодательном закреплении.

В соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы обладают Президент РФ, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ по вопросам их ведения [1]. Но инициаторами процедуры общественного обсуждения могут выступать только Президент РФ и федеральные органы исполнительной власти, по вопросам, затрагивающим основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации. При этом Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ, закрепляет за нижней палатой право на самостоятельное выявление мнения населения посредством всенародного обсуждения законопроекта в случае необходимости [2].

В случае проведения всенародного обсуждения по законопроекту по инициативе Государственной Думы данный конституционно-правовой институт становится элементом законодательного процесса в строгом смысле слова. В таком случае общественные обсуждения будут иметь больший общественный резонанс, а также иные юридические последствия, привлекая граждан непосредственно к участию в законодательном процессе[3].

Механизм общественного обсуждения запускается, когда проект нормативно правового акта находится на стадии разработки, и ещё не внесён на рассмотрение в Государственную Думу, поэтому вся нормативная база, направленная на регулирование процесса проведения общественных обсуждений и закрепляет применение рассматриваемого института лишь на стадии разработки проекта. Таким образом, статус результатов общественного обсуждения зависит от законотворческой стадии, на которой проводится обсуждение.

Необходимо учитывать закреплённый ст. 10 Конституции РФ принцип разделения властей и то, что не существует законодательно закреплённой нормы права, обязывающей нижнюю палату парламента безоговорочно принимать законопроекты, пусть даже разработанные Президентом РФ, прошедшие процедуру общественного обсуждения.

Именно по этой причине, в случае если Президентом РФ было проведено общественное обсуждение проекта закона, и текст проекта был доработан с учётом поступивших комментариев, замечаний и предложений населения, и уже после этого направлен на рассмотрение в Государственную Думу РФ, этот законопроект, несомненно, приобретает особый вес, содержит в себе мнение граждан. Сложившуюся ситуацию отчасти можно рассматривать как некую уловку. Так как, в случае отклонения законопроекта Государственной Думой, она рискует потерять поддержку своих же избирателей, принявших участие в разработке данного проекта. По данной причине институт общественных обсуждений может быть инструментом манипуляции общественного мнения в политических целях.

По итогу анализа действия данного института непосредственной демократии, можно выделить как положительные, так и негативные результаты его воздействия, проявляющиеся как в законодательном закреплении, так и в реализации технической части, которые в процессе проведения обсуждений могут тесно переплетаться.

При рассмотрении концепции, в рамках которой осуществляются общественные отношения по реализации данного института можно выявить, что до сих пор не сформировалось чётких рамок и принципов обсуждений, которые позволили бы понимать, к каким законопроектам следует приобщать мнение граждан, а какие оставить на волю законодателя. Хотя в тоже время законом установлен список вопросов, которые никогда не могут обсуждаться в интер-

нет-дискуссии по совершенно разным причинам. Вследствие этого возникает вопрос, стоит ли выносить на обсуждение узконаправленные законопроекты, касающиеся определенных областей, по поводу которых общая масса населения не сможет выразить своего мнения, по причине того, что многие понятия и определения носят весьма специфический характер, профессиональную терминологию, которая не вполне доступна рядовому гражданину. Логично предположить, что интерес к обсуждению такого рода проектам будет проявлен лишь экспертами данной области, что уже не может в полной мере считаться всенародным обсуждением, а превращается в обычный законодательный процесс, существовавший ранее. А значит, в отношении подобных законопроектов, теряется сам смысл проведения дорогостоящий интернет – обсуждений.

Еще одним из недостатков можно отнести момент определения формы нормативного правового акта. Федеральный орган исполнительной власти, разработавший законопроект, вправе самостоятельно определять содержание и форму своего документа. Законодательно этот вопрос не урегулирован. Что нередко приводит к путанице как при переработке информации непосредственно интернет-площадкой, так и при изучении таких материалов, затрудняя тем самым работу самой площадки.

Отсутствие законодательного закрепления момента официального объявления о начале общественных обсуждений в каких-либо правовых актах, сроках проведения обсуждения, может привести к тому, что общественное обсуждение рискует потерять свой первоначальный смысл и превратиться в обычную интернет-дискуссию, а, следовательно, и значение результатов проводимых обсуждений приобретет неопределённый смысл.

Участникам общественных обсуждений, преодолевшим все трудности, изучившим представленный проект закона и отправившим свои замечания и предложения, естественно хочется знать, какие комментарии были взяты за основу внесённых изменений текста проекта закона. Однако их желание часто остаётся неудовлетворённым, по причине того, что федеральные органы исполнительной власти, являющиеся разработчиками проекта, после проведения общественных обсуждений, принятия и рассмотрения всех поступивших предложений, внесения соответствующих изменений, не представляют отчётов о проделанной работе пользователям интер-

нет-портала. Из-за отсутствия публичного отчёта о результатах обсуждений, возникает опасность использования института общественного обсуждения лишь с целью политической манипуляции путём внесения заранее подготовленных предложений, вместо настоящего мнения граждан.

Необходимо подчеркнуть и достоинства претворения действия института прямой демократии в жизнь. Идея возвращения к институту, постепенная разработка законодательной базы проведения общественных обсуждений, является шагом на пути становления идеи открытости и прозрачности законодательного процесса.

На сегодняшний день граждане получили возможность высказать своё мнение и внести свои предложения напрямую властным органам по проектам социально значимых законов, и быть услышанными, что позволяет им ощутить свою причастность к принимаемым законам; имеют доступ к необходимой информации о развитии государства в данном периоде, что так же влияет на формирование полноценного мнения о состоянии развития общества.

Общественное обсуждение является одним из наиболее эффективных инструментов выражения мнения народа, который ценен как для граждан благодаря возможности высказать свою позицию по вопросу государственной и/или общественной жизни, так и для самих органов власти, для которых общественное обсуждение служит одним из источников ее легитимации, позволяя преодолеть отрыв от народа.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). -[Электр.ресурс].-Консультант Плюс: [справочно-поисковая система].

2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД "О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" (ред. от 25.02.2015) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

3. Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения. [Электронный ресурс] URL: <http://lexandbusiness.ru>

РОЛЬ И ФУНКЦИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РФ

М.В. Сухоревская

Сибирский университет потребительской кооперации
suhorevskaya@yandex.ru

Современные проблемы обеспечения национальной безопасности выявили необходимость появления некоего органа, основным предназначением которого является координирующая роль всех государственных структур в вопросах обеспечения безопасности различного вида. В Российской Федерации таким органом стал Совет Безопасности.

В настоящее время правовое положение Совета Безопасности определяется Конституцией Российской Федерации (ст. 83, п. "ж"); Федеральным Законом от 28 декабря 2010 г. "О безопасности" (глава 3); положениями о Совете Безопасности, об аппарате Совета Безопасности, о научном совете при Совете Безопасности, о межведомственных комиссиях Совета Безопасности Российской Федерации, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. N 590.

В статье 13 ФЗ «О Безопасности», а также в пункте 1 Положения о Совете Безопасности содержится актуальное понятие Совета Безопасности. Законодатель указывает, что Совет Безопасности Российской Федерации конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военнотехнического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также по вопросам международного сотрудничества в области обеспечения безопасности.

В состав Совета Безопасности входят Председатель Совета Безопасности, которым по должности является Президент Российской Федерации, Секретарь Совета Безопасности, постоянные члены и члены Совета Безопасности, включаемые в состав Совета Безопасности и исключаемые из него Президентом Российской Федерации по представлению Секретаря Совета Безопасности.

Основные организационно-правовые формы работы Совета Безопасности – заседания, оперативные совещания, совещания по стратегическому планированию, рабочие совещания, а также заседания его рабочих органов - постоянных межведомственных комиссий, научного совета и его секций.

Заседания Совета Безопасности проводятся на регулярно, как правило, один раз в квартал. В случае необходимости могут проводиться внеочередные заседания. Для оперативного обсуждения вопросов обеспечения национальной безопасности Председатель Совета Безопасности проводит с постоянными членами Совета Безопасности оперативные совещания (как правило, один раз в неделю).

Заседания Совета Безопасности проводит Председатель Совета Безопасности., он определяет порядок организации и проведения заседаний и совещаний.

Решения Совета Безопасности принимаются на его заседании постоянными членами Совета Безопасности простым большинством голосов от их общего числа и вступают в силу после утверждения Председателем Совета Безопасности. Члены Совета Безопасности принимают участие в заседаниях Совета Безопасности с правом совещательного голоса.

Решения, вступившие в силу, обязательны для исполнения государственными органами и должностными лицами, а в целях их реализации Президент РФ может издавать указы и распоряжения. Решения оформляются протоколами, которые утверждает Председатель Совета Безопасности.

Основные задачи и функции Совета Безопасности определены в статье 14 ФЗ «О безопасности», а также в пункте 3 и пункте 4 Положения о Совете Безопасности.

Так, среди основных задач Совета Безопасности законодатель выделяет:

- 1) обеспечение условий для осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности;

2) формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией;

3) прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации;

4) подготовка предложений Президенту Российской Федерации:

а) о мерах по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и преодолению их последствий;

б) о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;

в) о введении, продлении и об отмене чрезвычайного положения;

5) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения безопасности;

6) оценка эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Среди основных функций Совета Безопасности в статье 14 ФЗ «О безопасности» названы:

1) рассмотрение вопросов обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, иных вопросов, связанных с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности;

2) анализ информации о реализации основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности, о социально-политической и об экономической ситуации в стране, о соблюдении прав и свобод человека и гражданина;

3) разработка и уточнение стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, а также критериев и показателей обеспечения национальной безопасности;

4) осуществление стратегического планирования в области обеспечения безопасности;

5) рассмотрение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к ведению Совета Безопасности;

6) подготовка проектов нормативных правовых актов Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности и осуществления контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности;

7) организация работы по подготовке федеральных программ в области обеспечения безопасности и осуществление контроля за их реализацией;

8) организация научных исследований по вопросам, отнесенным к ведению Совета Безопасности.

Также Президент РФ может возложить на Совет Безопасности иные задачи и функции.

Важную роль в Совете Безопасности играет Секретарь Совета Безопасности. Он организует работу Совета Безопасности и руководит аппаратом Совета Безопасности, а также несет ответственность за обеспечение деятельности и исполнение решений Совета Безопасности. Его функционал обозначен в пункте 22 Положения о Совете Безопасности.

Основными рабочими органами Совета Безопасности РФ являются межведомственные комиссии, которые образуются в соответствии с основными задачами Совета Безопасности РФ. Они могут создаваться по функциональному или региональному признаку. В случае необходимости создаются временные межведомственные комиссии (например, при подготовке предложений по предотвращению чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий).

В настоящее время на официальном сайте Совета Безопасности обозначено 7 действующих межведомственных комиссий:

- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере;

- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по военной безопасности;

- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности;

- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности;

- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам Содружества Независимых Государств;
- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам стратегического планирования;
- Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности.

Межведомственные комиссии, как правило, осуществляют анализ состояния определенной сферы национальной безопасности; прогнозирование, выявление и оценка угроз определенной сферы национальной безопасности Российской Федерации и их источников, подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности по предотвращению выявленных и недопущению прогнозируемых угроз; рассмотрение проектов федеральных (государственных) целевых программ, направленных на обеспечение определенной сферы национальной безопасности Российской Федерации; участие в подготовке материалов по вопросам обеспечения определенной сферы национальной безопасности Российской Федерации для ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; участие в подготовке предложений и рекомендаций Совету Безопасности по вопросам организации стратегического планирования в Российской Федерации; подготовку предложений и рекомендаций Совету Безопасности по разработке проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение информационной безопасности Российской Федерации.

Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации является самостоятельным подразделением Администрации Президента Российской Федерации (на правах управления Администрации Президента Российской Федерации). Положение об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 6 мая 2011 г. N 590) устанавливает ряд задач и функций аппарата Совета Безопасности, которые носят в основном обеспечительный характер. Аппарат Совета Безопасности возглавляет Секретарь Совета Безопасности, который назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации.

Научный совет при Совете Безопасности Российской Федерации образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения деятельности Совета Безопасности, его

рабочих органов и аппарата Совета Безопасности. Его деятельность регулируется Положением о научном совете при Совете Безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 6 мая 2011 г. N 590).

Являясь результатом своевременной законодательной деятельности, Совет Безопасности РФ стал адекватным ответом государства на внутренние и внешние угрозы национальной безопасности. Предметом рассмотрения Совета Безопасности всегда становились вопросы, касающиеся практически всех областей обеспечения национальной безопасности страны. Принимаемые решения позволяют принять оперативные меры по разрешению конкретных ситуаций, обеспечить проведение мероприятий, реализующих долгосрочные цели. Функционал Совета Безопасности и его подразделений, гибкий график проведения заседаний и совещаний, возможность привлечения экспертов, обязательность для органов власти и должностных лиц принятых Советом решений и т.д. – все это играет существенную роль в становлении Совета Безопасности в качестве ведущего органа по прогнозированию, выявлению угроз национальной безопасности и борьбе с ними.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014

2. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // "Российская газета", N 295, 29.12.2010

3. Указ Президента РФ от 06.05.2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 мая 2011 г. N 19 ст. 2721

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарные доклады.....	3
<i>Аблажей А.М.</i> Профессиональная идентичность ученого в современных условиях (российский опыт).....	3
<i>Головкин Н.В.</i> Теория тройной спирали: от структурного к функциональному объяснению.....	10
<i>Гордиенко А.А.</i> Представительные гражданские институты и их истоки.....	14
<i>Петров В.В.</i> Региональный университет: рейтинги, критерии, перспективы.....	20
Гуманитарные исследования.....	26
<i>Философия, логика и методология научного знания.....</i>	26
<i>Баранов Е.А.</i> Философское осмысление проблемы исследования.....	26
<i>Бровкина А.Р.</i> Сознание как взаимодействие.....	29
<i>Глебов Е.В.</i> Приоритеты нейрофилософских исследований на современном этапе.....	34
<i>Грехова Л.А.</i> Роль внимания в процессе восприятия, его свойства и перспективы дальнейшего исследования.....	41
<i>Илюхина Е.О.</i> Тема свободы в аспекте нейрофилософии.....	45
<i>Кравчик А.С.</i> Феноменологический анализ логических оснований параметрической общей теории систем А.Е. Умова....	50
<i>Оводова С.Н.</i> Логико-вербальная и образно-пространственная концептуализация действительности.....	53

<i>Орлянская Д.И.</i> Концепция неявного знания.....	58
<i>Петров Д.А.</i> Трансгуманизм: новый взгляд на эволюцию человека?.....	61
<i>Попова С.С.</i> Телеологические объяснения в научных исследованиях.....	66
<i>Сторожук А.Ю.</i> Методологические основания двух тенденций в развитии современной космологии.....	70
<i>Чистанова О.М.</i> Лингвистические средства рационально-логической акцентуации в немецкоязычном научном тексте.....	74
<i>История философии в новом интеллектуальном контексте...76</i>	
<i>Вольф М.Н.</i> «Клепсидра»: досократические объяснительные принципы в «Федоне» Платона.....	76
<i>Глушенкова О.А.</i> Критика логоцентризма Ж. Деррида как теоретическое обоснование явления виртуализации мира.....	90
<i>Евдокимова К.Н.</i> Экзистенциальный и этический аспекты свободы в философии Ж.-П. Сартра.....	92
<i>Качай И.С.</i> Онтологическая сущность творческого процесса В европейской философии XIX-XX вв.....	94
<i>Маслов Д.К.</i> О степени радикальности античного пирронизма и картезианского скептицизма.....	99
<i>Санжсенаков А.А.</i> Эллинистическая философия и современность.....	103
<i>Социально-философские исследования.....107</i>	
<i>Егорова О.С.</i> «Философия труда» А.В. Сухово-Кобылина: опыт реконструкции.....	107

<i>Каширина М.В.</i> К вопросу о социальной онтологии морали.....	111
<i>Коврижных К.В.</i> Философский анализ духовности: критические замечания и поиск теоретических оснований.....	113
<i>Кудряшов И.С.</i> Кенозис тела в теории и практике лакановского психоанализа.....	118
<i>Никитин А.П.</i> Философия денег как метатеория денег.....	122
<i>Смирнова А.В.</i> Материальный поворот в философии искусства...	126
<i>Шевцов Н.С.</i> Три подхода к пониманию сообщества.....	127
Социальные исследования.....	131
<i>Аттинк Р.В.</i> Игра как форма самореализации социально- экономических субъектов.....	131
<i>Бернюкевич А.</i> Политический портрет Мао Цзэдуна в отечественной и зарубежной историографии.....	134
<i>Булгакова А.И.</i> Удовлетворенность условиями труда специалистов МФЦ г. Абакан.....	137
<i>Бутина А.В.</i> Гражданское участие интеллектуалов: соотношение теории и практики.....	140
<i>Гаевский А.Г.</i> Коллективизм и индивидуализм в современной организационной культуре.....	144
<i>Голубцов С.В.</i> Методология изучения вопросов взаимодействия православного населения с коренными жителями Алтайского края.....	146
<i>Гомбоев А.В.</i> К вопросу о буддийском образовании в РФ.....	149

<i>Евдокимов А.И.</i> Миграция как фактор демаркации культурных Различий в борьбе за сохранение национальной идентичности (на примере Саяно-Алтайского региона).....	152
<i>Евстифеева Е.А., Филиппченко С.И., Рассадин С.В., Иванов С.В.</i> Личностный потенциал инженера XXI века: рефлексивно-педагогическая модель в контексте непрерывного инженерного образования.....	155
<i>Ерохина Е.А.</i> Биоэтические смыслы этноэкологической экспертизы.....	159
<i>Ерышева А.А.</i> Коммуникационные основания в принятии решений.....	163
<i>Заседателева Е.И.</i> К вопросу об основных проблемах молодежи в современной России.....	165
<i>Игнатова Н.В.</i> Необходимость взаимодействия семьи и школы в процессе социализации детей.....	168
<i>Костюнина А.А.</i> Проблема формирования имиджа коррекционной школы.....	171
<i>Кураева О.В.</i> Кукла как фактор социализации детей.....	175
<i>Мадюкова С.А.</i> Мигранты в Новосибирске: мифы и реальность...	178
<i>Мамонов Т.Т.</i> К вопросу о феномене разделенного этноса.....	182
<i>Недорезова А.В.</i> Дополнительное профессиональное образование: акмеологический аспект.....	185
<i>Персидская О.А.</i> Параметры этнической идентичности русских в регионах Сибири.....	188
<i>Поляков Д.Б.</i> Новые аспекты анархизма: социальная экология и анархо-примитивизм.....	190

<i>Поцелуева А.И.</i> Социальное значение «третьей миссии» университета.....	193
<i>Романенко Т.В.</i> Православие в контексте межкультурного взаимодействия между Россией и Китаем.....	195
<i>Сапон И.В.</i> Ложные идентичности в интернет-сообществах: причины создания.....	198
<i>Тарбастаева И.С.</i> К вопросу о формах реализации коллективных этнических прав.....	200
Теоретические проблемы права.....	204
<i>Дидикин А.Б.</i> Принцип релятивизма в философии права Ганса Кельзена.....	204
<i>Пырина М.В.</i> Чистая теория права Г. Кельзена.....	208
<i>Козлова Н.В.</i> Роль итогов общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов.....	211
<i>Сухоревская М.В.</i> Роль и функции Совета безопасности РФ.....	215

Научное издание

**Актуальные проблемы гуманитарных и социальных
исследований**

Материалы XIV межрегиональной научной конференции
молодых ученых

Под ред. А.Б. Дидикина, В.В. Петрова

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 13,28. Тираж 100 экз. Заказ № 126

Отпечатано в ООО «Омега Принт»
630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 6
тел/факс (383) 335-65-23, email: omegapr@yandex.ru